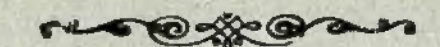
ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

ТОМЪ II.

Составилъ В. ПОТТО.

При участіи въ сборѣ матеріаловъ Князя *В. П. Долгорукова.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике. Троицкая улица, домъ № 18.
1893.

ИСТОРІЯ 44-го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ПОЛКА.

ТОМЪ II.

Составилъ В. ПОТТО.

При участіи въ сборѣ матеріаловъ Князя *В. П. Долгорукова.*

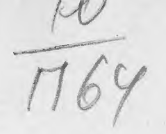

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике. Троицкая улица, домъ № 18.
1893.

Дозволено цензурою. Спб. 4 Іюня 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Картины и карты.

Драгуны на штурмѣ Анапы. 1791 г.

I.

Въ предгоріяхъ Кавказа.

(1783—1791).

Форсированными маршами къ Кубанской границѣ.—Суворовскій походъ.—Бой у Керменчука. — Возвращеніе въ Екатеринославское намѣстничество. — Три года потемкинскихъ реформъ. — Первый полковой шефъ—Текелли. — Полковой командиръ князь Щербатовъ.—1787 г.: Походъ къ крѣпости св. Димитрія.—Вторая турецкая война. — Нижегородцы между Лабою и Кубанью. — Представители Нижегородскаго полка въ арміи Потемкина. — Зимнія квартиры въ Городищахъ. — 1788 г.: Опять въ крѣпости св. Димитрія.—Позиція у Копыла.—Походъ къ Анапѣ.—Нижегородскіе эскадроны въ передовомъ отрядѣ подъ крѣпостью. — Зимнія квартиры. — 1789 г.: На Таманскомъ полуостровѣ.—1790 г.: Новый шефъ—генералъ Самойловъ.—На помощь Бибикову.—Нашествіе Баталъ-паши.— Нижегородцы за Кубанью.—1791 г.: Походъ съ Гудовичемъ къ Анапѣ.—На штурмѣ крѣпости.

Форсированными маршами шелъ Нижегородскій полкъ къ кавказскимъ предѣламъ, лѣтомъ 1783 года. Судьбѣ угодно было, чтобы и на этомъ новомъ поприщѣ онъ появился въ одинъ изъ острыхъ и значительныхъ

моментовъ, когда на Кубани шла война съ ногайскими ордами и рѣшался вопросъ объ умиротвореніи края.

Ногайцы пришли сюда въ первую турецкую войну изъ Бессарабіи и широко раскинули свои становища въ степяхъ нынѣшней Кубанской области и Ставропольской губерніи. Скоро они оказались самыми безпокойными сосѣдями для порубежныхъ донскихъ казачьихъ поселеній. Соперничавшіе между собою, ханы отдѣльныхъ племенъ вовлекали въ свои раздоры исконныхъ русскихъ враговъ черкесовъ, и вмѣстѣ съ ними то и дѣло вносили мечъ и опустошеніе въ русскіе предѣлы. Присоединеніе къ Россіи Крымскаго ханства, къ которому ногайскія орды стояли въ вассальной зависимости, только усилило этотъ очагъ раздоровъ, безпорядковъ и разбойничества. Турція, мечтавшая о возвращеніи утраченнаго Крыма, поддерживала изъ Анапы всѣ эти безпокойные элементы на юго-восточной границѣ Россіи, и пока ногайцы сидѣли надъ Кубанью, нечего было и думать о заселеніи степныхъ пространствъ какимъ бы то ни было осѣдлымъ населеніемъ. Выведенное изъ терпѣнія, русское правительство положило наконецъ переселить ногайскія орды въ приуральскія степи, обезлюдѣвшія послѣ пугачевщины, и выполненіе этого дѣла поручено было Суворову.

Извѣстіе о переселеніи съ привольныхъ Кубанскихъ равнинъ въ песчаныя, безплодныя степи Урала встрѣчено было ногайцами съ затаеннымъ неудовольствіемъ, и они порѣшили тайно уйти за Кубань въ черкесскія земли. Удайся имъ это,—русскимъ границамъ вѣчно грозила бы сугубая опасность. Суворовъ спѣшилъ принять мѣры, чтобы заставить ногайскія орды отказаться отъ своихъ намѣреній,—и быстро двинулъ войска къ Копылу.

Въ этотъ-то моментъ Нижегородцы и появляются на Кубанской линіи. Когда они пришли въ Копылъ, тамъ стоялъ уже Владимірскій драгунскій полкъ, и собрано было 16 ротъ пѣхоты съ четырьмя орудіями. Между войсками свирѣпствовала страшная смертность, и Суворовъ, жалуясь на дурное состояніе частей и небрежное отношеніе къ нимъ ближайшихъ начальниковъ, выдѣляетъ однакоже изъ ряду ихъ нашихъ Нижегородцевъ. «Справедливую похвалу», пишетъ онъ князю Потемкину, «долженъ отдать я Нижегородскому драгунскому полку и г. полковнику Давыдову со всѣми штабъ и оберъ-офицерами. Сей полкъ подъ Копыломъ соблюденъ цѣлъ». Съ этимъ знаменательнымъ отзывомъ Суворова Нижегородцы и начинаютъ свою первую кавказскую службу ([1]).

Вся трудность предстоящей экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы настигнуть ногайцевъ прежде, чѣмъ они успѣютъ уйти въ недоступныя горы. Но вмѣстѣ съ быстротою нужна была скрытность движенія,—и русскій отрядъ шелъ по ночамъ, а дни проводилъ въ глухихъ оврагахъ или камышахъ, не смѣя даже сварить себѣ пищи: весь противоположный берегъ Кубани былъ занятъ чуткими сторожевыми пикетами горцевъ, и тонкая струйка синяго дымка надъ камышомъ могла бы предательски выдать присутствіе русскихъ. 29 сентября войска, никѣмъ не замѣченныя, дошли до устья Лабы, гдѣ ихъ ожидалъ Иловайскій съ своими казаками. Тутъ Суворовъ отдалъ свой знаменитый приказъ, который при вечернемъ паролѣ читали передъ каждою частью. «Войскамъ», говорилось въ этомъ приказѣ, «отдыха нѣтъ до рѣшительнаго пораженія, истребленія или плѣна непріятеля. Если онъ не близко, то искать его вездѣ; пули беречь,—работать холоднымъ оружіемъ... Драгунамъ и казакамъ отнюдь не слѣзать съ коней для добычи: на добычу идетъ четвертая часть войска, а остальныя всѣ наготовѣ» ([2]).

Ночью перешли Кубань, и верстахъ въ 12-ти, близъ урочища Керменчукъ, настигли ногайцевъ. Они стояли огромнымъ таборомъ, видимо не ожидая нападенія. Суворовъ тотчасъ подалъ сигналъ къ атакѣ. Нижегородцы, Владимірцы и казаки со всѣхъ сторонъ безъ выстрѣла ринулись на непріятеля; два батальона егерей поддержали ихъ,—и началась страшная сѣча. Хуже вооруженные, хуже предводимые, не дисциплинированные, не имѣвшіе понятія о строѣ, ногайцы рѣзались со злобой, и гибли массами. Въ безсильной ярости они сами истребляли свои драгоцѣнности, убивали своихъ дѣтей, рѣзали женщинъ. Больше десяти тысячъ ногайскихъ тѣлъ лежало на десяти-верстномъ пространствѣ.

Зиму съ 1783 на 1784 годъ Нижегородскій полкъ провелъ въ Копылѣ на самой пограничной линіи ([3]). Затѣмъ три года сряду ходилъ онъ съ однѣхъ квартиръ на другія, проводя лѣто въ кампаментахъ въ землѣ Донского войска у Каменнаго или Песчанаго бродовъ, а зиму въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ, гдѣ стоялъ сначала въ Ивановкѣ близъ самаго Екатеринослава, потомъ въ Уразовой и, наконецъ, въ Цареборисовкѣ ([4]).

Эти три года между тѣмъ были эпохою потемкинскихъ реформъ, которыя положили на нашъ полкъ послѣднія черты, приспособившія его къ своеобразной дѣятельности на Кавказѣ. Съ 1784 года Потемкинъ становится

президентомъ военной коллегіи, и подъ его вліяніемъ скоро всѣ внутреннія полковыя отношенія, солдатскій образъ жизни, одежда и вооруженіе— круто и радикально измѣняются. Самъ блестящій кавалеристъ, Потемкинъ прежде всего обратилъ вниманіе на кавалерію, положивъ основаніе новой эрѣ и въ воспитаніи, и въ боевомъ обученіи ея. Онъ исходилъ изъ того въ высокой степени здраваго и простого принципа, что войско существуетъ для защиты страны, и что для него пригодны поэтому главнымъ образомъ боевыя качества, а не внѣшнія, показныя. «Изъ опытовъ извѣстно», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ, «что полковые командиры обучаютъ часто движеніямъ, рѣдко годнымъ къ употребленію на дѣлѣ, пренебрегая самыми нужнѣйшими». И онъ потребовалъ, чтобы конница пріучалась только къ тому, что ей свойственно: «къ быстрымъ поворотамъ, заѣздамъ, развертываніямъ фронта, а паче къ атакѣ, коей ударъ на ближней дистанціи долженъ быть во всей силѣ». «Сидѣть на лошади», писалъ онъ, «крѣпко, съ свободностью, какую казаки имѣютъ, а не по манежному, принужденно; стремена чтобы не были длинны... Всякое принужденіе, вытяжка, крѣпкіе удары въ ружейныхъ пріемахъ должны быть истреблены, но вводить бодрый видъ при свободномъ держаніи корпуса, наблюдать опрятность, столь нужную къ сохраненію здоровья, содержать въ чистотѣ аммуницію, платье и обувь, доставлять добрую пищу, лудить почасту котлы. Таковыми попеченіями полковой командиръ можетъ отличиться, ибо я на сіе буду взирать, а не на вредное щегольство, удручающее тѣло» (5).

Всѣ предписанія Потемкина полны заботъ о солдатѣ, о его благосостояніи, а также о томъ, чтобы онъ не терпѣлъ отъ произвола начальниковъ. Тѣлесныя наказанія и побои при строевыхъ ученьяхъ были строго воспрещены подъ страхомъ большого денежнаго штрафа. «Паче всего я требую», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ распоряженій, «чтобы обучать людей съ терпѣніемъ и ясно толковать способы къ лучшему исполненію» (6). Неуспѣхъ нижнихъ чиновъ онъ прямо приписывалъ только невниманію или незнанію дѣла самими офицерами, и взысканію подвергалъ ихъ, а не солдатъ. И наказанія эти носили совершенно особый характеръ. Въ одномъ приказѣ Потемкина встрѣчается, напр., запрещеніе отпускать офицерамъ фуражъ до тѣхъ поръ, пока часть ихъ не представится на смотръ въ должномъ порядкѣ (7). Потемкинъ, какъ и Суворовъ, ставилъ на первое мѣсто не муштровку, а воспитаніе, и только изъ такой школы могли выходить наши старые чудо-богатыри.

Сообразно съ этимъ общимъ направленіемъ реформъ, одежда и вообще внѣшность солдата также сдѣлали огромный шагъ впередъ на пути къ простотѣ и боевой пригодности. Длиннополые кафтаны смѣнились короткими камзолами съ тѣмъ же краснымъ прикладомъ, съ тѣми же эполетами и эксельбантами, какіе носились прежде карабинерами; подъ камзолъ надѣвалась жилетка безъ рукавовъ, произвольнаго цвѣта,—у офицеровъ обшитая золотымъ галуномъ; широкіе шаровары шились изъ краснаго сукна, съ желтымъ зубчатымъ лампасомъ и кожаными крагами. Треугольная шляпа смѣнилась красивой и легкой каской. Косы, пудра и т. под. отошли въ область преданій—солдаты стали носить волосы по народному, въ скобку.

Конское снаряженіе осталось безъ измѣненій; но за то тяжелыя заводскія лошади совсѣмъ исключены изъ ремонта, и вмѣсто нихъ введены добрые, выносливые степняки ([8]). Въ заботѣ о солдатѣ Потемкинъ первый потребовалъ, «чтобы начальники имѣли болѣе попеченія о людяхъ, нежели о лошадяхъ, и для того меньше мучили бы ихъ чисткой лошадей», — «ибо», замѣчаетъ онъ, «не въ семъ состоитъ краса полка, а въ приведеніи его въ исправность, нужную для боя». Онъ предписывалъ также воздерживаться отъ ранжировки, «ибо черезъ сіе отходятъ лошади отъ людей» ([9]).

Таковы въ общихъ чертахъ нововведенія, продиктованныя Потемкину чисто русскимъ, простымъ, мудрымъ умомъ его.

Одновременно съ потемкинскими реформами появилось въ русскихъ войскахъ учрежденіе полковыхъ шефовъ, въ лицѣ которыхъ сосредоточивалось высшее управленіе полкомъ и надзоръ за его благосостояніемъ. Поясняя основы и цѣль этого учрежденія, Потемкинъ писалъ: «Высочайшая воля есть та, дабы шефы старались приводить полки въ должную исправность и устройство. Обученіе стрѣльбѣ, содержаніе людей съ выгодами для нихъ, сбереженіе ихъ и снабженіе всѣмъ положеннымъ, долженствуютъ быть главными предметами, равно какъ и надзоръ за тѣмъ, чтобы обхожденіе съ нижними чинами было человѣколюбивое» ([10]).

Первымъ шефомъ Нижегородскаго полка былъ генералъ Петръ Абрамовичъ Текелли ([11]), одинъ изъ лучшихъ кавалеристовъ того времени. Родомъ сербъ, онъ перешелъ въ Россію съ сербскими гусарскими полками въ царствованіе Елизаветы Петровны, и въ Семилѣтнюю войну уже заставилъ говорить о себѣ, какъ о лихомъ, изъ ряду выдающемся партизанѣ. Турецкая и польскія войны окончательно упрочили эту репутацію

его. Самъ Суворовъ говаривалъ не разъ, что онъ съ своимъ штыкомъ, да Текелли съ своею саблею — вездѣ пройдутъ. Ко времени назначенія Текелли въ Нижегородскій полкъ, имя его получило уже историческую извѣстность, какъ тѣсно связанное съ паденіемъ Сѣчи и уничтоженіемъ Запорожскаго войска.

Назначеніе шефа мало, впрочемъ, повліяло въ первое время на Нижегородскій полкъ. Отвлекаемый безпрерывно высшими служебными назначеніями, Текелли не имѣлъ возможности входить во всѣ детали полковой жизни, и естественно долженъ былъ предоставить полную самостоятельность новому командиру Нижегородцевъ князю Щербатову.

Князь Алексѣй Петровичъ Щербатовъ получилъ полкъ почти одновременно съ назначеніемъ Текелли шефомъ его, и смѣнилъ въ этой должности полковника Давыдова, произведеннаго тогда въ генералъ-маіоры ([12]). Нельзя не отмѣтить, что въ лицѣ новаго командира Нижегородцы получили опытнаго боевого начальника, проведшаго всю свою долгую службу въ рядахъ Чугуевскаго казачьяго полка, который по справедливости считался тогда однимъ изъ храбрѣйшихъ въ русской арміи ([13]).

Съ февраля знаменательнаго для южной Россіи 1787 года, войска, расположенныя въ Крыму и въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ, стали готовиться къ торжественному пріему Императрицы, пожелавшей посѣтить полуденный край своей великой державы, и особенно Тавриду. Дѣятельно готовился на царскій смотръ и нашъ Нижегородскій полкъ, не видавшій своихъ монарховъ съ самыхъ временъ Петра Великаго. Но не пришлось ему быть свидѣтелемъ сказочнаго путешествія Сѣверной Семирамиды,—его послали тогда на сторожевую пограничную службу, и полкъ 13 мая ушелъ изъ Цареборисовки въ крѣпость св. Димитрія, нынѣшній Ростовъ, лежавшую на рубежѣ Донской земли и Кавказа ([14]).

Приближалась между тѣмъ вторая турецкая война. Екатеринославская армія готовилась къ походу, и Нижегородскій полкъ опять назначенъ былъ въ составъ того же Кубанскаго корпуса, съ которымъ ходилъ противъ ногайцевъ. 25 августа въ лагерь его, раскинутый на берегахъ Кагальника, прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что война объявлена, и что полку приказано форсированнымъ маршемъ слѣдовать къ Ейскому укрѣпленію. Мобилизаціей въ то время мало стѣснялись. Нижегородцы выступили въ походъ на другой же день, а въ началѣ сентября были уже на берегу Азовскаго моря ([15]). Здѣсь они узнали, что военныя дѣй-

ствія со стороны Кавказа поручены шефу ихъ генералу Текелли, который проѣхалъ уже въ Екатериноградъ,—въ то время главный городъ Кавказскаго намѣстничества.

Въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій на долю кавказскихъ войскъ задача выпала трудная и сложная. Турція, стремившаяся возвратить потерянный Крымъ, подняла противъ насъ всѣ закубанскіе народы, и малочисленному корпусу Текелли предстояло отстаивать весь юго-западъ Россіи.

Стояла прекрасная осень. Войска были въ сборѣ, и Текелли рѣшился прежде всего сдѣлать большой набѣгъ за Кубань, чтобы страхомъ разгрома черкесскихъ жилищъ обезпечить себѣ на первое время по крайней мѣрѣ спокойныя зимовыя квартиры.

Войска сосредоточены были въ двухъ пунктахъ: у Аджи-кала стоялъ Текелли съ войсками Кавказскаго корпуса; у Темишбека—атаманъ Иловайскій съ донскими полками. На соединеніе съ послѣднимъ и шелъ изъ Ейскаго укрѣпленія весь Кубанскій корпусъ генерала Розена, состоявшій изъ нѣсколькихъ егерскихъ батальоновъ и двухъ драгунскихъ полковъ—Владимірскаго и Нижегородскаго ([16]).

Оба отряда одновременно, 13 октября, появились за Кубанью. Текелли опустошилъ пространство между Лабой и снѣговыми горами, а Розенъ между Лабою и Кубанью. Ни офиціальныя данныя, ни преданія самихъ Нижегородцевъ—не сохранили болѣе или менѣе опредѣленныхъ свѣдѣній о дѣлахъ собственно Нижегородскаго полка; извѣстно, однакоже, что эскадроны его, подъ командой маіоровъ Шультена и Спѣшнева, дѣйствовали отдѣльно, и что Спѣшневъ за отличія въ дѣлахъ произведенъ въ подполковники ([17]).

Не лишнее сказать, что нѣсколько представителей Нижегородскаго полка, именно: капитанъ Скиперъ, поручикъ Лазаревъ, подпоручикъ Буланже и прапорщикъ Ивановъ участвовали въ подвигахъ главной Екатеринославской арміи, находясь безсмѣнными ординарцами при самомъ Потемкинѣ; изъ нихъ Скиперъ за отличія въ сраженіяхъ произведенъ въ маіоры ([18]).

Съ наступленіемъ осеннихъ ненастій Нижегородскій полкъ отведенъ былъ назадъ въ екатеринославское намѣстничество, такъ какъ на Кубани не было въ то время еще никакихъ поселеній, — и провелъ зиму около Бахмута, въ м. Городищахъ ([19]). Съ весною стали ходить слухи, что турки намѣреваются открыть военныя дѣйствія противъ Тавриды, и уже въ апрѣлѣ, когда на поляхъ лежала еще невылазная грязь, въ которой

лошади вязли по брюхо, Нижегородскій полкъ, съ четырьмя конными орудіями, прошелъ съ своихъ зимовыхъ квартиръ въ крѣпость св. Димитрія, назначенную сборнымъ пунктомъ Кубанскаго корпуса (20). Вскорѣ войска перешли на Кубань и стали около Копыла.

Сильный разливъ Кубани не допустилъ, однако, открыть кампанію ранѣе осени. Къ счастію турки ничего не предпринимали противъ Крыма, и Кубанскій корпусъ, порученный въ этомъ году генералу Талызину, все лѣто простоялъ въ бездѣйствіи. Только 19 сентября подошли, наконецъ, къ берегамъ Кубани главныя силы Текелли и, переправившись близъ устья Лабы, гдѣ былъ тогда Петровскій редутъ, двинулись въ горы. Въ первые дни непріятель видимо уклонялся отъ боя; но 26 сентября, когда войска подходили къ верховьямъ Убына, огромныя силы его внезапно напали на передовой отрядъ, высланный съ полковникомъ Мансуровымъ, и поставили его въ опасное положеніе. Выстрѣлы услышаны были въ Копылѣ, гдѣ стоялъ Талызинъ, и къ мѣсту сраженія во весь опоръ понеслась драгунская бригада — полки Нижегородскій и Владимірскій. Но когда они прибыли,—бой уже кончился, и непріятель отступилъ. Драгуны тотчасъ повернули назадъ къ Копылу. Между тѣмъ непріятель, предполагая, что полки пойдутъ обратно по той же самой дорогѣ, устроилъ на пути засаду. Къ счастію, Щербатовъ, командовавшій въ то время бригадой, во-время былъ предупрежденъ лазутчикомъ и, обогнувъ опасныя ущелья, благополучно присоединился къ своему отряду (21).

Текелли, отодвинувъ между тѣмъ непріязненное намъ населеніе въ глубь горныхъ ущелій, вдругъ повернулъ къ Анапѣ, и туда же, на соединеніе съ нимъ, двинулся изъ Копыла весь корпусъ Талызина. Войска соединились не вдалекѣ отъ Анапы.

14-го октября два батальона егерей, подъ командой полковника Германа, посланы были произвести рекогносцировку крѣпости. Ихъ поддерживала драгунская бригада Кубанскаго корпуса. Два эскадрона Нижегородцевъ, 1-й и 8-й, высланные впередъ для освѣщенія мѣстности, далеко обогнали пѣхоту и первые приблизились къ крѣпости. Непріятель видѣлъ издали движеніе нашего небольшого отряда и, притаившись за крѣпостными валами, далъ ему подойти на близкій пушечный выстрѣлъ. Только тогда всѣ крѣпостныя батареи разомъ открыли картечный огонь, а на флангѣ у насъ неожиданно появилось еще одиннадцать орудій, выдвинутыхъ изъ одного лѣсистаго ущелья, гдѣ скрывались горцы. Подъ при-

крытіемъ этого перекрестнаго огня, нѣсколько тысячъ отборныхъ закубанскихъ всадниковъ бросились на наши два эскадрона. Гибель драгунъ казалась неизбѣжною. Къ счастію, подоспѣвшіе егеря приняли на себя ударъ этой несущейся массы, и дали Нижегородцамъ возможность отступить съ ничтожною потерею. Убитыми оказались въ 1-мъ эскадронѣ рядовой Петръ Алексѣевъ, а въ 8-мъ четыре лошади ([22]).

Теперь всѣ силы горцевъ обрушились на нашу пѣхоту. Завязалось упорное дѣло. Егеря, засѣвши въ д. Кучугурахъ, отважно отбивали атаки непріятеля; но опасность нагрянула на нихъ съ другой стороны, откуда ея не ожидали: анапскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, и янычары зашли въ тылъ нашимъ батальонамъ. Подъ двойнымъ ударомъ егерямъ устоять было бы трудно. Но въ эту минуту на помощь къ нимъ прискакала драгунская бригада. Нижегородцы и Владимірцы стремительно ударили на янычаръ, мгновенно смяли ихъ и открыли егерямъ свободный путь отступленія. Наступившая ночь прекратила сраженіе ([23]).

Нѣсколько дней простоялъ Текелли подъ Анапой. Небольшіе отряды ходили неоднократно въ горы, жгли аулы, отбивали скотъ и истребляли черкесское имущество. Въ одной изъ такихъ стычекъ, 11-го октября, въ 3-мъ эскадронѣ Нижегородскаго полка убитъ капралъ Петръ Брянцевъ, а 23-го—въ десятомъ эскадронѣ рядовой Василій Коноваловъ и двѣ лошади ([24]).

Но этими незначительными стычками и ограничились дѣйствія подъ Анапою. Штурмовать сильную крѣпость, при господствѣ турецкаго флота на Черномъ морѣ, Текелли считалъ невозможнымъ, и потому, удовольствовавшись одною демонстраціей, отвелъ войска назадъ за Кубань. Нижегородцы ушли на зиму опять въ окрестности Бахмута и стали въ слободѣ Кременной ([25]).

Съ открытіемъ навигаціи, весною 1789 года, на всемъ побережьи Чернаго моря отъ Анапы до Севастополя опять стали ожидать турецкихъ дессантовъ. И на этотъ разъ слухи имѣли основаніе, такъ какъ передовыя войска уже высадились на Таманской косѣ и стали возводить тамъ сильное укрѣпленіе. По первымъ извѣстіямъ объ этомъ, Кавказскій корпусъ тотчасъ собранъ былъ у Азова, а Кубанскій—передвинулся въ Тамань и расположился на Бугазѣ, около Екатерининскаго шанца. До глубокой осени два враждебныя войска—и турки, и Кубанскій корпусъ, которымъ опять командовалъ Розенъ, простояли другъ противъ друга въ совершенномъ бездѣйствіи. Турки не переходили въ наступленіе; русскіе,

успѣвшіе преградить имъ дорогу въ Крымъ, считали этимъ самымъ свою задачу выполненной, и не хотѣли штурмовать окоповъ. Но какъ только въ октябрѣ мѣсяцѣ къ Кубанскому корпусу прибыла артиллерія, Розенъ тотчасъ поставилъ четыре батареи и открылъ по турецкимъ ретраншаментамъ жестокій огонь. Турки отвѣчали слабо, а съ наступленіемъ ночи совсѣмъ убрали орудія, сѣли на суда и стали выходить въ открытое море. Батареи наши тотчасъ участили огонь, и изъ 18 лодокъ—десять потонули вмѣстѣ съ людьми, и только восемь успѣли кое-какъ добраться до Анапы. Брошенные окопы немедленно были заняты двумя батальонами пѣхоты, а остальныя войска пошли опять на зимовыя квартиры. Нижегородскій полкъ вернулся въ Кременное ([26]).

Еще лѣтомъ, когда войска стояли на Бугазѣ, Текелли вышелъ въ отставку, и шефомъ Нижегородскаго полка назначенъ былъ, въ началѣ 1790 года, генералъ-поручикъ Самойловъ, находившійся въ Яссахъ при князѣ Потемкинѣ въ должности генералъ-прокурора ([27]). Можно, кажется, сказать съ полною увѣренностью, что Самойловъ, подобно Текелли, занятый своими служебными дѣлами, даже не видалъ полка, стоявшаго далеко отъ Яссъ, и князь Щербатовъ продолжалъ распоряжаться въ немъ, какъ полный хозяинъ.

Настала между тѣмъ весна 1790 года. Нижегородскій полкъ все еще спокойно стоялъ въ Кременномъ, какъ вдругъ по всей пограничной линіи поднялась тревога, вызванная слѣдующимъ обстоятельствомъ. Генералъ-поручикъ Бибиковъ, временно командовавшій Кавказскимъ корпусомъ послѣ отъѣзда Текелли, самовольно предпринялъ большую экспедицію къ Анапѣ, разсчитывая овладѣть ею посредствомъ внезапнаго нападенія. Войска выступили въ походъ еще въ январѣ, когда стояли сильные морозы, и на поляхъ, покрытыхъ глубокими снѣгами, не было нигдѣ подножнаго корма. Войска бодро перенесли морозы; но когда наступила ростепель и въ горахъ забушевали обычныя въ это время мятели и вьюги, солдаты изнемогли въ непосильной борьбѣ съ природою. Къ Анапѣ отрядъ пришелъ совершенно изнуреннымъ, и послѣ кроваваго боя, отраженный на приступѣ, вынужденъ былъ отступить. Отступленіе это было въ полномъ смыслѣ слова бѣдственное. По свидѣтельству очевидцевъ, изъ восьми тысячъ солдатъ, выступившихъ въ походъ, возвращалось только три, да и изъ этихъ болѣе тысячи носили на себѣ зародыши смертельныхъ болѣзней. Горцы между тѣмъ по пятамъ преслѣдовали отрядъ и заперли его въ

горахъ. Никто не могъ сказать навѣрное, вернется ли хоть одинъ человѣкъ изъ этой безразсудной экспедиціи. Извѣстіе о бѣдствіяхъ, постигшихъ Бибикова, быстро разнеслось по краю и было причиной вызванной тревоги.

Кубанскій корпусъ, поднятый съ своихъ квартиръ, получилъ приказаніе поспѣшить за Кубань, чтобы разыскать остатки русскаго отряда и помочь ему выйти на линію. Быстро пришелъ онъ въ прикубанскій край, но Бибикова встрѣтилъ уже на правомъ берегу рѣки, близъ Григоріополиса, внѣ всякой опасности. Розенъ донесъ однако Потемкину, что Кавказскій корпусъ вернулся въ полномъ разстройствѣ; офицеры и нижніе чины опухли отъ голода, истомлены маршами, стужами и непогодою; они явились въ рубищахъ, босые, даже безъ рубахъ, которыя погнили на людяхъ ([28]). Оборона праваго крыла Кавказской линіи была теперь крайне ослаблена, и Розенъ расположилъ пѣхоту Кубанскаго корпуса у Темишбека, а самъ съ драгунскою бригадою сталъ за Ейскимъ укрѣпленіемъ, у Тиннаго редута. Въ этомъ расположеніи войска и оставались все лѣто.

Осенью 1790 года вдругъ разнеслась молва, что сорока-тысячная турецкая армія, предводимая Баталъ-пашею, идетъ на Кубань разорять Донъ и пограничныя русскія земли. Пока генералъ Германъ съ остатками Кавказскаго корпуса, не превышавшими трехъ тысячъ штыковъ, спѣшилъ занять переправу черезъ Кубань близъ нынѣшняго Баталпашинска, Розенъ съ Кубанскимъ корпусомъ уже вторгся въ землю закубанскихъ народовъ, чтобы не допустить ихъ соединиться съ турками.

Переправившись черезъ Лабу и раздѣливъ войска на нѣсколько отрядовъ, Розенъ двинулся въ пространство между рѣками Пшекупсомъ и Пчосомъ, истребляя все, что попадалось ему на пути—аулы, поля, запасы и имущество жителей. Горцы толпами бѣжали за Пшеху, и только въ дер. Кайчукогабле остался сильный отрядъ для прикрытія огромныхъ запасовъ, заготовленныхъ для турецкой арміи. Розенъ, получивъ объ этомъ достовѣрныя свѣдѣнія, послалъ въ Кайчукогабле весь Нижегородскій полкъ съ княземъ Щербатовымъ. И полкъ нашъ блистательно оправдалъ лестное довѣріе, оказанное ему корпуснымъ командиромъ. Встрѣтивъ отчаянное сопротивленіе, Нижегородцы штурмомъ взяли аулъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предали огню всѣ магазины и склады. Не успѣвъ отстоять запасовъ, горцы отрѣзали драгунамъ отступленіе и окружили ихъ въ одномъ изъ тѣсныхъ горныхъ ущелій. Отважный Щербатовъ спѣшилъ

полкъ, и Нижегородцы проложили себѣ дорогу штыками. Бой длился не болѣе часу, но этотъ страшный часъ стоилъ непріятелю около 300 человѣкъ только одними убитыми ([29]); и впечатлѣніе, произведенное имъ, было такъ сильно, что когда на слѣдующій день два нижегородскіе эскадрона, подъ командой маіора Шультена, сдѣлали набѣгъ къ вершинамъ Марты, горцы нигдѣ не осмѣлились выйти къ нимъ на встрѣчу: эскадроны вернулись назадъ съ огромною добычей и безъ всякаго урона ([30]).

19 октября, когда войска были на Пшишѣ, Розенъ получилъ извѣстіе, что Баталъ-паша разбитъ на Кубани, и тотчасъ повелъ всю свою кавалерію на перерѣзъ бѣгущимъ. Жалкіе остатки турецкой арміи встрѣчены были имъ на лѣвомъ берегу Кубани, въ горахъ, и истреблены окончательно.

За весь этотъ походъ драгунская бригада потеряла убитыми и ранеными трехъ офицеровъ и 40 нижнихъ чиновъ; но сколько изъ этого числа пришлось на долю Нижегородцевъ—неизвѣстно ([31]).

Наступилъ 1791 годъ, закончившій собою длинную эпоху екатерининскихъ турецкихъ войнъ. Нижегородцы встрѣтили его около Купянска, въ Сватовой Лучкѣ, среди приготовленій къ новому походу ([32]). Вездѣ говорили, что войска пойдутъ брать Анапу, чтобы разъ на всегда порѣшить съ этимъ крѣпкимъ разбойничьимъ гнѣздомъ, высылавшимъ на русскія границы цѣлыя орды хищныхъ горцевъ. Слухи оправдались. 10 мая Кубанскій корпусъ, подъ командой генералъ-маіора Загряжскаго, пришелъ къ Темижбеку, куда со всѣхъ сторонъ подходили и полки Кавказскаго корпуса. Отрядъ составился большой: 15 батальоновъ пѣхоты, три тысячи егерей, четыре драгунскіе полка: Нижегородскій, Владимірскій, Таганрогскій и Астраханскій, и 50 орудій; къ нимъ присоединились еще Тираспольскій конно-егерскій полкъ и два полка донскихъ казаковъ. Скоро прибылъ новый главнокомандующій генералъ-аншефъ Гудовичъ и, желая ближе ознакомиться съ кавказскими войсками, назначилъ имъ маневры. Окрестности Темижбека разнообразны и живописны: тутъ были и горы, и долины, и лѣса, и пашни, и тѣсныя ущелья, и переправы черезъ бѣшеныя рѣки,—мѣстность, которая въ рукахъ искуснаго военачальника могла бы послужить превосходною практическою школою. Наслышавшись о Гудовичѣ, какъ о хорошемъ боевомъ генералѣ, всѣ думали, что онъ изберетъ для маневровъ именно эту характерную мѣстность, и крайне удиви-

лись, когда войска стали выстраивать на открытыхъ равнинахъ. Всѣ воображали увидѣть маневры Фридриха Великаго—и вмѣсто того увидѣли слишкомъ знакомыя, примелькавшіяся всѣмъ кареи, съ размѣщенною между ними конницею. Отъ полудня до заката солнца войска ходили взадъ и впередъ по этой огромной равнинѣ. Всѣ устали, но поучительнаго не вынесли ничего. Войска сознавали, что это совсѣмъ не то, что нужно, что̀ предстояло испытать имъ среди горныхъ стремнинъ на пути къ Анапѣ. Къ этому чувству неудовлетворенности прибавились и личныя неудовольствія на главнокомандующаго, позволившаго себѣ замахнуться тростью на одного изъ пѣхотныхъ офицеровъ. Разсказы о своенравномъ, заносчивомъ и горячемъ характерѣ Гудовича—становились фактомъ ([33]). Вотъ подъ какими впечатлѣніями готовились войска къ опасной и трудной экспедиціи. Почти до самой Анапы прошелъ русскій отрядъ безъ выстрѣла, и только въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости, на переправѣ черезъ небольшую горную рѣку, авангардъ былъ встрѣченъ черкесами и частію анапскаго гарнизона. Началась сильная перестрѣлка. Нижегородскій и Владимірскій полки смѣло спустились съ крутого, обрывистаго берега, перешли рѣчку въ бродъ, по шею въ водѣ,—и вдругъ кинулись въ сабли. Горцы были сбиты и переправа осталась за нами ([34]).

16 іюня Гудовичъ обложилъ Анапу и тотчасъ открылъ бомбардированіе. Онъ торопился приступомъ, такъ какъ положеніе его корпуса могло сдѣлаться крайне опаснымъ: передъ нимъ стояла грозная крѣпость, защищаемая 15-ти тысячнымъ турецкимъ гарнизономъ, а за нимъ собирались отчаянныя полчища горцевъ, готовыя отрѣзать отступленіе или броситься въ тылъ русскимъ во время самаго штурма. Къ тому же имѣлись свѣдѣнія, что въ стѣнахъ Анапы находится извѣстный горскій агитаторъ — нѣкто Шейхъ-Мансуръ, присутствіе котораго, по его вліянію на умы мусульманъ, могло замѣнить не одну тысячу войска.

День 21 іюня прошелъ въ приготовленіяхъ къ штурму. Гудовичъ самъ объѣзжалъ войска, одушевляя солдатъ разсказами объ измаильскомъ приступѣ; и солдаты, соревнуя славѣ своихъ товарищей на другой далекой окраинѣ, обѣщали другъ другу или взять Анапу, или умереть подъ ея стѣнами. Въ ихъ положеніи, надо сказать, другого выхода и не было.

Въ глухую полночь съ 21 на 22 іюня, при громѣ пушекъ и шумѣ морского прибоя, двинулись къ Анапѣ три штурмовыя колонны: Булга-

Шебашовъ, Семенковъ и Швейнговеръ, поручики Кучеровъ, Вельяминовъ и Потлогъ. Всѣмъ остальнымъ офицерамъ объявлено Монаршее благоволеніе (40).

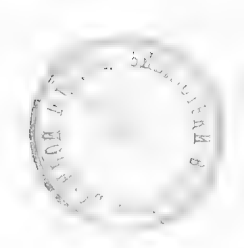
Къ этому довольно длинному списку награжденныхъ слѣдуетъ прибавить еще секундъ-маіора Луценкова, произведеннаго въ слѣдующій чинъ за отличіе на другомъ театрѣ войны — на грозномъ штурмѣ Измаила (41).

Послѣ взятія Анапы отрядъ сдѣлалъ движеніе къ городу Суджукъ-Кале, но засталъ его уже покинутымъ турками, которые ушли на судахъ въ Трапезондъ. Войска разорили крѣпостныя стѣны, сожгли дома, а пушки побросали въ море. Такъ завершилась блестящая эпоха екатерининскихъ турецкихъ войнъ на Кубани, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первый періодъ боевой дѣятельности Нижегородскаго полка въ преддверіяхъ Кавказа.

1783–1796.

II.

На Кавказской линіи.

(1792—1796 г.).

Назначеніе въ Кавказскій корпусъ.—Приготовленія къ походу.—На Дону противъ возмутившихся казаковъ.—Походъ на Кавказскую линію.—Опять въ крѣпости Св. Димитрія. — Дальнѣйшій походъ. — Георгіевскъ. — Полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій. — Три года на линіи. — Война съ Персіею. — Съ Зубовымъ на Каспійскомъ побережьѣ. — Побѣдоносный походъ и бѣдственное возвращеніе.

Кубанскій корпусъ, въ составъ котораго входилъ Нижегородскій полкъ, причислялся собственно къ войскамъ внутренней Россіи. И хотя, какъ мы видѣли, весь періодъ боевой дѣятельности въ немъ Нижегородцевъ прошелъ въ Кавказскихъ предгоріяхъ, но безраздѣльно полкъ сталъ

принадлежать Кавказу только по окончаніи второй турецкой войны, когда послѣдовало новое расписаніе арміи по корпусамъ и дивизіямъ. Три карабинерные полка, Ростовскій, Каргопольскій и Нарвскій, ушли тогда съ Кавказа, а на ихъ мѣста назначены были изъ Россіи драгунскіе полки Нижегородскій и Владимірскій. Они-то, вмѣстѣ съ полками Астраханскимъ и Таганрогскимъ, уже стоявшими на линіи, и должны были образовать Кавказскую дивизію (1).

Извѣстіе объ этомъ назначеніи Нижегородскій полкъ получилъ въ мартѣ 1792 года, на квартирахъ въ Сватовой Лучкѣ, куда онъ вернулся послѣ турецкой кампаніи. Не всѣмъ понравился обязательный переходъ къ постоянной суровой обстановкѣ тогдашней кавказской жизни, не одинъ разъ уже извѣданной Нижегородцами. Многіе изъ офицеровъ предпочли остаться въ Россіи, въ кругу русскаго общества, о которомъ въ то время на Кавказѣ не могло быть и рѣчи. По крайней мѣрѣ изъ полка выбыло тогда, не говоря уже о молодыхъ офицерахъ, разомъ четыре эскадронные командира: капитаны Соколовъ, Штейнговеръ, Похвисневъ и Купріяновъ,— люди, зарекомендовавшіе себя безупречною храбростью (2).

Съ приближеніемъ весны 1792 года полкъ началъ готовиться къ походу, и поручикъ Аладьинъ былъ посланъ впередъ для занятія квартиръ и заготовки полку фуража (3). Но прежде, чѣмъ перейти на Кавказъ, Нижегородцамъ еще разъ пришлось сослужить послѣднюю пограничную службу въ донскихъ городкахъ, потревоженныхъ однимъ необычайнымъ обстоятельствомъ.

Тотчасъ послѣ турецкой войны, Гудовичъ, изыскивая мѣры къ оборонѣ русской земли со стороны кавказскихъ горцевъ, задумалъ расположить по Кубани цѣлый рядъ казачьихъ станицъ, какъ это уже было сдѣлано на Терекѣ и Малкѣ. Слухъ объ этомъ ходилъ по донскимъ станицамъ и волновалъ казаковъ. На линіи въ то время стояли три казачьи полка—Поздѣева, Луковкина и Кошкина, которые служили безсмѣнно уже три года, тогда какъ по заведенному порядку полки смѣнялись черезъ каждые два. Это обстоятельство наводило на мысль, что эти самые полки и будутъ оставлены въ новыхъ станицахъ, и что смѣны, которой они ожидали, вовсе не будетъ. Молва объ этомъ росла — и полки взбунтовались.

Бросивъ своихъ старшинъ, но захвативъ знамена, они бѣжали на Донъ, разсчитывая найти поддержку въ своихъ одностаничникахъ. По всей Донской землѣ поднялись волненія. Кубанскій корпусъ поднятъ былъ

по тревогѣ, и шесть эскадроновъ Нижегородскаго полка, вызванные изъ окрестностей Сватовой Лучки, тотчасъ заняли все теченіе Дона, чтобы не пропустить бѣглецовъ (4). Мѣра эта, впрочемъ, не достигла цѣли. Казаки проникли въ городъ на лодкахъ и произвели въ немъ большое смятеніе (5). Въ такое тревожное время нечего было думать о нарядѣ съ Дона новыхъ казачьихъ полковъ, и потому рѣшили поспѣшить отправкой на Кавказъ Нижегородцевъ.

28 апрѣля эскадроны собрались прямо съ береговъ Дона въ Бахмутъ, и отсюда 1 мая двинулись въ далекій походъ (6). Путь былъ не легкій. Несмотря на раннее время въ ростовскихъ степяхъ стояли уже жары свыше 25°, и люди шли въ кителяхъ и въ лѣтнихъ шароварахъ (7). На пути получено было приказаніе остановиться въ крѣпости Св. Димитрія (8), такъ какъ въ Георгіевскѣ, куда направлялись Нижегородцы, не было заготовлено ни помѣщеній, ни фуража, а при общемъ тогда неурожаѣ травъ и страшной засухѣ, это могло поставить полкъ въ большое затрудненіе.

Не въ первый разъ вступали Нижегородцы въ крѣпость Св. Димитрія; но въ первый разъ они должны были испытывать чувство, какъ бы оторванности отъ цѣлаго міра. Пограничная крѣпость съ жалкими земляными верками, съ низенькими, крытыми соломою, убогими хижинами, служившими пріютомъ для гарнизона, теперь получала въ ихъ глазахъ особый смыслъ: это была грань, надолго, можетъ-быть навсегда, отдѣлявшая ихъ отъ дорогой родины.

Въ крѣпости Св. Димитрія Нижегородцы простояли лагеремъ до глубокой осени, и только въ октябрѣ двинулись дальше. Отъ самаго Ростова до слободы Донской, на разстояніи болѣе двухсотъ пятидесяти верстъ, они не встрѣтили ни одного села, ни одной деревни; только черезъ каждыя 10—15 верстъ попадались редуты, вооруженные пушкой и занятые пѣхотой или казаками. Это были сторожевые пункты, назначенные для охраны почтъ, курьеровъ и проѣзжающихъ. Въ Ставрополѣ начались уже военныя извѣстія. На первомъ переходѣ за нимъ къ станицѣ Марьевской Щербатовъ встрѣтилъ казаковъ, спѣшившихъ въ городъ съ донесеніемъ, что ночью татары прорвались сквозь кордонъ и захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ дѣтей и женщинъ. Щербатовъ, разсудившій однако, что татары не будутъ долго держаться съ плѣнными за кордонною линіею, что они давнымъ-давно за Кубанью,—продолжалъ путь къ Марьевкѣ. Отсюда

пошли уже со всѣми военными предосторожностями (9). Полку, разумѣется, нечего было опасаться мелкихъ хищническихъ партій, но каждая повозка, остановившаяся въ полѣ, каждый драгунъ, отъѣхавшій въ сторону, уже подвергались опасности. Придорожный кустъ, балка, курганъ, на которые въ степяхъ Россіи никто бы не обратилъ вниманія, здѣсь все грозило смертью или плѣномъ. Благодаря строгому порядку, соблюдаемому княземъ Щербатовымъ, въ походѣ ничего, однако, не случилось, и 16 октября полкъ вступилъ въ Георгіевскъ (10).

16-е октября 1792 года и надо считать днемъ, съ котораго начинается уже постоянное пребываніе нашего полка на Кавказѣ, среди всѣхъ перипетій кровавой войны, не прекращавшейся для него 72 года сряду.

Георгіевскъ былъ тогда центромъ края и мѣстопребываніемъ главнаго начальника войскъ на Кавказской линіи. Это былъ одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ городковъ Россіи, и даже на Кавказѣ многія казачьи станицы тогда уже были гораздо богаче и пригляднѣе своего губернскаго города. Въ немъ находилась всего одна ветхая деревянная церковь, и не было десяти домовъ, крытыхъ тесомъ; даже губернаторскій домъ, представлявшій собою плетневую мазанку, былъ крытъ камышемъ и состоялъ всего изъ четырехъ маленькихъ комнатъ. Но зато мѣсто, на которомъ стоялъ Георгіевскъ, было «нарочито хорошее» (11), и Нижегородцы могли любоваться отсюда на дивную панораму Кавказскихъ горъ. Верстахъ въ двухстахъ отъ Георгіевска, на краю горизонта, виднѣется бѣловатая полоса,—точно вереница облаковъ отдыхаетъ на ясной голубой лазури. Но облака по нѣскольку разъ въ минуту мѣняютъ свои очертанія, а бѣловатая полоса, протянувшаяся вдоль горизонта, никогда не мѣняется: какъ видѣли ее назадъ тому тысячи лѣтъ, такъ видятъ ее и теперь, съ тѣмъ же нѣжно-розовымъ отливомъ на утренней зарѣ, съ тѣмъ же слабымъ отблескомъ далекаго зарева по вечерамъ, когда солнце склоняется за горы, и прощальные лучи его озаряютъ окрестность. Въ туманную погоду и въ знойные часы лѣтняго полдня, когда мгла поднимается изъ раскаленной почвы, она совсѣмъ пропадаетъ изъ виду. Эта бѣлая полоса—снѣговая линія Кавказа.

И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Въ Георгіевскѣ, вмѣстѣ со штабомъ, остался только 1-й эскадронъ; остальные разошлись по слободамъ и укрѣпленіямъ: 2 и 3-й эскадроны стали въ Калиновкѣ, близъ Сѣверной крѣпости, 4 и 5-й въ Верхне-Подгорномъ, 7-й въ Темнолѣсскомъ редутѣ, 6, 8, 9 и 10-й—въ Обильномъ; людской и конскій лазареты, обозъ и нестроевыя команды помѣстились въ Нижне-Подгорномъ (12). Таково было первое расположеніе полка. Впослѣдствіи стоянки эскадроновъ постоянно мѣнялись; при штабѣ стоялъ уже не первый, а десятый эскадронъ; Сѣверная крѣпость и Темнолѣсскій редутъ, за отдаленностію, совершенно исключены были изъ района расположенія полка, а взамѣнъ ихъ къ Обильному и Подгорнымъ прибавлены были слободы: Покойное, Масловъ-Кутъ и станица волжскихъ казаковъ—Екатериноградъ. Полкъ получилъ такимъ образомъ болѣе сосредоточенное расположеніе, и съ большими удобствами могъ помогать казакамъ въ охранѣ русскихъ границъ (13).

Вскорѣ послѣ водворенія полка на передовой Кавказской линіи князь Щербатовъ произведенъ былъ въ генералы, а на мѣсто его, въ январѣ 1793 года, назначенъ Нижегородскаго же полка полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій (14).

Отецъ Раевскаго еще въ молодыхъ лѣтахъ былъ убитъ въ первой турецкой войнѣ, и Николай Николаевичъ родился уже послѣ смерти его, въ Москвѣ, въ тѣ скорбные дни, когда древняя столица переживала всѣ ужасы чумной заразы. По обычаю того времени, Раевскій съ дѣтства былъ записанъ на службу, и 15 лѣтъ отъ роду, когда начиналась вторая турецкая война, былъ уже поручикомъ гвардіи. Годъ спустя, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, приходившійся молодому Раевскому двоюроднымъ дѣдомъ, вызвалъ его къ себѣ въ Бендеры и прикомандировалъ къ казакамъ. Любопытно, что призвавъ къ себѣ походнаго атамана, онъ приказалъ ему употреблять Раевскаго не иначе какъ простымъ казакомъ, и только тогда, когда онъ уже пріобрѣтетъ достаточную опытность, дать ему назначеніе, соотвѣтственное его чину. Потемкинъ, умѣвшій выбирать людей, не ошибся и въ своемъ двоюродномъ внукѣ. Помимо отваги, обыкновенной въ тогдашнемъ дворянинѣ, молодой Раевскій обнаружилъ и выходящія изъ ряда военныя способности. Онъ добросовѣстно прошелъ на практикѣ весь курсъ аванпостной и партизанской службы, кочевалъ съ казаками въ степи, стоялъ на бекетахъ, ходилъ въ разъѣзды, проводилъ цѣлыя ночи въ секретахъ или въ наѣздахъ,—и быстрымъ возвышеніемъ своимъ

былъ обязанъ не одной могущественной протекціи дѣда. За цѣлый рядъ военныхъ отличій Раевскій получилъ чинъ ротмистра-гвардіи, и Потемкинъ поручилъ ему, 18-ти-лѣтнему юношѣ, «Конный полкъ булавы Великаго Гетмана». Съ этимъ полкомъ Раевскій и закончилъ турецкую кампанію. Когда казачьи войска были распущены, Раевскій перешелъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, но остался при арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ, и тамъ прошелъ новую боевую школу, подъ начальствомъ Суворова. Въ полкъ онъ явился только въ январѣ 1793 года уже командиромъ его, полковникомъ и съ георгіевскимъ и владимірскимъ крестами въ петлицѣ.

Къ этому надо добавить, что, получивъ солидное образованіе, Раевскій обладалъ столько же обширнымъ и свѣтлымъ умомъ, сколько познаніями, и отличался твердымъ и стойкимъ характеромъ ([15]).

Первые годы его командованія прошли сравнительно тихо. Введеніе въ Кабардѣ родовыхъ судовъ, внесшихъ новую юрисдикцію въ область вѣковыхъ обычаевъ горцевъ, не замедлило отразиться и на сосѣднихъ народахъ. Закубанскіе князья, не встрѣчая уже содѣйствія среди кабардинцевъ, вынуждены были дѣйствовать гораздо осторожнѣй,—и прорывы черезъ кордонную линію почти прекратились. Хроника тогдашнихъ происшествій, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ перечень лишь мелкихъ хищничествъ въ родѣ угона скота, нападенія на проѣзжающихъ, или захвата въ плѣнъ двухъ-трехъ оплошныхъ жителей ([16]). Само собою разумѣется, что частные случаи такого рода не могли миновать и нашихъ Нижегородцевъ. Однажды, напр., верстахъ въ десяти отъ Георгіевска, захвачены были въ плѣнъ трое драгунъ, ѣхавшихъ въ степь за сѣномъ. Въ другой разъ, когда 4-й и 5-й эскадроны переходили изъ Верхне-Подгорнаго въ Екатериноградъ на новыя квартиры и ночевали у Марьевки, партія кинулась на ихъ табунъ и отогнала 15 обозныхъ лошадей. Были, по всей вѣроятности, и другіе случаи, о которыхъ свѣдѣнія до насъ не дошли ([17]).

Такъ или иначе, но зимы вообще проходили для Нижегородцевъ довольно спокойно, а лѣтомъ шесть эскадроновъ ихъ собирались въ Георгіевскъ для строевыхъ занятій, и вмѣстѣ съ тѣмъ служили резервомъ для кордонной линіи; одинъ эскадронъ назначался въ Константиногорскъ для охраны минеральныхъ водъ, а остальные три располагались на Малкѣ, берега которой служили главною ареной лѣтнихъ кабардинскихъ разбоевъ ([18]).

Такъ, на грани вѣчной войны, однообразно и тихо, проходила жизнь и служба Нижегородцевъ въ первые годы стоянки ихъ въ Георгіевскѣ. И вдругъ спокойствіе это нарушено было громовымъ извѣстіемъ, пришедшимъ изъ Иверіи: тамъ, за далекими снѣговыми горами Кавказа, на единовѣрную намъ Грузію шелъ войною кровожадный персидскій завоеватель Ага-Магометъ-ханъ, превосходившій своею жестокостью всѣхъ бывшихъ властителей Ирана. Грузинскій царь молилъ о помощи. Но пока ее собирались подать,—Ага-Магометъ уже овладѣлъ Тифлисомъ, и весь востокъ дрогнулъ отъ ужасовъ, которыми сопровожалось взятіе столицы Иверіи. Разгромъ ея былъ прямымъ вызовомъ, брошеннымъ въ лицо Россіи, — и Екатерина объявила Персіи войну. Нижегородскому полку предстоялъ, такимъ образомъ, далекій и трудный походъ.

Въ исходѣ марта 1796 года въ Кизлярѣ сформировался сильный корпусъ, главнокомандующимъ котораго назначенъ былъ молодой графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ. Ему было 24 года, но онъ имѣлъ уже Георгія на шеѣ и носилъ андреевскую ленту. Въ одномъ изъ сраженій въ Польшѣ, подъ начальствомъ Суворова, Зубову ядромъ оторвало ногу,—ему сдѣлали искусственную и такъ хорошо, что онъ могъ ѣздить верхомъ, оставаясь на конѣ по суткамъ. Персіяне и горцы прозвали его впослѣдствіи «Кизилъ-аягъ», т. е. генералъ съ золотою ногою.

Нижегородскій полкъ выступилъ въ походъ въ семи-эскадронномъ составѣ; а остальные три: 2-й, 5-й и 7-й, подъ командою подполковника Ланге, были оставлены для охраны линіи и штабъ-квартиры ([19]). Не лишнее сказать, что въ походѣ этомъ въ рядахъ Нижегородцевъ находился только что переведенный въ полкъ премьеръ-маіоръ Петръ Петровичъ фонъ-деръ-Паленъ, впослѣдствіи полный генералъ, графъ и инспекторъ всей русской кавалеріи. Знаменитый кавалеристъ своего времени, герой наполеоновскихъ войнъ, онъ получилъ свое боевое крещеніе именно здѣсь, въ этомъ походѣ, подъ командою Раевскаго, съ которымъ судьба связала его тѣсною дружбою позже, когда на поляхъ великихъ европейскихъ битвъ, оба они уже командовали корпусами: Раевскій пѣхотнымъ, Паленъ—кавалерійскимъ ([20]).

Въ Кизлярѣ Нижегородскій полкъ соединился съ Владимірскимъ, пришедшимъ изъ слободы Московской, образовавъ съ нимъ 1-ю кавалерійскую бригаду генерала Бенигсена; 2-ю бригаду, графа Апраксина, составили полки Таганрогскій и Астраханскій. Хотя стоялъ уже апрѣль

мѣсяцъ, но въ Кизлярѣ войска застали суровую зиму; бушевали еще снѣговыя мятели. Только 13 числа явилась наконецъ возможность переправить полки черезъ Терекъ; но у Лащуринскаго карантина войскамъ пришлось простоять еще съ недѣлю, въ ожиданіи обозовъ, которые не могли двинуться за безпрерывными вьюгами. Между тѣмъ въ лагерь прибылъ и главнокомандующій. Войска приняли его съ восторгомъ. И надо сказать, что въ характерѣ молодого Зубова, по словамъ современниковъ, было много такихъ симпатичныхъ чертъ, которыя дѣлали его любимцемъ русскаго солдата. Отобѣдавъ въ день пріѣзда запросто въ Нижегородскомъ полку у Раевскаго ([21]), Зубовъ объявилъ походъ,—и на другой день, 18 апрѣля, въ самую страстную пятницу, войска, сдѣлавъ шестидесяти-верстный переходъ, остановились на берегу Сулака у Казіюрта. Здѣсь встрѣтили Пасху. Въ походной церкви была заутреня; подъ чужимъ небомъ пропѣли «Христосъ-Воскресе» и разошлись по своимъ палаткамъ. Розговенья не было—всѣ отъ генерала до рядового довольствовались плохимъ и соленымъ лезгинскимъ сыромъ ([22]).

Переправившись черезъ Сулакъ на понтонахъ, войска миновали Тарки—резиденцію Шамхала, и двигаясь все дальше и дальше по песчаному каспійскому побережью, увидѣли наконецъ предъ собою историческія стѣны Дербента, столь же древнія, какъ древни сказанія персовъ объ Искандерѣ, завоевавшемъ вселенную. Войска спустились съ высотъ и разбили лагерь передъ городомъ. Бригада Бенигсена, въ которой находился Нижегородскій полкъ, стала на лѣвомъ флангѣ возлѣ самаго моря. Ночью разразилась страшная буря. На открытыхъ морскихъ берегахъ свирѣпый вѣтеръ, ливень, удары грома и блескъ молній были несравненно грознѣе, нежели въ горахъ, и надѣлали драгунамъ не мало хлопотъ; палатки ихъ были опрокинуты и частію сброшены въ море; но о нихъ уже и не думали,—держали только лошадей, которыя при каждомъ громовомъ ударѣ метались и бились, угрожая сорвать коновязи ([23]).

А въ это самое время подъ стѣнами Дербента шло кровавое и горячее дѣло. Батальонъ Воронежскаго полка съ двумя гренадерскими ротами штурмовалъ передовую Дербентскую башню. Несмотря, однако, на отчаянную храбрость солдатъ, штурмъ былъ отбитъ, и войска съ большими потерями возвратились въ лагерь.

Къ утру буря утихла. Когда взошло солнце, передъ войсками обрисовался Дербентъ во всей его неприступности. Прямо передъ лагеремъ воз-

вышалась высокая крутая гора, а на ней красивыми и живописными террасами раскидывался городъ. Одна половина его лежала на самомъ склонѣ горы, другая—на песчаномъ прибрежьи; но въ послѣдней, извѣстной подъ именемъ Дубари, люди не жили, а только держался дербентскій скотъ. Здѣсь же, въ этой прибрежной части, находилась и знаменитая землянка Петра Великаго, охраняемая отъ разрушенія даже персіянами. Каменная стѣна, надъ которой пронеслись тысячелѣтія, опоясывала городъ и упиралась однимъ концомъ въ горы, другимъ уходила въ море и омывалась ея волнами. Такая же стѣна отдѣляла и Дубари отъ населенной части города.

Неудача перваго ночного штурма заставила Зубова прибѣгнуть къ осадѣ. Городъ былъ окруженъ батареями, и началось жестокое бомбардированіе его. Персіяне отвѣчали изъ своихъ орудій, и ядра ихъ залетали такъ далеко, что даже въ лагерѣ Нижегородскаго полка были убитыя лошади и раненые люди. 7 мая передовая башня была наконецъ взята, и Зубовъ потребовалъ сдачи города, давъ гарнизону два часа на размышленіе. Войска въ это время готовились къ штурму. Нижегородскій и Владимірскій драгунскіе полки должны были обойти городъ со стороны моря, которое было тутъ не глубоко и давало возможность кавалеріи легко перебраться въ бродъ, обогнуть стѣну и войти въ Дубари. «Не знаю», говоритъ одинъ очевидецъ, «какимъ образомъ разсчитывали перелѣзть черезъ другую стѣну, отдѣлявшую предмѣстье отъ города; однакоже было рѣшено, что кавалерійская бригада Бенигсена пойдетъ на приступъ именно съ этой стороны, если ключи города не будутъ доставлены къ назначенному времени» ([24]).

Штурма, однакоже, не было: Дербентъ сдался безъ боя, и теперь ворота въ Персію были открыты. Войска двинулись дальше, въ Баку, и Нижегородскій полкъ шелъ въ авангардѣ, которымъ командовалъ Булгаковъ. Ему первому и пришлось переправляться черезъ бѣшеный Самуръ, который персіяне считали неодолимою преградой. Авангардъ еще былъ въ трехъ верстахъ отъ рѣки, а до него явственно уже доносился грохотъ ея волнъ, разбивавшихся о прибрежныя скалы. Булгаковъ, поѣхавшій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, взглянуть на переправу, остановился въ невольномъ изумленіи. Весь покрытый бѣлою пѣною, Самуръ ревѣлъ и клокоталъ, какъ бѣшеный. Въ мутныхъ волнахъ прядали, гремѣли, мелькали каменья; вѣковыя деревья, вырванныя съ

4

корнями, уносились, какъ простыя щепы. Глухой гулъ стоялъ надъ потокомъ. Переправа здѣсь была опасна не менѣе самаго страшнаго боя. Одинъ неосторожный шагъ—и всадникъ, опрокинутый съ конемъ, былъ бы измолотъ каменьями, какъ жерновами мельницы. Войска ночевали на берегу Самура, а утромъ началась переправа. Сомкнувшись тѣсно въ ряды и взявши другъ друга за руки, пѣхота двигалась въ клокочущемъ потокѣ густой сплоченною толпой, по грудь въ водѣ; кавалерія переправлялась выше и до нѣкоторой степени задерживала собою стремительный напоръ воды. Переправились, однакоже, благополучно, и только одна телѣга, нагруженная ядрами, опрокинулась, два-три раза мелькнула въ пѣнистыхъ волнахъ, и исчезла ([25]).

Пока вслѣдъ за авангардомъ переправлялись главныя силы, Булгаковъ уже занялъ Кубу,—довольно значительный городъ, принадлежавшій также дербентскимъ ханамъ. Войска расположились верстахъ въ четырехъ отъ города. Мѣстность была восхитительная; драгуны стояли на зеленѣющей равнинѣ, усѣянной кустарникомъ и большими деревьями; тѣни было много; а кругомъ, куда ни обращался глазъ, вездѣ лежали очаровательные виды. Въ полуверстѣ отъ драгунскаго лагеря находился садъ Шихъ-Али-хана, который ничего замѣчательнаго собою не представлялъ; но онъ былъ тѣнистъ, въ немъ были цѣлыя аллеи фруктовыхъ деревъ, хорошо убитыя дорожки, и офицеры сдѣлали его любимымъ мѣстомъ для своихъ прогулокъ; тамъ они проводили цѣлые дни, не рѣдко возвращаясь въ лагерь уже при лунномъ свѣтѣ. Вечера были восхитительные; воздухъ чистъ и тепелъ; луна отражалась въ волнахъ быстрой рѣки, слабо освѣщая равнину и серебря снѣговыя вершины горъ, поднимавшихся на горизонтѣ. Войска простояли здѣсь около двухъ недѣль, и это были для нихъ послѣдніе, пріятно проведенные дни въ Персіи ([26]).

Со всѣхъ сторонъ къ Зубову стали приходить тревожныя вѣсти. Въ народѣ распущенъ былъ слухъ, что русскіе идутъ для истребленія хановъ, и сосѣдніе владѣльцы Баку и Шемахи пересылались гонцами, сговариваясь встрѣтить русскихъ соединенными силами. Зубовъ поторопился занять Баку, и войска въ самомъ началѣ іюня выступили въ дальнѣйшій походъ. Выяснилось между тѣмъ, что подойти къ городу съ цѣлымъ корпусомъ нѣтъ никакой возможности: на сто верстъ кругомъ его не было не только воды или лѣса, но даже травы. Войска вынуждены были остановиться на грани этой безплодной пустыни, и расположились

на берегахъ рѣчки Аты-чай. Скучна и печальна была эта стоянка. Кругомъ лежала сухая, глинистая почва, растрескавшаяся отъ зноя; трава высохла и поблекла отъ палящихъ лучей солнца; налѣво, окаймляя горизонтъ, тянулся песчаный берегъ моря; направо чернѣли горы, обожженныя солнцемъ. Нигдѣ ни малѣйшаго намека на тѣнь, и взору не на чемъ было отдохнуть. Даже ночи не приносили отрады: воздухъ до того накалялся днемъ, что ночью становился удушливъ, и люди обливались изнурительнымъ потомъ. Въ войскахъ начались болѣзни, скоро уменьшившія корпусъ почти до половины. Къ счастію, Бакинскій ханъ не рѣшился на сопротивленіе. Онъ прибылъ въ русскій лагерь и вручилъ Зубову городскіе ключи. Для занятія Баку посланъ былъ небольшой отрядъ генерала Рахманова.

На этой же позиціи отъ Нижегородскаго полка отдѣлились два эскадрона, и съ отрядомъ генерала Булгакова вернулись въ Кубу для охраны тамошняго края ([27]). Остальные пять эскадроновъ, съ полковникомъ Раевскимъ, остались въ главныхъ силахъ, съ которыми Зубовъ шелъ наказать Шемахинскаго хана ([28]).

Тутъ въ первый разъ пришлось нашимъ войскамъ переходить большой Кавказскій хребетъ и познакомиться съ суровою и мрачною природой южнаго Дагестана. Ничего нельзя было представить себѣ ужаснѣе первыхъ двухъ переходовъ, когда приходилось двигаться по горнымъ ущельямъ, шириною не болѣе какъ въ полтора аршина, и сплошь усѣяннымъ мелкими, острыми камнями. Надъ этою дорогою возвышались съ обѣихъ сторонъ голые, совершенно отвѣсные утесы, высотою въ полтораста и болѣе саженей. Въ ущельяхъ было темно и душно. Войска то карабкались на высокія скалы, подъ нависшими каменными глыбами, то спускались съ горъ, обрамленныхъ отвѣсными пропастями. Везти артиллерію не представлялось никакой возможности: лошадей выпрягли и тащили ее на рукахъ, а драгуны, спѣшившись, вели своихъ лошадей въ поводу. Въ цѣлый день войска едва прошли девять верстъ и заночевали въ ущельѣ. Только на другой день, уже подъ вечеръ, выбрались они изъ этихъ страшныхъ тѣснинъ и остановились на урочищѣ Курцъ-Булацкій-Ейлагъ. Обозы остались далеко назади и присоединялись къ отряду по одиночкѣ, въ продолженіе цѣлой недѣли ([29]).

Урочище Курцъ-Булацкій-Ейлагъ пользуется сравнительной прохладою, прекрасными пастбищами и горными ключами. И дѣйствующій кор-

пусъ простоялъ на немъ до глубокой осени. Этого одного пребыванія въ горахъ русскихъ войскъ оказалось достаточнымъ для безкровнаго завоеванія ханствъ не только Шемахинскаго, но Шекинскаго и Карабагскаго. Все магометанское Закавказье перешло теперь въ наши руки.

Не такъ удачно шли наши дѣла въ Дагестанѣ. Нужно сказать, что во время движенія отряда въ Булацкій-Ейлагъ бѣжалъ изъ отряда Шихъ-Али-ханъ дербентскій — и бѣгство его вызвало новыя смуты въ Кубинскихъ владѣніяхъ. Мирные до сихъ поръ жители стали уходить въ горы и присоединяться къ хану. Скоро до Булгакова дошли слухи, что въ селеніи Череке каждую ночь съѣзжаются заговорщики, среди которыхъ присутствуетъ и самъ Шихъ-Али-ханъ. Можно было опасаться открытаго возстанія. Булгаковъ донесъ Зубову и просилъ разрѣшенія сдѣлать набѣгъ на Череке, лежавшій не далѣе восьми часовъ пути отъ нашего лагеря. Главнокомандующій согласился и выслалъ къ Булгакову на помощь небольшой кавалерійскій отрядъ изъ главнаго лагеря, подъ начальствомъ генерала Платова.

Набѣгъ рѣшено было сдѣлать въ ночь на 3 іюля. Булгаковъ съ эскадрономъ Нижегородскихъ драгунъ и тремя стами пѣшихъ егерей долженъ былъ ударить на селеніе съ фронта; Платовъ же съ своими казаками и тоже съ эскадрономъ Нижегородцевъ — съ тыла. Проводникомъ Булгакову вызвался служить самъ кубинскій наибъ-Вали-Бекъ, который, подъ личиной преданности русскимъ, затаилъ коварный умыселъ спасти своего хана. Не подозрѣвая измѣны, честный и храбрый Булгаковъ довѣрился проводнику вполнѣ. Селеніе Череке лежитъ на высокой горѣ, съ которой видны были, какъ на ладони, не только лагерь русскихъ войскъ, но и вся Кубинская провинція, и потому оба отряда выступили изъ своихъ лагерей уже въ глубокія сумерки. Проводникъ повелъ Булгакова дремучимъ лѣсомъ, по такой узкой, усѣянной камнями, тропѣ, что отрядъ долженъ былъ вытянуться въ нитку, а ночь была необычайно темная. Люди не видѣли другъ друга, и чтобы не разбиться, должны были перекликаться. Между тѣмъ Вали-Бекъ, ѣхавшій впереди, подъ предлогомъ освѣтить дорогу, зажегъ приготовленный факелъ, и багровый свѣтъ его предательски предупредилъ Шихъ-Али-хана о приближеніи русскихъ. Проплутавъ по лѣсу цѣлую ночь, отрядъ только къ утру дошелъ наконецъ до Череке и, разумѣется, не нашелъ въ немъ ни хана, ни жителей — селеніе оказалось пусто. Платовъ прибылъ еще позднѣе, и оба генерала,

захвативъ небольшое стадо рогатаго скота да сотню овецъ, вернулись назадъ: Булгаковъ въ Кубу, Платовъ—къ главному корпусу (30).

Набѣгъ оказался совершенно безплоднымъ. Правда, Шихъ-Али-ханъ бѣжалъ изъ Кубинскаго ханства, но за то онъ нашелъ себѣ союзника и покровителя въ лицѣ сильнаго казикумыкскаго хана Сурхая, вмѣстѣ съ которымъ и задумалъ напасть на самый отрядъ Булгакова. Горцевъ собралось тысячъ до пятнадцати. Высланный для наблюденія за ними небольшой отрядъ подполковника Бакунина былъ встрѣченъ горцами у д. Алпаны и уничтоженъ почти до послѣдняго человѣка. Но и потеря непріятеля была такъ велика, разстройство его было такъ сильно, что о нападеніи на главный кубинскій отрядъ послѣ того не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе Зубовъ не хотѣлъ оставить безъ наказанія вѣроломнаго поступка горцевъ и приказалъ Булгакову, занявъ Казикумыкское ханство, опустошить его огнемъ и мечемъ. На помощь къ Булгакову пришелъ весь Нижегородскій полкъ. Но едва отрядъ приблизился къ горамъ (31), какъ Сурхай поспѣшилъ отклонить грозу изъявленіемъ безусловной покорности — Казикумыкское ханство присягнуло на вѣрность русской императрицѣ.

Съ береговъ Самура весь Нижегородскій полкъ вернулся къ своимъ главнымъ силамъ, которыя спустились между тѣмъ съ горъ и стали у Старой Шемахи, въ долинѣ рѣчки Персагата. Въ отрядѣ Булгакова остался одинъ—7-й эскадронъ, только что пришедшій изъ Георгіевска въ числѣ другихъ резервовъ, для усиленія дѣйствующаго корпуса (32).

Расположеніе войскъ въ долинѣ Персагата, въ виду историческихъ развалинъ Старой Шемахи, не представляло ни тѣхъ удобствъ, ни тѣхъ удовольствій, которыми пользовались войска въ Курцбулацкомъ лагерѣ. Въ Курцбулакѣ воздухъ былъ здоровый и прохладный, а въ Шемахѣ, несмотря на октябрь мѣсяцъ,—сухой и палящій; травы было не много, да и та выгорѣла. Отъ чрезвычайнаго жара и неумѣреннаго употребленія плодовъ, находимыхъ во множествѣ въ сосѣднихъ садахъ, между солдатами опять развилась страшная болѣзненность (33).

Лишенія, которыя приходилось терпѣть войскамъ въ долинѣ Персагата, заставляли покинуть ее какъ можно скорѣе. Остановка была только за транспортами, которые шли съ продовольствіемъ. И какъ только они прибыли, весь корпусъ 26 октября подался впередъ на нѣсколько переходовъ и сталъ у Новой Шемахи—резиденціи Ширванскихъ хановъ. Здѣсь

Нижегородцамъ довелось быть свидѣтелями любопытнаго эпизода избранія новаго хана, на мѣсто прежняго владѣльца, который бѣжалъ къ персіянамъ. Новый ханъ прибылъ въ русскій лагерь съ необычайною пышностью, отличавшею восточныхъ правителей, и подъ русскими знаменами принесъ присягу императрицѣ за себя и за свой народъ. Затѣмъ онъ сѣлъ на богато убраннаго коня, подареннаго ему графомъ Зубовымъ, и въ сопровожденіи блестящей свиты и русскаго эскорта отправился въ свою столицу. Нижегородцы, вмѣстѣ съ другими драгунскими полками, сопровождали хана и видѣли торжественный въѣздъ его въ Шемаху. Толпы народа, духовенство и знатнѣйшіе беки встрѣтили его у городскихъ воротъ съ серебрянымъ блюдомъ, наполненнымъ червонцами, которые въ восточныхъ странахъ играютъ въ подобныхъ случаяхъ роль русскаго хлѣба-соли ([34]).

Поставивъ новаго Хана, Зубовъ выступилъ далѣе, и 21 ноября сталъ у Джевата, при сліяніи рѣкъ Куры и Аракса. Здѣсь, на новомъ лагерномъ мѣстѣ, войска устроили себѣ землянки и пользовались изобильнымъ продовольствіемъ, доставлявшимся по Курѣ изъ Баку и Сальянъ. Несмотря на то, что мѣстность была безлѣсная, солдаты въ короткое время построили для Зубова деревянный двухъ-этажный домъ, «какого не было и у владѣтелей персидскихъ». Лагерь представлялъ собою какъ бы волшебствомъ созданный городъ, въ которомъ появились торговцы не только жизненными припасами, но и предметами роскоши. Сюда пригоняли изъ Грузіи скотъ и свиней цѣлыми стадами, солдаты ловили рыбу, которая водилась въ Курѣ въ большомъ изобиліи ([35]).

За Курою начиналась уже обширная Муганская степь. Вся иррегулярная кавалерія, подъ начальствомъ Платова, была переброшена на ту сторону рѣки и высылала разъѣзды почти до самаго Гиляна; но непріятеля нигдѣ не было видно. Шахъ былъ въ походахъ, и русскимъ оставалась полная свобода распоряжаться въ сопредѣльныхъ съ Персіею мусульманскихъ ханствахъ. Такъ въ короткое время покорены были Россіи ханства: Дербентское, Бакинское, Кубинское, Казикумыкское, Ширванское, Карабагское, Шекинское и Ганжинское; весь берегъ Каспійскаго моря, отъ устьевъ Терека до устьевъ Куры, былъ занятъ русскими войсками, расположившимися также и на Муганской степи. Адербейджанъ лежалъ передъ нами не защищенный, дорога къ Тегерану была открыта, и передовые русскіе посты стояли у воротъ Гиляна.

Для прочнаго утвержденія нашего владычества на Каспійскомъ прибрежьи, для обезпеченія торговли и для устройства постояннаго и безопаснаго сообщенія съ Грузіей, графъ Зубовъ предполагалъ заложить на мѣстѣ лагерной стоянки укрѣпленный городъ Екатериносердъ. Для первоначальнаго заселенія его рѣшено было изъ полковъ, участвовавшихъ въ походѣ, оставить двѣ тысячи молодыхъ солдатъ, съ тѣмъ чтобы правительство снабдило ихъ всѣмъ необходимымъ для поселенія, а армяне и грузины дали бы имъ женъ. Сдѣланъ былъ вызовъ охотниковъ и изъ Нижегородскаго полка.

Но всѣ результаты труднаго похода, и всѣ эти предположенія и проекты исчезли передъ однимъ роковымъ обстоятельствомъ: 6 ноября 1796 года великая императрица скончалась. Ровно черезъ мѣсяцъ въ русскій лагерь, стоявшій на Курѣ, прискакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ императора Павла; и тотъ же фельдъегерь привезъ каждому полковому командиру, помимо Зубова, особый именной высочайшій указъ—немедленно возвратиться съ полкомъ въ русскія границы и «сберегать людей для лучшаго ихъ употребленія». Главнокомандующій графъ Зубовъ уволенъ былъ отъ службы ([36]).

Такъ закончился персидскій походъ, начатый блистательнымъ успѣхомъ и кончившійся возвращеніемъ персидскому шаху всѣхъ покоренныхъ нами земель.

Время, назначенное войскамъ для похода, было совсѣмъ неудобное: стояла зима, представляющая во всемъ Закавказьи свои тяжелыя стороны; но медлить было нельзя, и полки, каждый самъ по себѣ, тронулись въ путь.

Ермоловъ, бывшій въ этомъ походѣ батарейнымъ командиромъ, рисуетъ передъ нами печальную картину этого внезапнаго отступленія. Полки, по его словамъ, предоставленные судьбѣ, не снабженные ни обозами, ни продовольствіемъ, не обезпеченные фуражемъ, среди суровой снѣжной зимы, сопровождаемой въ горахъ и на обширныхъ кумыкскихъ равнинахъ страшными вьюгами,—шли по одиночкѣ, каждый самъ по себѣ, а на Терекѣ ихъ ожидалъ своенравный Гудовичъ, пылавшій гнѣвомъ за то, что не ему ввѣрено было начальствованіе надъ экспедиціоннымъ корпусомъ. Избѣгая съ нимъ встрѣчи, многіе пробирались степью прямо на Астрахань, и потомъ окружнымъ путемъ возвращались на линію ([37]). Походъ почти безкровный, если не считать штурма Дербентской башни, да вѣро-

ломнаго истребленія горцами батальона Бакунина, въ концѣ концовъ стоилъ столькихъ человѣческихъ жертвъ и такого матеріальнаго ущерба, какихъ нельзя было бы ожидать при самой неудачной кампаніи.

Въ Кизлярѣ Нижегородскій полкъ получилъ извѣстіе, что полковникъ Раевскій, въ числѣ многихъ другихъ выдающихся людей екатерининскаго времени, отставленъ отъ службы, и что шефомъ полка назначенъ генералъ-маіоръ князь Алексѣй Петровичъ Щербатовъ, за четыре года передъ тѣмъ сдавшій Нижегородскій полкъ тому же Раевскому ([38]).

Такъ началось для Нижегородскаго полка царствованіе императора Павла Перваго.

Н. Н. Раевскій.

III.

Царствованіе Императора Павла.

(1796—1801.)

Императоръ Павелъ I-й.—Крутыя перемѣны.—Сдача полка Раевскимъ.—Историческое значеніе Раевскаго.—Полкъ въ пяти-эскадронномъ составѣ.—Обученіе новымъ экзерциціямъ, и новая форма.—Быстрая смѣна шефовъ.—Полкъ Грушецкаго.—Непрерывная смѣна полковыхъ командировъ.—Рядъ главнокомандующихъ.—Упраздненіе Нижегородскаго полка.—Полкъ генералъ-маіора Пушкина.—Предположеніе о перемѣщеніи его въ Грузію.—Отмѣна этого назначенія.—Шефъ полка—Портнягинъ.—Его плодотворная дѣятельность.

Императоръ Павелъ I-й, какъ извѣстно, былъ убѣжденнымъ поклонникомъ прусскихъ идей въ области военнаго искусства, и уже по одному

этому противникомъ политическихъ и военныхъ направленій, господствовавшихъ при его великой матери. Обладая характеромъ истиннаго рыцаря, полный добрыхъ намѣреній и начинаній, онъ былъ преимущественно теоретикомъ, не знавшимъ и, можетъ быть, невольно не принимавшимъ въ расчетъ всѣ требованія живой русской дѣйствительности. Въ глазахъ его не получали надлежащаго значенія ни нравы русскаго народа, съ которыми нужно было считаться въ войскахъ, ни условія мѣстностей, ни характеръ окраинъ съ ихъ оригинальными свойствами быта. Онъ видѣлъ передъ собой военный идеалъ въ побѣдоносномъ прусскомъ солдатѣ эпохи Фридриха Великаго, и хотѣлъ примѣнить его во всей полнотѣ къ русскимъ войскамъ, какъ раньше примѣнялъ его къ своему маленькому гатчинскому отряду. Въ этомъ ложномъ направленіи, которое раздѣляли съ нимъ многіе лучшіе умы того времени, была существенная ошибка, очевидная, впрочемъ, только для потомства.

Фридрихъ Великій, въ противоположность своимъ поклонникамъ, былъ великимъ практикомъ военнаго дѣла и водилъ свои войска къ побѣдамъ, мало заботясь о существующихъ узаконеніяхъ и формахъ. Онъ видѣлъ, что прусскіе уставы отстали на цѣлое столѣтіе, и если не мѣнялъ ихъ, то только потому, что не придавалъ ихъ устарѣлымъ и отжившимъ формамъ никакого значенія. Тогда не многіе понимали это. Поклонники короля, привыкшіе къ слѣпому подражанію великому полководцу, именно въ уставахъ и внѣшнихъ формахъ хотѣли видѣть тайну одерживаемыхъ имъ побѣдъ,—и заимствовали отъ прусскихъ войскъ одну только внѣшность. Прусскій уставъ наиболѣе соотвѣтствовалъ тому, чтобы обратить живого человѣка въ послушную, но совершенно пассивную, бездушную машину, которая могла бы двигаться, останавливаться и даже стрѣлять съ автоматическою точностью. На берлинскихъ парадахъ все это выходило чрезвычайно красиво. И новый уставъ, вводимый тогда въ русскую армію съ непостижимой быстротою,—онъ былъ отпечатанъ и разосланъ въ войска въ первые же двадцать дней новаго царствованія,—являлся буквальнымъ переводомъ съ прусскаго, со всею его тенденціозностью, со всѣми его недостатками и даже обмолвками. Суворовъ, одинъ постигавшій въ чемъ кроется тайна побѣдъ, мѣтко и охарактеризовалъ этотъ уставъ, назвавъ его: «Нѣмороссійскимъ переводомъ рукописи, изъѣденной мышами (1) и найденной въ развалинахъ стараго замка». И это была, дѣйствительно, архивная, никуда не годная рукопись, долженствовав-

шая измѣнить характерный екатерининскій закалъ русскаго войска. Но чтобы обратить живого суворовскаго бойца въ мертвую бездушную машину, надо было прежде отнять у него всякое проявленіе воли, убить способность мышленія. Такъ какъ это сдѣлать было не совсѣмъ легко, то лучшими проводниками въ жизнь этихъ новыхъ идей естественно сдѣлались суровыя тѣлесныя наказанія, давно уже выведенныя у насъ Потемкинымъ. Эмблемою ихъ и служила трость, заимствованная отъ пруссаковъ же, вмѣстѣ съ ихъ одеждой и уставами. Трость эта, изъ обыкновеннаго дерева съ костянымъ набалдашникомъ, составляла неотъемлемую принадлежность формы каждаго начальствующаго лица, начиная съ сержанта, а въ кавалеріи введена была у всѣхъ унтеръ-офицеровъ, взамѣнъ даже ружей, и возилась въ конномъ строю заткнутой за сѣдельную подпругу (2).

Екатерининская одежда, отличительною чертой которой было удобство, отсутствіе затѣй и лишнихъ украшеній, простота и соотвѣтственность каждой вещи ея цѣли,—была отмѣнена также однимъ изъ первыхъ указовъ новаго императора. Екатерининскій солдатъ, обстриженный въ кружокъ, одѣтый въ короткій, опоясанный кушакомъ, кафтанъ, въ широкія штаны, запрятанныя за голенища сапогъ, былъ слишкомъ живымъ человѣкомъ, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ, которыя предъявлялись къ нему любителями прусскихъ парадовъ. Солдата опять затянули въ мундиръ и узкіе панталоны, одѣли въ штиблеты, убрали ему голову въ косу и пукли, засыпали её пудрой, — «и россійскій воинъ», какъ говоритъ одинъ панегиристъ того времени, «воспріялъ геройскій и наиболѣе военной службѣ приличествующій видъ» (3).

Для лучшаго наблюденія за точнымъ примѣненіемъ нововведеній, императоръ призналъ необходимымъ измѣнить отчасти и самую организацію арміи. Онъ засталъ ее раздѣленною на дивизіи, которыми командовали фельдмаршалы или генералъ-аншефы, всегда находившіеся при войскахъ и отлично знавшіе тѣ полки, которыми начальствовали. Павелъ назначилъ въ каждый полкъ еще особаго генерала, съ званіемъ шефа, слѣлавъ его отвѣтственнымъ лицомъ за успѣшный ходъ въ полку всѣхъ вводимыхъ имъ преобразованій. Не довольствуясь этимъ, онъ росписалъ всю армію по инспекторамъ, которымъ далъ обширныя полномочія и право дѣлать секретныя донесенія прямо въ собственныя его руки. Такими инспекторами являлись нерѣдко молодые генералы, даже полковники, что приводило иногда къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ. Извѣстенъ, напр., случай,

когда знаменитый герой, побѣдитель Косцюшки, генералъ-аншефъ графъ Ферзенъ долженъ былъ по званію полкового шефа рапортовать молодому полковнику, присланному инспекторомъ изъ Петербурга, и принимать отъ него приказанія (4). Разумная екатерининская дисциплина, основанная на неизмѣнныхъ и вѣчныхъ нравственныхъ началахъ, была ослаблена.

Къ этому прибавилось другое: императоръ могъ дѣлать заключенія о войскахъ только по донесеніямъ своихъ инспекторовъ, а эти негласныя донесенія могли быть не только ошибочны, невѣрны, но и пристрастны, результатомъ чего и являлись то незаслуженно-быстрыя возвышенія по службѣ людей неспособныхъ, то исключенія изъ службы такихъ, которые составляли гордость русской арміи (5).

Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ Екатерины, а русская армія совершенно преобразилась. За шесть недѣль до смерти великой императрицы Суворовъ доносилъ ей, что «побѣдительныя войска ея готовы къ увѣнчанію себя новыми лаврами» (6); а черезъ эти три года страшной ломки прежнихъ порядковъ, и удаленія отъ дѣлъ екатерининскихъ вождей—новые генералы оказываются не заслуживающими даже довѣрія со стороны государя. Запуганные его присутствіемъ на маневрахъ, они ошибаются, путаютъ, стрѣляютъ по своимъ, и изъ высочайшаго приказа узнаютъ, «сколь далеки они отъ того даже, чтобы быть генералами посредственными, и что пока они будутъ таковы—вездѣ конечно и всѣми будутъ биты» (7).

Нижегородскій полкъ, живя на отдаленной окраинѣ Россіи и въ условіяхъ дѣйствительной войны, конечно, не испыталъ на себѣ всей ломки, созданной новыми военными порядками, но тѣмъ не менѣе они отразилась тяжело и на немъ.

Въ то время, какъ предоставленный въ жертву морозамъ, вьюгамъ и всѣмъ неудобствамъ спѣшнаго зимняго пути, онъ двигался по открытымъ кумыкскимъ равнинамъ, новый шефъ полка генералъ-маіоръ князь Щербатовъ уже прибылъ въ Георгіевскъ и принялъ въ свое завѣдываніе, не участвовавшіе въ походѣ, эскадроны: 2-й, поручика Пашевскаго, и 5-й, поручика Черепова, занимавшіе тогда посты въ Екатериноградѣ, въ Кумскомъ штернъ-шанцѣ и Калаузскомъ окопѣ (8).

4-го іюня 1797 года пришли наконецъ въ Георгіевскъ и остальные эскадроны Нижегородцевъ, бывшіе въ персидской кампаніи, но пришли почти пѣшіе, безъ обозовъ, даже безъ аммуниціи. Трудный зимній походъ сказался на нихъ полнымъ разстройствомъ и конскаго состава, и мате-

ріальной части: въ восьми эскадронахъ, выступившихъ въ походъ съ полнымъ числомъ рядовъ, теперь насчитывалось только 285 коней, да и изъ нихъ двадцать пали отъ изнуренія въ самый день вступленія полка въ штабъ-квартиру (9). Все это было естественно, понятно, и, тѣмъ не менѣе, князь Щербатовъ при наступившихъ порядкахъ затруднился принять полкъ отъ Раевскаго.

Осмотрѣвъ подробно полковое имущество, онъ донесъ Гудовичу, что «ружья и сабельныя ножны пришли отъ похода въ совершенную негодность, а что касается до пистолетовъ, отправленныхъ для облегченія людей водою по Курѣ до Очинской пристани, а оттуда на вьюкахъ, то они отъ частой перегрузки съ судна на судно, и съ верблюда на верблюда, оказались въ такомъ состояніи, что и двухъ годовымъ ремонтомъ исправить ихъ невозможно. Мундирная одежда, епанчи и аммуниція изношены такъ, что положеннаго срока дослужить не могутъ, а запасныхъ вещей не имѣется. Сѣдельный уборъ, хомуты и вообще кожаныя вещи сгорѣли отъ жары и потрескались отъ морозовъ; попоны уничтожены; обозъ разсохся, да и вообще въ полку мало осталось такихъ вещей, которыя были бы годны къ дальнѣйшей службѣ. Кромѣ того, во время возвращенія полка изъ Персіи, отъ жестокихъ стужей, ненастья и безкормицы пали почти всѣ подъемныя лошади, а потому сожжено множество повозокъ и 365 сѣделъ съ полнымъ приборомъ, такъ какъ везти ихъ было не на чемъ. Кромѣ того, во время нагрузки на суда, сожжено за неимѣніемъ мѣста 723 запасныхъ сѣдельныхъ арчаковъ, и теперь полку не на чемъ ѣздить» (10).

Съ неменѣе суровою требовательностію отнесся Щербатовъ и ко всему тому, что еще оставалось въ полку. Въ эскадронахъ, не участвовавшихъ въ персидскомъ походѣ, по описи значилось 272 лошади; но изъ нихъ онъ принялъ только 121, а остальныя за выслугою срока, за малымъ ростомъ и разными пороками были выранжированы. Изъ 265 лошадей, перенесшихъ походъ, забраковано 46, да и остальныя внушали Щербатову сомнѣніе, такъ какъ большую часть обратнаго пути прошли не подъ сѣдлами, а въ упряжи. Послѣднее обстоятельство показалось новому шефу настолько важнымъ, что онъ счелъ необходимымъ даже запросить Гудовича, могутъ ли быть подобныя лошади признаны годными для продолженія кавалерійской службы. Гудовичъ приказалъ всѣхъ ихъ обратить въ подъемныя и передать въ пѣхотные полки и въ артиллерію.

Въ результатѣ получилось, что во всемъ десяти-эскадронномъ полку осталось на службѣ только 120 лошадей.

Вышли недоразумѣнія и съ полковыми суммами. По книгамъ значились ремонтныя деньги, въ количествѣ 6.164 рублей, а въ наличности ихъ не оказалось. Раевскій далъ объясненіе, что онѣ во время похода употреблены на покупку 195 подъемныхъ лошадей по военному времени, и что къ нимъ даже прибавлены еще 1.635 рублей изъ фуражныхъ денегъ. Объясненіе это послужило только поводомъ къ новому обвиненію Раевскаго. Оказалось, что еще 9-го декабря 1796 года послѣдовалъ указъ императора, воспрещающій именно расходовать ремонтную сумму на покупку подъемныхъ лошадей; и хотя указъ этотъ не былъ еще извѣстенъ въ Каспійскомъ корпусѣ, тѣмъ не менѣе, по буквальному смыслу его, отъ Раевскаго потребовали возврата означенныхъ денегъ. Къ этому прибавился начетъ за лошадей выранжированныхъ, и общая сумма претензій, предъявленныхъ къ Раевскому, достигла цифры 12.366 рублей. Раевскій указалъ какъ на обезпеченіе этого долга на свои воронежскія и тульскія имѣнья и выдалъ реверсъ съ обязательствомъ пополнить деньги въ теченіе пяти недѣль. Надо думать, что деньги внесены не были въ срокъ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ на его имѣнія наложенъ былъ секвестръ ([11]).

Такъ закончилъ въ рядахъ Нижегородскаго полка свою боевую карьеру тотъ Раевскій, который въ новое царствованіе, по прошествіи лишь нѣсколькихъ лѣтъ, является однимъ изъ знаменитѣйшихъ вождей русской арміи, любимцемъ солдатъ, героемъ народныхъ сказаній. Всякому изъ насъ, безъ сомнѣнія, случалось въ самыхъ глухихъ закоулкахъ Россіи видѣть лубочныя изображенія нашихъ полководцевъ,—и въ ихъ ряду чаще другихъ попадается Раевскій. Подъ его портретомъ изображается обыкновенно одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ его жизни—атака на французскую батарею подъ Салтановкой. Раевскій съ своими малолѣтними сыновьями, изъ которыхъ одному судьба отводила въ будущемъ блестящее мѣсто на страницахъ полковой исторіи Нижегородцевъ,—идетъ впереди; за нимъ—Смоленскій полкъ. Внизу подъ картиною надпись: «Я и дѣти мои, коихъ приношу въ жертву, откроемъ вамъ путь!» Это легендарное изображеніе и надпись основаны на строго историческомъ фактѣ. Нижегородцы съ своего отдаленнаго театра войны радостно привѣтствовали этотъ подвигъ и долго не переставали гордиться славою своего бывшаго командира.

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подъ-часъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ...

Вотъ лучшая характеристика Раевскаго, сказанная Жуковскимъ въ его «Бородинской годовщинѣ».

Собственно реформы новаго царствованія начались въ Нижегородскомъ полку съ того, что онъ былъ переформированъ изъ десяти—въ пяти-эскадронный составъ, а изъ людей, оставшихся излишними противъ новаго штата, въ числѣ 469 человѣкъ, приказано было образовать два маршевые эскадрона и отправить ихъ на укомплектованіе полковъ Московской инспекціи (12).

Для переформированія полка два эскадрона сводились вмѣстѣ и составляли одинъ, получавшій названіе уже по имени своего командира: 1-й и 10-й образовали шефскій эскадронъ; 2-й и 9-й—командирскій, полковника Ивашова; 3-й и 8-й—подполковника Львова; 4-й и 5-й—маіора Телепнева, а 6-й и 7-й—капитана Орлова (13). На сколько съ назначеніемъ шефовъ умалилось значеніе командира полка, на столько же въ царствованіе Павла поднято было значеніе эскадронныхъ командировъ, которые утверждались самимъ государемъ и безъ воли его перемѣняться не могли.

Съ образованіемъ пяти эскадроновъ, старыя екатерининскія знамена были отобраны, а взамѣнъ ихъ выданы полку штандарты съ изображеніемъ въ серединѣ креста. Въ шефскомъ эскадронѣ крестъ былъ бѣлый, а углы штандарта оранжевые, пополамъ съ чернымъ; въ остальныхъ — бѣлый крестъ имѣлъ три оранжевыя полоски, а углы штандарта были черные (14).

Нижегородецъ одѣлся теперь въ свѣтло-зеленый кафтанъ съ серебрянымъ аксельбантомъ, въ палевый камзолъ, въ ботфорты и лосины; на головѣ его опять появилась пудра, коса и пукли, а поверхъ тупея—тяжелая треугольная шляпа. Воротникъ на его кафтанѣ, обшлага, плечевой погонъ—были черные; вальтрапъ также былъ черный съ бѣлымъ лампасомъ, что придавало полку во фронтѣ нѣсколько траурный видъ. Надо сказать, что черный цвѣтъ полкового приклада напоминалъ отчасти форму одного изъ французскихъ полковъ, эмигрировавшихъ въ Россію съ корпусомъ Конде, и позже императоръ Павелъ приказалъ перемѣнить Нижегородскому полку черный прикладъ на оранжевый (15).

Пользуясь сборомъ полка для переформированія, Щербатовъ продержалъ его въ лагерѣ почти до самой зимы, «обучая», какъ доносилъ Гудовичу, «новымъ экзерциціямъ, такъ какъ полкъ, возвратясь изъ похода, не былъ еще никакимъ пріемамъ ученъ» ([16]). Только въ ноябрѣ, когда на сосѣднихъ горахъ давно уже лежали снѣга, эскадроны разошлись наконецъ по своимъ квартирамъ: шефскій сталъ въ Георгіевскѣ, командирскій—въ Обильномъ, Львова—въ Солдатской, а Телепнева и Орлова—въ Екатериноградѣ ([17]).

Послѣ трудныхъ ученій строевымъ экзерциціямъ тогдашняго кавалерійскаго устава, для солдата наступило зимою еще болѣе трудное время изученія всѣхъ мелочей внутренней и гарнизонной службы. Каждый шагъ его подвергался строгой повѣркѣ. Даже въ его домашнемъ быту все регламентировано было по пунктамъ, и за нарушеніе каждаго положены тяжелыя наказанія. Офицеры также подвергались взысканіямъ, арестамъ и даже исключеніямъ изъ службы за малѣйшее отступленіе даже отъ формы одежды. Тѣмъ же, которые просрочили въ отпуску или не явились послѣ перевода, посланы были предписанія, которыми объявлялось, «что въ 4-мъ пунктѣ 8-й главы новаго устава изображено: о просрочившихъ офицерахъ рапортуетъ шефъ или полковой командиръ инспектору, а сей самому Государю, при чемъ о просрочкѣ такого офицера повсюду съ барабаннымъ боемъ публикуется, послѣ чего такого должно посадить на два года въ крѣпость, а потомъ выкинуть изъ службы». По всей вѣроятности, именно за такія просрочки или за другія нарушенія установленныхъ правилъ постигла кара многихъ Нижегородцевъ. Въ теченіе только двухъ первыхъ лѣтъ царствованія императора Павла исключено изъ полка двадцать одинъ офицеръ; это были: полковникъ Раевскій, маіоры: Головинъ, Броневскій, Константиновъ, Димитріевъ и Болгарскій, капитаны: Веніаминовъ и Кабановъ, поручики: Шебановъ и Баранцовъ, подпоручики: Бутковъ и Анненковъ, прапорщики: Зелинскій, Моисеевъ, Кистевскій, два брата Телѣгиныхъ, Молчановъ, Артемьевъ, Гарновскій и Землянскій. Изъ числа ихъ поручикъ Петръ Баранцовъ понесъ болѣе тяжелую кару, чѣмъ исключеніе изъ службы. Въ чемъ заключалось его преступленіе—неизвѣстно, но онъ былъ лишенъ чиновъ, дворянскаго достоинства и сосланъ въ Сибирь на поселеніе ([18]).

Опала постигла внезапно и самого князя Щербатова посреди самаго разгара его дѣятельности. 9-го ноября 1797 года онъ былъ исключенъ

изъ службы, а на мѣсто его шефомъ Нижегородскаго полка назначенъ генералъ-маіоръ графъ Толстой. Спустя двадцать дней послѣ своего назначенія, Толстой былъ также исключенъ, а шефомъ Нижегородцевъ является генералъ-маіоръ Грушецкій, произведенный изъ полковниковъ Харьковскаго кирасирскаго полка ([19]).

Еще чаще, нежели шефы, смѣняются полковые командиры: 7 марта 1798 года Ивашовъ назначенъ былъ шефомъ Таганрогскаго полка, а мѣсто его занялъ полковникъ Львовъ. 28 сентября Львовъ назначенъ шефомъ Астраханскаго полка, а командиромъ Нижегородскаго становится полковникъ Ланге, тотъ самый, который заслужилъ въ полку георгіевскій крестъ на штурмѣ Анапы. Въ свою очередь Ланге 30 ноября назначенъ шефомъ Таганрогскаго полка на мѣсто Ивашова, уже исключеннаго изъ службы, а командиромъ Нижегородцевъ назначенъ подполковникъ князь Гуріели. Гуріелю пришлось прокомандовать сравнительно долго, до 31 января 1800 года; затѣмъ онъ былъ назначенъ шефомъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка, а Нижегородскій полкъ принялъ отъ него полковникъ Иванъ Христофоровичъ Шультенъ ([20]).

Все это не могло, конечно, благотворно влiять и на войска. Непостоянство и неопредѣленность, сказавшіяся въ этихъ быстрыхъ перемѣнахъ, особенно ярко подчеркиваются не менѣе частою смѣною и самихъ командующихъ войсками на Кавказской линіи. Гудовича въ 1798 г. смѣнилъ графъ Морковъ, Моркова—Киселевъ, Киселева—Ураковъ, Уракова—Кноррингъ,—и все это въ какіе-нибудь одинъ или полтора года. Это могло послужить источникомъ великаго бѣдствія для края, и для войскъ, охраняющихъ его. Къ счастію въ то время линія пользовалась относительнымъ спокойствіемъ ([21]).

Въ эти тяжелые годы, когда быстро слѣдовали одна перемѣна за другою, полку доводелось потерять и свое старое имя: 25 апрѣля 1798 г. полкамъ повелѣно было именоваться по фамиліямъ шефовъ, и Нижегородскій драгунскій полкъ сталъ драгунскимъ полкомъ генералъ-маіора Грушецкаго. Отрицательное значеніе этого факта вполнѣ понятно. Мысль Петра Великаго назвать полки по именамъ русскихъ земель и дать имъ знамена съ гербами тѣхъ провинцій, которыми назывались, была мыслію глубоко обдуманною. Служа подъ этими знаменами, солдатъ считалъ себя принадлежащимъ къ великому государству, интересы котораго защищалъ, тогда какъ при новыхъ названіяхъ тотъ же солдатъ сталъ считать себя

простою принадлежностью какого-то генерала, какъ недавно, до поступленія на службу, считалъ себя собственностью того или другого помѣщика. «Когда я имѣлъ несчастіе», говоритъ графъ С. Р. Воронцовъ, «командовать корпусомъ, возвратившимся изъ голландской экспедиціи, и навѣстилъ нашихъ солдатъ въ Портсмутскомъ госпиталѣ, на всѣ мои вопросы: какого полка? я получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:—«прежде былъ такого-то, а теперь не знаю, полкъ данъ какому-то нѣмцу (22)». Изъ всѣхъ нововведеній, заимствованныхъ нами отъ пруссаковъ, это было самое непопулярное.

Во внутренней жизни полка, въ его дѣятельности среди своеобразныхъ условій кавказской службы, рѣзкихъ перемѣнъ не происходило. Какъ прежде, при предмѣстникахъ Грушецкаго, Раевскомъ и князѣ Щербатовѣ, командиръ Нижегородскаго полка и теперь завѣдывалъ однимъ изъ участковъ линіи, простиравшимся отъ Танлыцкаго редута до слободы Солдатской; тѣ же оставались распорядки кордонной службы; также по всей пограничной чертѣ торчали казачьи вышки, и стояли разбросанныя по пустырямъ и буеракамъ, различной физіономіи хаты, обнесенныя колючими плетневыми заборами. Это были посты и бекеты, а за ними по станицамъ и слободамъ стояли резервы. Въ первую очередь шли казаки всѣхъ наименованій; во вторую — драгуны. Нижегородцы занимали въ то время центральную позицію въ Георгіевскѣ; на правомъ флангѣ, въ Григоріополисѣ, стояли Таганрогцы, а на лѣвомъ, въ Кизлярѣ, — Владимірцы. Промежуточнаго поста между Нижегородцами и Владимірскимъ полкомъ не было, такъ какъ занимавшій этотъ районъ Астраханскій полкъ ушелъ въ Россію, а, вызванный на его мѣсто въ Моздокъ, Нарвскій полкъ еще не успѣлъ прибыть. Назначеніе Нарвскаго полка было обстоятельствомъ совершенно случайнымъ, но, какъ увидимъ, имѣвшимъ большое значеніе въ судьбахъ нашихъ Нижегородцевъ.

Какъ лѣто, такъ и зима проходили на кордонной линіи обыкновенно спокойно. Драгунъ вызывали на тревоги рѣдко, только въ важныхъ случаяхъ, когда бывали большіе прорывы, грозившіе опасностью цѣлымъ станицамъ, а такихъ вторженій во все время царствованія Павла не было; по крайней мѣрѣ о нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ въ офиціальной перепискѣ того времени. Съ мелкими же разбойничьими шайками, которыя могли быть опасны только оплошнымъ постамъ, да запоздавшимъ безпечнымъ путникамъ, управлялись сами казаки. Курьезовъ съ этими

казаками, не вполнѣ тогда еще отрѣшившимися отъ своихъ волжскихъ привычекъ, было не мало. Полковникъ Лихачевъ, завѣдывавшій дистанціею въ кордонномъ участкѣ Грушецкаго, писалъ ему однажды, что при тревогахъ ставится въ крайнее затрудненіе, не зная кого преслѣдовать—кабардинцевъ ли, или самихъ же казаковъ, которые грабятъ не хуже кабардинцевъ. Какъ иллюстрацію къ сказанному, онъ приводитъ случай, когда хорунжій Волжскаго полка Цыганковъ, посланный конвоировать какой-то купеческій обозъ, раздѣлилъ своихъ казаковъ на двѣ стороны и произвелъ цѣлый маневръ, результатомъ котораго было взятіе и разграбленіе своего же обоза (23).

Кордонная служба давала себя чувствовать Нижегородцамъ главнымъ образомъ осенью, когда наступали длинныя темныя ночи, а драгуны пускали своихъ лошадей въ табуны на пастьбу. Кони ходили по эскадронно, и при каждомъ табунѣ находился офицеръ съ командой изъ сорока драгунъ; трое изъ нихъ въ продолженіе цѣлаго дня оставались верхомъ, а шестеро держали своихъ лошадей засѣдланными и на приколахъ. На ночь караулы удваивались; а въ мѣстахъ опасныхъ, какъ напр. около Марьевки, гдѣ были глубокія балки, выставлялись даже конные пикеты. Особый пикетъ при офицерѣ стоялъ и за Марьевкой, къ сторонѣ Пятигорья, въ вершинахъ рѣчки Эшкона, откуда чаще всего пробирались хищники. Во время грозъ, довольно частыхъ въ этой мѣстности, всѣ люди садились на коней, а самые табуны окружались тогда цѣпью конныхъ часовыхъ. Несмотря на такія предосторожности, 12 августа 1798 года подкравшіеся хищники вспугнули табунъ и, пользуясь общей сумятицей, угнали 12 лошадей (24).

Хроника военныхъ событій передаетъ намъ не много случаевъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами на кровавой аренѣ войны являются драгуны. Тѣмъ не менѣе, она разсказываетъ о нѣсколькихъ происшествіяхъ, которыя значительно выходятъ изъ общаго уровня. Есть, напр., свѣдѣніе, что при одномъ нападеніи на драгунскій разъѣздъ въ вершинахъ Эшкона, рядовой Нижегородскаго полка—имени его, къ сожалѣнію, журналъ не называетъ,—захватилъ въ плѣнъ стараго кабардинца и привелъ его въ Георгіевскъ вмѣстѣ съ конемъ и оружіемъ—случай не совсѣмъ обыкновенный въ кавказской войнѣ, гдѣ люди не отдавались въ руки живыми (25).

Бывали и другія происшествія. Однажды, передъ самою ночью, небо вдругъ заволокло тучами и гроза разразилась внезапно. Табуны успѣли

сбить въ кучу и окружить конною цѣпью драгунъ. Но вдругъ послѣ одного ужаснаго громового удара лошади въ одномъ изъ эскадроновъ шарахнулись, сбили цѣпь и понеслись по степи. Кто видѣлъ испуганный табунъ, тотъ знаетъ, что нѣтъ силы, которая бы могла удержать его, пока онъ не остановится самъ. Караульные драгуны скакали за табуномъ, пока слышали конскій топотъ, но вскорѣ, при раскатахъ грома и при непроницаемой темнотѣ, лошади скрылись изъ виду. Два дня послѣ того собирали табунъ и все-таки нѣсколькихъ лошадей не досчитались ([26]).

Такъ наступилъ наконецъ тысяча восьмисотый годъ. И этотъ послѣдній годъ XVIII столѣтія сталъ роковымъ для Нижегородцевъ: 3 апрѣля послѣдовалъ высочайшій указъ о переформированіи четырехъ драгунскихъ полковъ Кавказской инспекціи въ два десяти-эскадронные полка, причемъ Таганрогскій полкъ соединялся съ Владимірскимъ, а Нижегородскій входилъ въ составъ Нарвскаго, и, послѣ столѣтней исторической жизни, переставалъ существовать отдѣльною самостоятельною единицей въ семьѣ русскаго войска. Съ прискорбіемъ узнали объ этомъ Нижегородцы. Нарвскій полкъ хотя и принадлежалъ къ старѣйшимъ полкамъ русской арміи, но былъ на четыре года моложе Нижегородскаго, и за нимъ не было такого длиннаго боевого формуляра ([27]).

Какъ нѣкогда Астраханскій полкъ образовалъ въ Нижегородскомъ послѣдніе пять эскадроновъ, такъ самъ онъ образовалъ теперь тѣ же эскадроны въ Нарвскомъ полку, который именовался въ тотъ моментъ полкомъ генералъ-маіора Пушкина. Шефъ Нижегородцевъ генералъ-маіоръ Грушецкій уволенъ былъ отъ службы съ правомъ ношенія мундира, а Шультенъ изъ командировъ полка превратился въ командиры простого эскадрона. Старые нижегородскіе штандарты отъ полка были отобраны и сданы въ арсеналъ, а взамѣнъ ихъ высланы новые, но уже одинаковые для всѣхъ эскадроновъ. На ихъ зеленомъ, съ бѣлыми углами полѣ, окаймленномъ золотымъ шитьемъ и бахромою, блестѣлъ царскій вензель и была надпись: на одной сторонѣ—«Съ нами Богъ», на другой—«Благодать». Единственно, что осталось памятью отъ стараго Нижегородскаго полка—это его оранжевый прикладъ, который переданъ былъ Нарвскому, взамѣнъ его полкового синяго цвѣта ([28]).

Дизлокація всѣхъ эскадроновъ осталась безъ измѣненія, но полковой штабъ переведенъ былъ изъ Моздока въ г. Александровъ.

Переформированіе полковъ еще не закончилось, какъ обстоятельства

едва не выдвинули нашихъ драгунъ на новый театръ военныхъ дѣйствій. Потребовалось значительное усиленіе войскъ въ Грузіи, гдѣ стоялъ одинъ только егерскій полкъ Лазарева, и императоръ Павелъ приказалъ двинуть туда девять батальоновъ пѣхоты и одинъ изъ двухъ драгунскихъ полковъ, находящихся на линіи. Назначенъ былъ именно полкъ Пушкина; даже были росписаны ему квартиры—по два эскадрона: въ Тифлисъ, въ Гори, въ Сигнахъ, въ Телавъ и Лори. Кноррингъ вошелъ, однако, съ представленіемъ, чтобы въ Грузію отправить только пять эскадроновъ, а остальные пять замѣнить донскими казаками, «которые и стоить будутъ дешевле и пользы принесутъ больше». Кноррингъ вообще былъ противникомъ драгунъ, предпочитая имъ линейныхъ казаковъ; онъ даже смотрѣлъ на пребываніе ихъ на Кавказской линіи только какъ на временное. «Съ самаго благополучнаго восшествія на престолъ Вашего Императорскаго Величества,—писалъ онъ государю,—драгуны ни одного раза въ дѣло съ хищниками не употреблялись и не могли требоваться, какъ по мѣстному положенію здѣшней границы, покрытой горами, лѣсами и рѣчками, паче же по иррегулярству здѣшнихъ народовъ. Въ случаѣ же злодѣйскихъ вторженій ихъ въ наши границы, служатъ къ отраженію ихъ поселенные здѣсь казаки, и въ непродолжительное время, когда возмужаютъ сихъ поселенцевъ дѣти, можно будетъ обойтиться тогда и безъ двухъ драгунскихъ полковъ, которые можно будетъ возвратить въ Россію» ([29]).

Государь не согласился, однако, съ заключеніемъ Кнорринга; а между тѣмъ и самый вопросъ объ отправленіи въ Грузію получилъ другой характеръ: найдено было возможнымъ послать туда одинъ Кабардинскій пѣхотный полкъ, а остальнымъ приказано было стоять въ полной готовности къ походу.

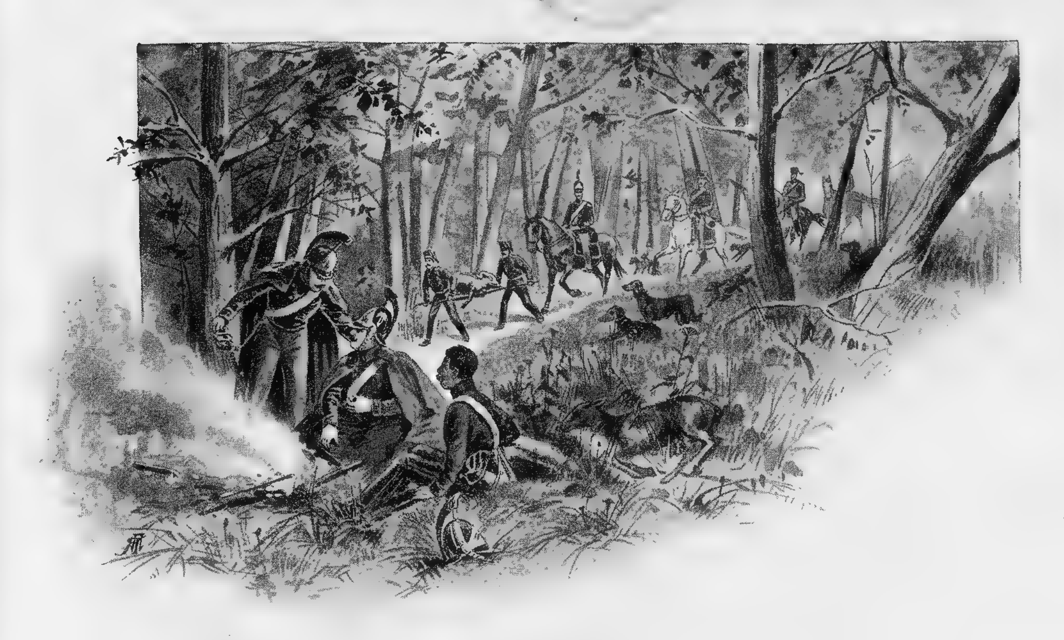
Въ этомъ положеніи застаетъ полкъ назначеніе новаго шефа, и 15 октября 1800 года онъ переименовывается въ драгунскій генералъ-маіора Портнягина полкъ.

Семенъ Андреевичъ Портнягинъ былъ одинъ изъ тѣхъ популярныхъ людей, имена которыхъ глубоко западаютъ въ душу русскаго солдата. Циціановъ называлъ его «храбрѣйшимъ изъ храбрѣйшихъ». Вѣрный потемкинскимъ традиціямъ, онъ поставилъ свой полкъ на высокую степень боевого образованія, и его драгуны стали отличными стрѣлками, лихими рубаками, а въ наѣздничествѣ не уступали ни одному кабардинцу. Позднѣе, познакомившись ближе съ полкомъ, Циціановъ, замѣстившій на

Кавказѣ Кнорринга, писалъ императору Александру, что «полкъ превосходитъ всякое выраженіе: лошади въ наилучшихъ тѣлахъ, люди одѣты, какъ одинъ, и сидятъ въ сѣдлахъ крѣпко, какъ настоящіе азіятцы» ([30]).

Начальствованіе такого шефа было для Нижегородцевъ истиннымъ счастіемъ въ это трудное время; оно, рядомъ съ другими условіями, созданными кавказскою жизнію, хранило нашъ полкъ, затерявшійся въ составѣ другого, отъ внутренняго разложенія. И когда Нижегородскій полкъ, съ наступленіемъ новаго царствованія, былъ снова призванъ къ самостоятельной жизни,—въ немъ оказались только окрѣпшими живыя силы и традиціи, которыя должны были послужить основаніемъ для его будущности.

IV.

Первые годы новаго вѣка.

(1801—1803).

Возрожденіе Нижегородскаго полка.—Его сформированіе, штаты, одежда.—Глазенапъ и Сталь.—Характерныя лица полкового общества.—Зимнія и лѣтнія развлеченія офицеровъ.—Полковые кампаменты.—Линейная служба.—Экспедиція въ Кабарду и высочайшій рескриптъ полковнику Сталю.—Вопросъ о перемѣщеніи полка въ Россію и мнѣніе о томъ Глазенапа.—Приготовленіе къ походу въ Грузію.—Сформированіе новаго драгунскаго полка для Кавказской линіи.—Проводы эскадрона Куликовскаго и сформированіе взамѣнъ его новаго.

Съ 12 марта 1801 года наступило новое царствованіе, и однимъ изъ первыхъ же распоряженій императора Александра было возвращеніе Нижегородскому полку его самостоятельнаго существованія. 30 марта, черезъ 18 дней по восшествіи на престолъ новаго государя, послѣдовалъ указъ,

которымъ Нижегородскіе эскадроны отдѣлялись отъ Нарвскихъ и образовывали полкъ съ его старымъ именемъ. Шефомъ его назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Глазенапъ, а командиромъ—полковникъ Сталь.

Возрождавшійся Нижегородскій полкъ формировался въ новой своей штабъ-квартирѣ въ Екатериноградѣ, еще полномъ тогда воспоминаній о Павлѣ Потемкинѣ. Великолѣпные остатки дворца его и тріумфальныя ворота, сохранившіяся во всей неприкосновенности даже до нашего времени, свидѣтельствовали о роскоши, съ которой онъ жилъ на этой далекой окраинѣ. Въ Екатериноградѣ помѣстился штабъ полка съ двумя эскадронами Сталя и подполковника Потлога; остальные эскадроны сгруппировались также около своей штабъ-квартиры: шефскій, подъ командой маіора Суржикова въ Георгіевскѣ, маіора Пашкевича — въ Обильномъ и маіора Куликовскаго—въ Солдатскомъ. Такимъ образомъ, полкъ занялъ на Кавказской линіи ту же центральную позицію, которую занималъ и на которой дѣйствовалъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ къ ряду.

Новое царствованіе принесло съ собою и радикальное измѣненіе во внѣшнемъ видѣ русскихъ войскъ, одежда которыхъ ничѣмъ уже не напоминала времена Петра Великаго и даже Павла 1-го. Это была та самая форма, которая въ своихъ существенныхъ чертахъ дошла до нашего времени. Одеждой Нижегородцевъ сдѣлался двубортный, свѣтло-зеленый мундиръ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, который оканчивался косыми срѣзами и закрывалъ затылокъ и уши. У офицеровъ мундиръ былъ безъ эполетъ и аксельбантовъ, а у нижнихъ чиновъ съ однимъ плечевымъ погономъ. Воротникъ, обшлага, выпушки и погонъ были планшеваго цвѣта. Лосины и ботфорты остались только у офицеровъ; нижніе же чины носили въ парадныхъ случаяхъ бѣлые суконные панталоны, а въ домашнемъ быту сѣросиніе рейтузы. Головнымъ уборомъ сдѣлалась тяжелая каска съ мѣднымъ гребнемъ и большимъ плюмажемъ изъ конскаго волоса; но внѣ строя и на домашнихъ ученьяхъ офицеры попрежнему употребляли шляпы. Косы и пудра также удержались только въ формѣ офицеровъ; солдатъ же приказано было стричь коротко, подъ гребенку ([1]).

Покрой мундирной одежды оставался безъ измѣненія до 1817 года; только свѣтлозеленое сукно замѣнено было темнозеленымъ, воротники стали дѣлаться нѣсколько ниже, застегивающимися на крючки, да офицерамъ присвоены эполеты съ серебряною рожкой, а у нижнихъ чиновъ вмѣсто одного введены два плечевые погона.

Какъ на характерную черту новыхъ штатовъ, при которыхъ формировался полкъ, можно указать на отмѣну барабанщиковъ,—прямое свидѣтельство, что на драгунъ стали смотрѣть тогда только какъ на кавалерію (2). Въ 12-мъ году у нихъ отмѣнены были даже ружья. Надо сказать, однако, что послѣдняя мѣра съ офиціальнаго ли разрѣшенія, или безъ него,—но не коснулась нашихъ Нижегородцевъ, которые съ ружьемъ своимъ никогда не разставались (3). Рѣзкихъ измѣненій въ штатахъ до 1815 года не было; только изъ оберъ-офицерскихъ чиновъ исключенъ чинъ подпоручика, да во всѣхъ полкахъ отмѣнены литавры, которыя велѣно было сдать въ арсеналъ. Сдали ихъ и Нижегородцы. Но такъ какъ въ Нижегородскомъ полку были еще другія литавры, серебряныя, пожертвованныя полковникомъ Панинымъ, то онѣ хотя и остались въ полку, но сохраняются имъ уже только какъ памятники своихъ стародавнихъ походовъ.

Вмѣстѣ съ новымъ сформированіемъ полка даны были ему и новые штандарты: въ шефскій эскадронъ бѣлый, а въ остальные—зеленые. По угламъ штандартовъ вышито было вензеловое изображеніе имени императора Александра, а по срединѣ полотна двуглавый орелъ, одно крыло котораго было опущено, а другое приподнято къ изображенному вверху сіянію (4). Эти штандарты оставались въ полку до 1828 года, когда были замѣнены георгіевскими.

Составивъ вновь самостоятельную боевую единицу въ общей семьѣ русской арміи, Нижегородцы естественно должны были подумать о томъ, чтобы сложить у себя такой своеобразный общественный бытъ, который хотя нѣсколько смягчалъ бы суровыя условія окружающей ихъ жизни. И Глазенапъ и Сталь, прекрасно понимавшіе это,—не только не стѣсняли офицеровъ и солдатъ мелочными требованіями, но прилагали все стараніе, чтобы сдѣлать жизнь ихъ по возможности легкой и пріятной.

Григорій Ивановичъ Глазенапъ былъ изъ тѣхъ людей, которые, не вызывая ни шума, ни говора о себѣ, представляютъ тѣмъ не менѣе серьезныхъ и полезныхъ дѣятелей, оцѣниваемыхъ гораздо лучше слѣдующими поколѣніями, чѣмъ современниками. До назначенія въ Нижегородскій полкъ онъ успѣлъ узнать службу основательно и прочно. Произведенный въ офицеры въ 1764 году въ пѣхоту, онъ только черезъ девять лѣтъ, имѣя за собою уже боевыя отличія подъ Ларгой и Кагуломъ, перешелъ въ кавалерію. Во время второй турецкой войны, находясь въ

арміи Потемкина, онъ не разъ командовалъ легкими войсками, и среди нихъ пріобрѣлъ тѣ партизанскія сноровки, которыя такъ пригодились ему потомъ въ войнѣ противъ кавказскихъ горцевъ. Царствованіе Павла застало его только въ чинѣ подполковника, до котораго добился онъ 32-хъ лѣтнею службою. Неизвѣстно чѣмъ именно Глазенапъ обратилъ на себя вниманіе государя, но только 15 іюля 1798 года онъ былъ произведенъ въ полковники, а черезъ три мѣсяца въ генералъ-маіоры, съ приказаніемъ сформировать въ Харьковѣ новый драгунскій полкъ своего имени. Полкъ еще формировался, какъ уже полученъ былъ приказъ объ его упраздненіи,—и Глазенапъ остался за штатомъ. Павелъ произвелъ его въ генералъ-лейтенанты и уволилъ отъ службы ([5]). Такимъ образомъ Глазенапу потребовалось 34 года, чтобы дойти до чина подполковника, и только полтора года, чтобы изъ подполковниковъ сдѣлаться генералъ-лейтенантомъ.

Какъ старый служака, Глазенапъ не допускалъ ни малѣйшей фамильярности съ своими подчиненными, увѣренный, что холодное служебное обращеніе есть основаніе дисциплины; но въ то же время честный и въ высшей степени благородный, онъ былъ безконечно добраго сердца и не потерпѣлъ бы никакихъ неразумныхъ стѣсненій тамъ, гдѣ не примѣшивалась служба. И офицерское общество находило въ его домѣ всегда любезный и теплый пріемъ ([6]).

Полковой командиръ Карлъ Федоровичъ Сталь представлялъ собою чистѣйшій типъ остзейскаго дворянина-рыцаря въ лучшемъ значеніи этого слова. Красавецъ собою, прекрасно образованный, съ обезпеченнымъ состояніемъ, онъ могъ бы проложить себѣ дорогу въ любомъ гвардейскомъ полку, но его влекла боевая обстановка, тревоги, опасности, и онъ послѣ трехлѣтней службы въ лейбъ - гвардіи Конномъ полку, 19-ти-лѣтнимъ юношей перешелъ къ Суворову, чтобы участвовать въ войнѣ противъ польскихъ конфедератовъ. Шесть лѣтъ спустя, та же страсть привела его и на далекую кавказскую окраину ([7]).

Назначенный командиромъ Нижегородскаго полка, Сталь формировалъ его въ то самое время, когда резиденція главнокомандующихъ Кавказскимъ краемъ переносилась въ Тифлисъ, и Глазенапу, какъ старшему изъ генераловъ, поручено было командованіе всѣми войсками на Кавказской линіи. Глазенапъ долженъ былъ переѣхать изъ Екатеринограда въ Георгіевскъ, и, такимъ образомъ, ближайшее управленіе полкомъ естественно перешло въ руки полковника Сталя. И надо сказать, что вліяніе

его на полкъ было самое благотворное. Онъ первый положилъ въ немъ основаніе дружескимъ, какъ бы семейнымъ отношеніямъ, которыя обратились въ полковыя традиціи и поддерживались между офицерами во все дальнѣйшее существованіе полка. Этимъ прочнымъ началамъ много способствовалъ Сталь своимъ личнымъ характеромъ. По заведенному обычаю, всѣ офицеры проводили цѣлые дни въ домѣ полкового командира,—завтракали тамъ, обѣдали и ужинали. Сталь отличался въ домашнемъ быту простотою, гостепріимствомъ и нѣкоторою безалаберностью; онъ никого не угощалъ, самъ былъ гостемъ въ своемъ собственномъ домѣ, никогда на зная что будетъ завтракать или обѣдать. Безпечный относительно всего, кромѣ службы, онъ все свое хозяйство, всѣ свои домашнія дѣла, и даже деньги разъ навсегда передалъ своимъ слугамъ, изъ которыхъ чухонецъ Иванъ завѣдывалъ хозяйствомъ, а денщикъ Артемій лошадьми и охотничьими собаками (8).

Время до обѣда посвящалось офицерами или стрѣльбѣ въ цѣль изъ пистолетовъ, для чего приспособлена была командирская зала, или всѣ они, вмѣстѣ со Сталемъ, отправлялись на охоту. А охота была у нихъ подлинно царская. Какъ Сталь, такъ и многіе офицеры держали лучшія породы борзыхъ и гончихъ собакъ; всѣ были отличными стрѣлками и наѣздниками. Страсть къ охотѣ поддерживалась и изобиліемъ звѣря и дичи; множество кабановъ, оленей и дикихъ козъ держалось въ надтеречныхъ лѣсахъ, а по кустамъ и дикимъ виноградникамъ водились фазаны, бекасы и дуппельшнепы. Пріѣзжавшіе въ полкъ изъ Россіи, офицеры въ короткое время выучивались стрѣлять такъ, что попадать пулю въ пулю считалось дѣломъ довольно обыкновеннымъ. Въ развлеченіяхъ этихъ была и своя серьезная сторона—охота являлась лучшею военною школой, и горцы, видя стрѣльбу драгунъ по вальдшнепамъ и бекасамъ въ летъ, приходили въ изумленіе и никогда не осмѣливались нападать на охотниковъ.

Въ эту, не лишенную своего разнообразія жизнь врывались случайныя обстоятельства, вносившія въ полкъ новое оживленіе. Екатериноградъ лежалъ на большомъ пути изъ Москвы въ Тифлисъ, и все, что ѣхало въ Грузію и задерживалось екатериноградскимъ карантиномъ, дѣлалось гостями Нижегородцевъ. Такъ, постояннымъ посѣтителемъ нижегородскаго кружка долгое время былъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, тогда еще подпоручикъ Преображенскаго полка, ѣхавшій къ князю Цщіанову вмѣстѣ съ гвардейскими офицерами Кушелевымъ и кня-

земъ Козловскимъ. Всѣ они жили у Сталя, принимали участіе въ офицерскихъ забавахъ, развлеченіяхъ и особенно въ охотахъ, оканчивавшихся обыкновенно веселымъ ужиномъ и жжонкою.

Во время кампаментовъ въ Георгіевскѣ, служившемъ мѣстопребываніемъ шефа, офицерамъ было еще веселѣе. Глазенапъ жилъ въ низенькомъ, но чрезвычайно длинномъ одноэтажномъ домѣ, занимавшемъ по фасаду болѣе полутораста шаговъ. Въ этомъ домѣ было 18 комнатъ, и между ними огромный залъ, въ которомъ обыкновенно устраивались музыкальные вечера. Собирались три хора музыки и разыгрывались неслыханныя до того на Кавказѣ увертюры изъ «Калифа Багдадскаго», изъ «Двухъ Слѣпыхъ» и т. п. А когда серьезная музыка прискучивала, затѣвались танцы или игры, и молодежь забавлялась до утра.

Домъ Глазенапа давалъ, что называется, тонъ, и то, что дѣлалось въ немъ, повторялось, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ другихъ семейныхъ домахъ, которыхъ въ Георгіевскѣ, впрочемъ, было не много.

Въ свободное время офицеры цѣлыми кампаніями ѣздили въ Константиногорскъ, куда на минеральныя воды съѣзжалась публика съ разныхъ концовъ Россіи. Теперь лишь два небольшіе кургана, заросшіе травою, остатки земляныхъ валовъ, нѣсколько опустѣлыхъ домовъ, да заглохшіе сады указываютъ то мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла эта русская крѣпость. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Константиногорскъ игралъ весьма важную роль, какъ пунктъ, подъ охраною котораго находились минеральныя воды. Пятигорска, какъ города, тогда еще не было, и больные, пріѣзжавшіе лѣчиться, помѣщались обыкновенно въ Константиногорскѣ; отсюда они каждое утро отправлялись къ источникамъ, проводили тамъ день въ калмыцкихъ кибиткахъ, а передъ закатомъ солнца опять возвращались въ крѣпость, гдѣ по вечерамъ играла музыка и устраивались танцы; музыка отправлялась съ больными также и на самые источники: тамъ составлялись пикники, устраивались прогулки по горамъ, тамъ завязывались и развязывались романическія приключенія. Больные, искавшіе выхода изъ гнетущей ихъ скуки, всегда были рады доброй компаніи, и ничего не было легче, какъ заводить на водахъ знакомства. Люди, не склонные къ романтизму, искали удовольствій иного рода, и такъ какъ въ Константиногорскъ съѣзжалось не мало любителей сильныхъ ощущеній, то тамъ процвѣтали азартныя игры, «и многіе изъ пріѣзжихъ на воды», говоритъ въ своихъ запискахъ Броневскій, «уравнивали съ

нами свое независимое состоянie, оставляя въ наслѣдство своему потомству развѣ измятыя пантерки». Иногда это тихое и спокойное теченie дѣлъ вдругъ нарушалось какимъ-нибудь трагическимъ происшествieмъ: то горцы подстерегутъ какого-нибудь оплошнаго или запоздавшаго туриста въ окрестностяхъ Константиногорска, пользовавшихся на Кавказѣ весьма печальною въ этомъ смыслѣ извѣстностью, то внезапно исчезнетъ какая-либо красавица, похищенная уже изъ-за самыхъ стѣнъ и валовъ русскаго укрѣпленія. Въ послѣднемъ случаѣ трудно было винить кабардинскихъ абрековъ, и по тревогѣ, поднятой родителями или мужьями, комендантъ безошибочно направлялъ преслѣдованie прямо въ окрестности Георгieвска или Екатеринограда. Глазенапъ и Сталь добродушно смотрѣли на эти продѣлки, шалости и увлеченія молодыхъ людей, не противорѣчившія воззрѣніямъ и нравамъ тогдашняго общества: не только на водахъ, но даже въ самомъ Георгieвскѣ ни одна дама не обходилась тогда безъ своего чичисбея и кандидата на случай его отсутствія (10).

Подобная жизнь была бы невозможна для Нижегородцевъ, если бы въ полку господствовали обычныя, формальныя отношенія; но съ другой стороны и эта относительная свобода была бы также немыслима, если бы офицеры не представляли въ самихъ себѣ гарантiй, что они никогда не перейдутъ черты, разграничивающей служебныя отношенія отъ частныхъ. Дѣйствительно, Глазенапа и Сталя окружалъ превосходный составъ офицеровъ, большею частiю людей воспитанныхъ и образованныхъ. Остались записки, въ которыхъ ярко очерчиваются нѣкоторые изъ офицеровъ, входившихъ въ полковую семью Нижегородскаго полка, со всѣми ихъ личными достоинствами и недостатками, и тѣ взаимныя отношенія, которыя слагались и устанавливались въ полку подъ условiями кавказской жизни и подъ влiянieмъ такихъ начальниковъ, какими были Глазенапъ и Сталь (11).

Полковымъ адъютантомъ былъ въ то время поручикъ Чеченскiй, дѣйствительно природный чеченецъ, крестникъ Николая Николаевича Раевскаго, который, принявъ на свое попеченie маленькаго плѣнника, въ то время, когда еще командовалъ Нижегородскимъ полкомъ, позаботился дать ему хорошее образованie. Чеченскiй кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, но сохранилъ за собою всѣ типичныя черты своего племени. Это былъ отличный офицеръ, первый охотникъ и наѣздникъ въ полку, но нравъ имѣлъ черезчуръ суровый и пылкiй. Впослѣдствiи онъ пере-

шелъ въ Россію и умеръ въ 20-хъ годахъ генераломъ, командуя Литовскимъ уланскимъ полкомъ. Это тотъ самый Чеченскій, о которомъ такъ много говоритъ Денисъ Давыдовъ въ своемъ знаменитомъ «Дневникѣ партизанскихъ дѣйствій».

Изъ Московскаго же университета были два брата Любецкіе—тоже прекрасные боевые офицеры, отличные товарищи, красавцы и замѣчательные наѣздники. Офицеровъ изъ кадетскихъ корпусовъ, гдѣ тогда давали образованіе далеко не заурядное, особенно по математикѣ, въ полку было нѣсколько; изъ нихъ выдавались четверо: шляхетскаго корпуса—Никитинъ, необычайно маленькаго роста, но подвижный и юркій, общій любимецъ и баловень полка за его неистощимую веселость и добродушный нравъ; и изъ Шкловскаго корпуса—Броневскій, Кампфеталь и Лисаневичъ. Первому изъ нихъ, принявшему послѣ Чеченскаго должность полкового адъютанта, и принадлежатъ именно обширныя записки, обнимающія время, проведенное имъ на Кавказѣ и въ Сибири подъ начальствомъ Глазенапа.

Кампфеталь, обладавшій большими способностями и знаніями, былъ выдающійся математикъ и въ военныхъ отрядахъ обыкновенно исполнялъ обязанности офицера генеральнаго штаба. Въ корпусѣ онъ былъ большой шалунъ, повидимому никогда ничему не учился, а въ результатѣ превзошелъ всѣхъ своихъ школьныхъ товарищей и вышелъ изъ первыхъ. Служба выработала изъ него прекраснаго офицера. Единственнымъ его недостаткомъ,—если только это можно назвать недостаткомъ,—была страсть къ школьничеству, которая сказывалась въ немъ и тогда, когда онъ занималъ уже видное служебное положеніе. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ Дерптскій полкъ, командовалъ тамъ эскадрономъ, и мишенью для его шалостей обыкновенно служили евреи. Стоило какому-нибудь растрепанному жидку показаться не вдалекѣ отъ манежа, какъ солдаты ловили его и вели къ эскадронному командиру. Кампфеталь сажалъ его на молодую горячую лошадь и гонялъ на кордѣ до тѣхъ поръ, пока по командѣ: «Санже!»—жидокъ при внезапной остановкѣ коня съ крикомъ «гевалтъ!» валился въ песокъ и, подобравъ фалды своего лапсердака, улепетывалъ изъ манежа.

Къ странностямъ Кампфеталя принадлежало между прочимъ то, что онъ никогда въ жизни ни съ кѣмъ не переписывался. Оставшись сиротою въ дѣтствѣ, онъ даже не зналъ, есть ли у него кто-нибудь изъ близкихъ. А между тѣмъ родственники у него были, и очень богатые, и ему

предстояло даже огромное наслѣдство отъ родного дяди, въ одинъ моментъ превратившее бѣднаго армейскаго офицера въ богатаго и знатнаго помѣщика. Исторія знакомства его съ этимъ дядей принадлежитъ къ положительно страннымъ, похожимъ на главу стариннаго сентиментальнаго романа, и тѣмъ не менѣе это истинное происшествіе. Проходя какъ-то съ эскадрономъ по Лифляндіи, онъ узналъ, что ночлегъ назначенъ въ деревнѣ отставного кавалерійскаго полковника, съ Георгіемъ въ петлицѣ. Кампфеталь, страстный почитатель военныхъ подвиговъ, рѣшилъ вступить въ деревню съ церемоніей. Проходя мимо господской усадьбы, трубачи затрубили походъ, а эскадронъ вынулъ сабли и отдалъ честь старому воину, показавшемуся на балконѣ. Растроганный помѣщикъ, владѣвшій, сказать мимоходомъ, огромнымъ состояніемъ, пригласилъ офицеровъ къ себѣ. Собрались, — и начались взаимныя рекомендаціи. Когда Кампфеталь назвалъ свою фамилію, помѣщикъ отступилъ въ изумленіи; онъ былъ такъ пораженъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ выговорить слова. Оказалось, что передъ нимъ стоитъ его родной племянникъ, котораго онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ тщетно разыскивалъ и вызывалъ черезъ всѣ газеты, чтобы сдѣлать наслѣдникомъ своихъ огромныхъ имѣній. Кампфеталь никогда газетъ не читалъ, и судьба свела его съ дядей случайно. Кампфеталь въ первый разъ въ жизни былъ тронутъ родственными чувствами, но и тутъ не удержался, чтобы не сказать: «хорошо, что я не зналъ, что вы мой дядя, а то я навѣрное не переступилъ бы вашего порога». «Зная Кампфеталя», говоритъ Броневскій, «можно ручаться, что онъ такъ бы и поступилъ непремѣнно».

Третій офицеръ изъ Шкловскаго корпуса былъ молодой Лисаневичъ, сынъ извѣстнаго генерала александровскихъ временъ. Это былъ мальчикъ добрый, съ хорошимъ воспитаніемъ, но отличавшійся такою болѣзненною обидчивостью, что каждую шутку принималъ за личное оскорбленіе. Былъ въ лейбъ-эскадронѣ поручикъ Телѣгинъ—силачъ и лихой офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ имѣлъ одну физическую особенность,—обладалъ такою крѣпкою головою, что ею, какъ тараномъ, отворялъ любую запертую дверь. Таранъ этотъ онъ употреблялъ съ особеннымъ успѣхомъ противъ армянъ-духанщиковъ и противъ персіянъ, имѣвшихъ привычку надоѣдать назойливымъ предложеніемъ фруктовъ и чурековъ. Телѣгинъ, не любившій персіянъ за брата, убитаго подъ Дербентомъ, подзывалъ разносчика и затѣмъ наносилъ ему въ животъ такой ударъ голо-

вою, что тотъ отлеталъ кувыркомъ на нѣсколько саженъ и, распластавшись на землѣ, кричалъ: Аллахъ! а товары его разлетались между тѣмъ въ разныя стороны. Телѣгинъ часто пріѣзжалъ въ Екатериноградъ навѣстить товарищей, которые, шутки ради, сами вызывали его на единоборство; составлялись пари—собьетъ ли онъ съ ногъ или не собьетъ того или другого офицера. Это былъ своего рода спортъ. Но разъ Телѣгинъ попробовалъ пошутить съ Лисаневичемъ—и вышла такая исторія, которую едва успѣли потушить. Лисаневичъ долженъ былъ, однако, оставить полкъ и перешелъ въ Елизаветградскіе гусары.

За развлеченіями, а иногда и шалостями серьезное дѣло между тѣмъ никогда не забывалось. И тамъ, гдѣ дѣло шло о долгѣ и обязанностяхъ службы, тѣ же самые начальники, которые старались насколько возможно облегчать жизнь офицеровъ, являлись передъ ними совершенно въ иномъ свѣтѣ.

Глазенапъ представлялъ собою рѣзко опредѣленную и характерную личность строгаго начальника. Занятія его по управленію линіею были чрезвычайно обширны, а между тѣмъ при Глазенапѣ находились только два адъютанта: одинъ личный, другой по званію полкового шефа. Эти два лица, да два-три писаря замѣняли ему нынѣшніе огромные штабы. За то на адъютантахъ и лежала бездна работы; они бывали въ своей квартирѣ только ночью, а дни проводили у начальника, гдѣ также обѣдали и, по заведенному порядку, по очередно разливали супъ. Нужно сказать, что всѣ эти домашнія занятія по канцеляріи отправлялись въ тѣ времена не иначе, какъ въ полной парадной формѣ, въ лосинахъ и ботфортахъ; даже шляпа никогда не выпускалась изъ рукъ, и въ случаѣ надобности что-нибудь написать, клалась возлѣ. Вечеромъ, отрапортовавъ о благополучномъ состояніи всѣхъ частей георгіевскаго гарнизона, адъютанты стояли все время, пока старый генералъ, лежа въ волтеровскихъ креслахъ, отдавалъ приказанія, и затѣмъ, стоя же, выслушивали безконечно длинную исторію о графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцевѣ, о Кагульской битвѣ и о прочемъ,—и выслушивали они это каждый день въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Только въ 10 часовъ, когда Глазенапъ отправлялся спать, адъютанты, наскоро забѣжавъ домой переодѣться, спѣшили къ знакомымъ, гдѣ танцовали, случалось, часовъ до семи утра, а въ девять были уже опять въ кабинетѣ генерала.

Въ полковыя дѣла Глазенапъ вмѣшивался рѣдко, но слѣдилъ, чтобы

солдатъ и лошадей хорошо кормили, а время отъ времени происходило и такъ называемое «подтягиваніе офицеровъ», вдругъ наполнявшихъ гауптвахту большею частью за то, что выходили изъ дома безъ косы и пудры.

Строевое обученіе полка всецѣло лежало на полковникѣ Сталѣ—и надо сказать, учить онъ умѣлъ превосходно. Пріѣзжавшіе изъ Петербурга инспекторы, генералы Уваровъ и Кологривовъ, нашли Нижегородскій полкъ въ блестящемъ состояніи и въ своихъ донесеніяхъ отдавали ему преимущество даже передъ гвардейскими. «Въ пѣшемъ строю», писалъ, напр., Уваровъ: «драгуны ходятъ и маневрируютъ лучше пѣхоты, а въ конномъ приводятъ въ изумленіе быстротой построеній, скачкой черезъ рвы и барьеры цѣлыми эскадронами, и въ особенности одиночнымъ развитіемъ всадниковъ; ѣзда на сравнительно короткихъ стременахъ, разсыпныя атаки и фланкеровка приспособлены здѣсь къ образу кавказской войны, и отличаются удалью». Надо сказать, что любопытною особенностію тогдашняго Нижегородскаго полка было между прочимъ то, что первые четыре эскадрона его сидѣли на кровныхъ кабардинскихъ лошадяхъ, а 5-й, вороной, составленъ былъ изъ лошадей донскихъ и черноморскихъ. Послѣднія уступали, однако, черкесскимъ въ быстротѣ, и Глазенапъ поставилъ себѣ задачей постепенно замѣнить ихъ лошадьми изъ лучшихъ кабардинскихъ заводовъ. Сѣрая масть была любимою Глазенапа, и его заботливости полкъ обязанъ былъ тѣмъ, что лейбъ и 5-й эскадроны его сидѣли на одномастныхъ сѣрыхъ лошадяхъ, прекрасно подобранныхъ и по статьямъ, и по качествамъ.

Среди служебныхъ обязанностей совершенно другимъ человѣкомъ, чѣмъ у себя дома, являлся и Карлъ Федоровичъ Сталь. Онъ былъ требователенъ, горячъ и вспыльчивъ до такой степени, что не разъ возникали столкновенія между нимъ и офицерами. На одномъ изъ ученій поручикъ Золотаревъ дѣлалъ ошибку за ошибкою. Сталь потерялъ терпѣніе и крикнулъ, «что только султанъ на шляпѣ отличаетъ его отъ нижнихъ чиновъ!» Золотаревъ обидѣлся и послѣ ученья потребовалъ удовлетворенія. «Какого удовлетворенія хотите? Мнѣ все равно, хоть на бочку съ порохомъ!» воскликнулъ горячій Сталь. «Перспектива воздушнаго путешествія», говоритъ Броневскій, «не понравилась нашему поручику, и онъ отретировался».

Другой случай кончился серьезнѣе. Однажды, за болѣзнію маіора

Пашкевича, эскадрономъ его командовалъ на ученьи капитанъ Степанъ Ивановичъ Калачовъ, благороднѣйшій чудакъ и оригиналъ. Онъ былъ всегда въ разладѣ съ уставомъ, а на этотъ разъ какъ-то особенно былъ не въ духѣ и долго размышлялъ, прежде чѣмъ произнести какую-нибудь команду. Отпустивъ полкъ, Сталь приказалъ эскадрону его остаться, и продолжалъ ученье. Пылкій и нетерпѣливый, онъ загналъ лошадей, а крупное слово, вырвавшееся у него предъ фронтомъ, Калачовъ принялъ на свой счетъ, и какъ только ученье окончилось—потребовалъ объясненія. Сталь собралъ офицеровъ. «Господа!» сказалъ онъ: «Я, правда, горячаго темперамента, но никогда не позволю себѣ оскорбить благороднаго человѣка грубою бранью, и не знаю почему господинъ Калачовъ, сказанное солдатамъ, принялъ на свой счетъ». Затѣмъ онъ поклонился и вышелъ. Флегматичный Калачовъ этимъ, однако, не удовлетворился и послалъ вызовъ. Сталь принялъ его. «Калачовъ требуетъ, чтобы стрѣляться черезъ шинель», замѣтилъ одинъ изъ секундантовъ. «Это бравурство!» воскликнулъ Сталь: «я назначаю двѣнадцать шаговъ и первый выстрѣлъ предоставляю противнику». Въ назначенный день оба они съѣхались съ своими секундантами. Калачовъ, удовлетворенный тѣмъ, что вызовъ его принятъ, выстрѣлилъ на воздухъ. Впослѣдствіи этотъ самый Калачовъ былъ директоромъ Семипалатинской таможни. «Зная, что доходы таможенныхъ начальниковъ считались тогда десятками тысячъ,—говоритъ Броневскій въ своихъ запискахъ,—я удивился, встрѣтивъ своего стараго полкового товарища не только въ скромной, но даже совсѣмъ въ бѣдной обстановкѣ. Къ экипажу его только и прибавилось, что самоваръ, бухарскій халатъ, да тулупъ на мерлушкахъ. Домъ, который онъ занималъ, былъ такъ ветхъ, что дождь пробивалъ крышу и стѣны. Когда я указалъ ему на это, онъ отвѣчалъ съ своею обычною флегмою: «Въ дождь я приказываю закрывать крышу войлокомъ, а если этого мало, то другимъ закрываю постель, и мнѣ не худо». Когда, по пріѣздѣ его въ Семипалатинскъ, купцы по заведенному порядку явились къ нему съ подношеніями, то подношенія приняты не были, а купцы не только выслушали отъ него нравоученіе, но и отвѣдали еще фухтелей его драгунской, уже заржавѣвшей сабли; послѣ этого случая весь городъ сталъ считать его за сумасшедшаго. Калачовъ умеръ на этой же должности, умеръ нищимъ и былъ похороненъ на счетъ благотворителей».

Но возвратимся къ Сталю. Замѣчательно, что при своей горячности,

онъ обладалъ въ серьезныя минуты ледянымъ хладнокровіемъ и не терпѣлъ суеты. «Суета», говорилъ онъ, «есть мать всѣхъ безпорядковъ». Во время боевыхъ тревогъ онъ выѣзжалъ первый, и выходилъ изъ себя, если замѣчалъ шумъ или бѣготню. «Что за безтолковщина въ такомъ-то эскадронѣ!» крикнетъ онъ, бывало, громовымъ голосомъ, и этотъ окрикъ въ темную ночь, когда самого Сталя не было видно, магически возстановлялъ тишину. «Надо сознаться», пишетъ Броневскій, «что чаще другихъ окрики доставались на долю эскадрона Потлога, у котораго и лошади были худы, и люди засуечены, чего въ другихъ эскадронахъ не было». Судя по приказамъ того времени, Потлогъ былъ человѣкъ вообще безпокойный, на котораго жаловались не только нижніе чины, но и офицеры. «Замѣчаю», пишетъ Глазенапъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ, «что подполковникъ Потлогъ покоя не любитъ, и я не упущу, буде не исправитъ характера, представить поступки его, много меня безпокоящіе, на разсмотрѣніе высшаго начальства» [12]). Этою характеристикой и объясняются отношенія Сталя къ эскадрону Потлога, о которыхъ говоритъ Броневскій.

Темною стороною тогдашней полковой жизни было вообще суровое обращеніе съ солдатомъ. Какъ Глазенапъ, такъ и Сталь были, очевидно, люди въ высшей степени гуманные, составляющіе въ тѣ времена положительное исключеніе, но и они могли только ослабить, но не уничтожить тяжести наказаній, считавшихся необходимою принадлежностью военной службы. То было наслѣдство отъ господствовавшей предъ тѣмъ системы, которая, ослабляясь лишь постепенно, продолжала существовать до благословеннаго царствованія императора Александра II.

Жестокія наказанія отражались прежде всего въ огромной цифрѣ побѣговъ: солдаты уходили въ горы, или бѣжали въ Персію, гдѣ свыкались съ новымъ образомъ жизни, обзаводились семьями и даже мѣняли вѣру. Персія образовала изъ подобныхъ дезертировъ цѣлый батальонъ, которому была обязана своими побѣдами надъ полчищами полудикихъ сосѣдей. Мысль объ образованіи этого батальона принадлежала одному вліятельному персидскому сановнику, также русскому дезертиру, и даже Нижегородцу. Судьба этого человѣка, измѣнившаго родинѣ, но оставшагося вѣрнымъ до конца дней православной религіи, необыкновенно любопытна.

Въ концѣ 1802 года въ Нижегородскомъ полку изъ 3-го эскадрона, подполковника Куликовскаго, бѣжалъ вахмистръ Самсонъ Яковлевичъ

Макинцевъ. Это былъ солдатъ красивый, рослый и притомъ грамотный, что въ тѣ времена было еще большою рѣдкостью. Что побудило его бѣжать—неизвѣстно. Любопытно, что въ полку до сихъ поръ держится преданіе, будто бы Макинцевъ при побѣгѣ унесъ съ собою мундштуки отъ серебряныхъ трубъ, подаренныхъ полку полковникомъ Панинымъ. На трубахъ, дѣйствительно, нѣтъ мундштуковъ; но должно ли лежать это обвиненіе на памяти Макинцева, рѣшить трудно. Третій эскадронъ стоялъ далеко отъ штаба полка, а подозрѣвать сообщниковъ въ покражѣ вещей, представлявшихъ слишкомъ незначительную цѣнность—нѣтъ никакого основанія. Макинцевъ пробрался въ Персію. Имя его затерялось среди другихъ бѣглецовъ, но не надолго. Природныя способности быстро проложили ему дорогу, и мы встрѣтимся съ нимъ еще разъ въ нашей исторіи, когда онъ, подъ именемъ Самсонъ-хана, является уже крупнымъ историческимъ лицомъ, съ которымъ русскому правительству пришлось считаться ([13]).

Таковъ былъ въ общей картинѣ, въ общихъ широкихъ чертахъ образъ жизни Нижегородскаго полка въ первые годы царствованія императора Александра I. Періодъ этотъ можно разсматривать какъ подготовительное время къ суровой борьбѣ съ кавказскими горцами, которая вскорѣ сдѣлалась необходимою. Какъ признаки предстоящей бури, вспыхивали неясныя молніи черкесскихъ набѣговъ, но серьезныхъ военныхъ дѣйствій не было, и только одинъ разъ, въ исходѣ 1801 года, когда волненіе охватило значительную часть Кабарды, Нижегородскій полкъ потребованъ былъ въ экспедицію. Но то была экспедиція безкровная. Едва эскадроны дошли до Соколиной горы, какъ ихъ вернули назадъ,—безпорядки прекращены были полковникомъ Сталемъ, и прекращены не страхомъ оружія, а силой увѣщанія и тою искренностію, съ которою онъ обратился къ знатнѣйшимъ кабардинскимъ князьямъ. Императоръ Александръ вполнѣ оцѣнилъ этотъ рыцарскій способъ дѣйствій и почтилъ Сталя особымъ собственноручнымъ рескриптомъ: «Усмотрѣвъ, съ какою расторопностью прекратили вы безпорядки въ Кабардѣ—писалъ ему императоръ: объявляю вамъ за оное Мою благодарность, и весьма доволенъ, что симъ случаемъ могъ узнать усердіе ваше къ службѣ. Пребываю къ вамъ благосклонный. Александръ» ([14]).

Но гуманныя отношенія не всегда были возможны и даже умѣстны

въ странѣ, гдѣ воровство считалось только молодечествомъ, а придорожные разбои—удалью и военною доблестью. И Сталю приходилось не разъ платиться за свою довѣрчивость. Былъ, напр., въ числѣ его пріятелей одинъ осетинъ, по имени Мусса. Сталь дорожилъ имъ, какъ человѣкомъ полезнымъ, черезъ котораго могъ узнавать многое, что дѣлалось въ горахъ; а Мусса съ своей стороны считалъ себя кунакомъ всѣхъ нижегородскихъ офицеровъ и, часто наѣзжая въ Екатериноградъ, вывѣдывалъ то, что ему было нужно, а затѣмъ приводилъ на линію партіи. Сила и проворство этого человѣка были изумительныя. Затѣетъ онъ, бывало, въ Екатериноградѣ борьбу, да не съ однимъ, а съ десятью драгунами разомъ, и выйдетъ побѣдителемъ. Былъ въ 5-мъ эскадронѣ рядовой Власовъ, настоящій Голіаѳъ, котораго не всегда даже брали во фронтъ, такъ какъ подъ него не находили подходящей лошади, но и его колоссальная сила должна была уступить побѣду проворству и ловкости. Власовъ, дѣйствительно, сгребъ Муссу, какъ ребенка, но въ тотъ моментъ, когда онъ поднялъ его на воздухъ, Мусса, какъ угорь, выскользнулъ изъ рукъ великана, шмыгнулъ между его ногами, и Власовъ грохнулся при громкомъ и дружномъ смѣхѣ драгунъ.

Долго служилъ этотъ Мусса и нашимъ и вашимъ, искусно хороня слѣды, но наконецъ попался таки на одномъ воровскомъ наѣздѣ. Подъ нимъ убили лошадь; онъ бросился въ кусты, но казакъ ударилъ его пикой въ голову, ошеломилъ и сбилъ съ ногъ. Мусса очутился въ Екатериноградѣ не гостемъ, а плѣнникомъ. Его посадили въ тюрьму, и затѣмъ подъ конвоемъ пѣхотныхъ солдатъ отправили въ Георгіевскъ. Мусса понялъ, что ему будетъ плохо, и рѣшилъ бѣжать. И вотъ, во время одного ночлега въ постовой избушкѣ, лежа въ кругу солдатъ и занимая ихъ своими разсказами, онъ совершенно непонятнымъ образомъ умудрился снять кандалы и вдругъ однимъ прыжкомъ выскочилъ въ растворенную дверь. Растерявшіеся солдаты скоро оправились и кинулись за нимъ въ погоню. Первымъ настигъ его конвойный офицеръ, но тутъ же упалъ мертвымъ: Мусса раздробилъ ему кандалами голову. Солдаты пріостановились, а горецъ между тѣмъ исчезъ, точно провалился сквозь землю. Три дня искали его по берегу Малки и нашли только на четвертый въ прибрежныхъ камышахъ, уже умирающимъ отъ голода и истощенія ([15]).

Если подобные случаи бывали въ кордонномъ участкѣ отъ Моздока до Екатеринограда, которымъ завѣдывалъ Сталь, то въ другихъ дистан-

ціяхъ черкесы то и дѣло снимали казачьи бекеты и даже вырѣзывали цѣлые посты и резервы ([16]). У Сталя ничего подобнаго не было. Два донскіе полка, Попова и Кутейникова, да волжскіе казаки Екатериноградской станицы, державшіе передовой кордонъ, были такъ «недрёманны», такъ были наметаны въ кавказской войнѣ, что ночныя тревоги и схватки съ небольшими партіями кончались у нихъ даже безъ участія резервовъ. Нерѣдко случалось, что въ Екатериноградѣ узнавали о стычкѣ только поутру, когда передъ крылечкомъ длиннаго, одноэтажнаго дома, занимаемаго Сталемъ, появлялись отрубленныя, перепачканныя еще свѣжею кровью, черкесскія головы, — нѣмые трофеи ночной, никому невѣдомой схватки ([17]).

Подъ охраной такой бдительной стражи, драгунамъ, квартировавшимъ въ солдатской слободкѣ, примыкавшей къ крѣпости, дѣлать было особенно нечего. Дежурныя части ихъ и день и ночь стояли наготовѣ, но этою готовностію и исчерпывались пока всѣ ихъ обязанности. То важное значеніе, которое они имѣли въ общей системѣ кордонной охраны, представляя надежный и сильный резервъ, ускользало отъ поверхностнаго наблюдателя, и можетъ быть поэтому положеніе драгунъ на Кавказской линіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія было еще далеко не упрочено. Кноррингъ продолжалъ настаивать на ихъ отозваніи. Онъ писалъ государю, что «образъ войны горскихъ народовъ настолько не сносенъ, что дѣйствія драгунъ по правиламъ тактики въ тамошней гористой землѣ не обѣщаютъ пользы», и просилъ о присылкѣ на мѣсто ихъ двухъ гусарскихъ полковъ, «кои въ преслѣдованіи и наказаніи горскихъ хищниковъ будутъ гораздо удобнѣе» ([18]). Государь приказалъ, однако, спросить мнѣніе Глазенапа. Тотъ отвѣчалъ, что «въ службѣ на Кавказѣ главное недрёманность, искусные стрѣлки и наѣздники»... «Всѣмъ симъ и обзаводимся», писалъ онъ князю Волконскому, указывая только на нѣкоторыя измѣненія, которыя были бы желательны въ драгунскомъ снаряженіи ([19]). Такъ, по его представленію, во всѣхъ драгунскихъ полкахъ на Кавказѣ тяжелые палаши замѣнены были тогда же болѣе легкими кривыми саблями въ желѣзныхъ ножнахъ, а вмѣсто сѣдель, принятыхъ въ кавалеріи, имъ возвращены были прежнія, существовавшія у нихъ во времена Екатерины до 1796 года ([20]).

Съ пріѣздомъ на Кавказъ Циціанова самые слухи о возвращеніи драгунъ въ Россію прекратились. Но за то теперь стали говорить о пере-

движеніи ихъ въ Грузію, гдѣ рядомъ съ угрозою персидскаго нашествія поднимались внутреннія смуты, поддерживаемыя то тѣмъ, то другимъ царевичемъ, домогавшимся сѣсть на упраздненный тронъ Грузіи. Памятно осталось и Нижегородцамъ одно изъ событій того времени, пробудившее въ нихъ далеко не веселое чувство. Это былъ проѣздъ черезъ Екатериноградъ вдовствующей грузинской царицы Маріи, сосланной Циціановымъ въ одинъ изъ женскихъ монастырей Воронежской губерніи за вѣроломное убійство генерала Лазарева. Лазарева знало большинство Нижегородцевъ. 17-й егерскій полкъ, которымъ онъ командовалъ въ Тифлисѣ, былъ сформированъ изъ егерей Кубанскаго корпуса, а съ этими егерями Нижегородцы давно уже свели побратимство на кровавыхъ поляхъ безчисленныхъ битвъ и съ турками, и съ горцами. Иванъ Петровичъ Лазаревъ былъ настоящій русскій человѣкъ, честный, прямой, выдававшійся своими способностями,—и смерть его не могла пройти не замѣченной обществомъ даже тогда, если бы не имѣла того трагическаго колорита, который набросила на нее рука вѣроломной женщины. Царицу провезли черезъ Екатериноградъ въ закрытой каретѣ, окруженной эскортомъ, и капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Албанскій назначенъ былъ сопровождать ее до самаго Бѣлогородскаго монастыря, назначеннаго мѣстомъ ея заточенія ([21]).

Такія событія, волновавшія не одинъ Тифлисъ, но и весь Закавказскій край, потребовали скорѣйшаго усиленія войскъ на персидской границѣ. Князь Циціановъ вызвалъ изъ Моздока Нарвскій драгунскій полкъ. Но чтобы не ослабить оборону Кавказской линіи, онъ въ то же время распорядился сформировать на мѣсто его новый, Борисоглѣбскій, полкъ, назначивъ для образованія его по эскадрону отъ каждаго изъ четырехъ полковъ: Нарвскаго, Владимірскаго, Таганрогскаго и Нижегородскаго. Отъ нашего полка назначенъ былъ 3-й, подполковника Куликовскаго, въ составѣ 2 штабъ и 6 оберъ-офицеровъ, 14 унтеръ-офицеровъ, 3 трубачей и 140 рядовыхъ, съ полнымъ числомъ строевыхъ лошадей ([22]). Ушелъ ли съ этимъ эскадрономъ и его штандартъ, или онъ былъ оставленъ при полку,—свѣдѣній не сохранилось.

Затѣмъ для образованія въ самомъ Нижегородскомъ полку новаго 3-го эскадрона, Глазенапъ приказалъ отдѣлить отъ прочихъ необходимое число людей и лошадей, а произошедшій отъ того некомплектъ пополнить впослѣдствіи рекрутами и молодыми ремонтами. Квартиры новаго

эскадрона остались въ Солдатскомъ, а командиромъ его назначенъ былъ маіоръ Суржиковъ, сдавшій лейбъ-эскадронъ капитану Албанскому (23), успѣвшему прибыть къ тому времени изъ своей командировки.

Въ такомъ положеніи застаетъ Нижегородскій драгунскій полкъ 1804-й годъ, когда на линіи начались серьезныя осложненія.

V.

Времена Глазенапа.

(1804—1806).

Наступленіе тревожной эпохи.—Экспедиція въ Кабарду изъ Прохладной.—Битва на Баксанѣ.—Движеніе въ горы.—Русская пѣсня въ горахъ.—Пораженіе кабардинцевъ за Чегемомъ.—Походъ на Дигорцевъ.—Битва въ Урухскомъ ущельѣ.—Выступленіе въ Баталпашинскъ.—Нижегородцы въ Воровсколѣсской станицѣ.—Опять на Баксанѣ.—Кызъ-Бурунское ущелье.—Чума въ Георгіевскѣ.—Маіоръ Албанскій и доктора Гееръ и Гинефельдъ.—Памятное «Рѣчное дѣло».—Роковая вѣсть о смерти Циціанова.—Походъ.—Въ гостяхъ у Шамхала Тарковскаго.—Движеніе къ Дербенту.—Безкровное взятіе города.—Новый главнокомандующій на Кавказѣ, Гудовичъ.—Генералъ Булгаковъ.—Покореніе ханствъ Бакинскаго и Кубинскаго.—Торжественное перенесеніе тѣла князя Циціанова.—Потери войскъ отъ климата.—Бѣдственное возвращеніе на линію.

Быстро протекли для Кавказской линіи первые годы девятнадцатаго вѣка,—годы сравнительнаго затишья, и на смѣну имъ наступаетъ кровавая эпоха горскихъ набѣговъ: на берегахъ Кубани, Терека и Малки

то и дѣло вспыхиваетъ сигнальный маякъ—вѣстникъ тревоги. Причина этого лежала въ томъ, что русская политика на Кавказѣ радикально тогда измѣнилась. Прежде Кавказская линія имѣла значеніе только охраны русской земли; на ней рѣшались всѣ вопросы, касавшіеся Кавказа, Грузіи, Каспійскаго побережья, Турціи и Персіи, а съ безпокойными обитателями горъ и предгорій могла быть рѣчь только о мирномъ сосѣдствѣ. Теперь съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи и съ перенесеніемъ центра тяжести кавказской политики въ Тифлисъ, возникаетъ совершенно иное положеніе дѣлъ; независимыя горныя племена очутились окруженными со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями, и черезъ ихъ земли должна была пройти большая русская дорога, единственный путь нашихъ сношеній съ Тифлисомъ. Для горцевъ исчезла возможность жить, какъ въ старину, кровавыми набѣгами на сосѣднія христіанскія страны, и къ ихъ природному фанатизму присоединились новыя и могущественныя причины ненависти къ Россіи. Племена горъ заволновались. Даже кабардинцы, столь долгіе годы жившіе въ мирныхъ сношеніяхъ съ Россіею, подняли знамя возстанія, и Глазенапъ увидѣлъ себя вынужденнымъ взяться за оружіе. Дѣятельное участіе въ завязавшейся борьбѣ предстояло принять и нашему Нижегородскому полку.

Весною 1804 года въ Прохладной собрался сильный отрядъ изъ восьми батальоновъ пѣхоты, четырехъ драгунскихъ полковъ и 24 орудій. Нижегородскій полкъ явился туда въ четырехъ-эскадронномъ составѣ [1]); пятый, подполковника Потлога, оставленъ былъ на линіи. Надо сказать, что некомплектъ, образовавшійся отъ передачи цѣлаго эскадрона въ Борисоглѣбскій полкъ, пополненъ еще не былъ, и эскадроны вышли въ походъ въ уменьшенномъ составѣ [2]).

3-го мая отрядъ перешелъ черезъ Малку и вступилъ въ Кабарду. Непріятеля нигдѣ не было видно, и до самаго Баксана войска дошли спокойно. Глазенапъ отправилъ прокламацію къ Кабардинскому народу, а въ ожиданіи отвѣта расположилъ свой отрядъ бивуакомъ въ горной долинѣ, на берегу рѣки, которая съ бѣшенымъ грохотомъ вырывалась въ этомъ мѣстѣ изъ дикаго и мрачнаго ущелья. Въ Николинъ день, 9-го числа, послѣ обѣдни въ походной церкви, Глазенапъ со всѣми офицерами завтракалъ у войскового старшины Моздокскаго полка Золотарева, маститаго старца, съ длинною бѣлою бородою, извѣстнаго на линіи своими подвигами. Солдаты также обѣдали. Лошади паслись на прекрасной

травѣ. Вдругъ съ казачьихъ пикетовъ грянулъ выстрѣлъ, и со стороны горъ показалась туча пыли, которая неслась прямо на лагерь. Ударили тревогу. Пѣхота стала въ ружье. Драгуны спѣшно ловили своихъ лошадей, которыя вырывались изъ рукъ и носились по полю. Между тѣмъ казаки уже были въ полѣ, и Лучкинъ съ своею екатериноградскою сотней завязалъ перестрѣлку.

«Боевое поле», говоритъ очевидецъ [3]), превратилось въ арену, на которой состязались лучшіе въ мірѣ наѣздники—линейные казаки и кабардинцы. Съ обѣихъ сторонъ появились убитые и раненые. Скоро провезли войскового старшину Золотарева, еще за часъ передъ тѣмъ такъ радушно угощавшаго у себя офицеровъ. Два казака поддерживали его на сѣдлѣ. Онъ былъ прострѣленъ пулею въ грудь на вылетъ, и въ ту же ночь умеръ. Глазенапъ двинулъ на помощь къ казакамъ всю кавалерію. Драгунская колонна въ 16 эскадроновъ пошла на рысяхъ и скрылась въ густыхъ облакахъ поднятой ею пыли. На сторонѣ русской конницы были всѣ преимущества: стройные эскадроны на свѣжихъ и добрыхъ коняхъ горѣли желаніемъ врубиться въ толпы непріятеля; самая мѣстность, ровная и гладкая, какъ скатерть, подмывала на бѣшеную скачку. Офицеры Нижегородскаго полка, находившагося въ головѣ колонны, кричали: «въ атаку! въ атаку!» Къ несчастію, начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ Лецино, первый разъ бывшій въ огнѣ, такъ растерялся, что къ общему изумленію скомандовалъ: «стой!» и началъ строить каре. Дѣло принимало дурной оборотъ; къ счастію подбѣжали егеря Лихачева,—и кабардинцы отхлынули. Въ лагерѣ послѣ того много было толковъ про это несчастное каре, напомнившее всѣмъ давно забытыя времена Миниха, а Сталь такъ просто выходилъ изъ себя, давая слово не слушать больше ни чьихъ приказаній.

На слѣдующій день отрядъ двинулся дальше. Нижегородскій полкъ шелъ въ авангардѣ,—и шелъ весело. Лихіе пѣсенники 3-го эскадрона, Суржикова, вызванные впередъ, что называется, заливались. Самъ Суржиковъ басилъ среди нихъ; онъ былъ страстный любитель пѣнія и завелъ у себя два хора: русскій и малороссійскій; онъ самъ обучалъ ихъ, самъ разузнавалъ, гдѣ есть хорошіе голоса, и перепрашивалъ пѣвцовъ къ себѣ даже изъ чужихъ полковъ. Кабардинцы опять нигдѣ не показывались, и только пылавшіе кругомъ аулы краснорѣчиво говорили о принятомъ ими твердомъ намѣреніи не покоряться. Тѣмъ не менѣе, когда отрядъ

дошелъ до Чегема, непріятель открылъ переговоры,—и войска остановились. Лагерь раскинулся на лѣвомъ берегу рѣки, рядомъ со старымъ кладбищемъ, усѣяннымъ надгробными памятниками въ видѣ каменныхъ башенъ. Это были усыпальницы древнихъ княжескихъ фамилій,—мѣсто, въ понятіяхъ народа, священное. Не долго, однакоже, войскамъ пришлось отдыхать на этой роскошной, привольной степи, окаймленной предгоріями Большого Кавказа. Глазенапъ скоро убѣдился, что, завязавъ переговоры, кабардинцы хлопочутъ только о томъ, чтобы выиграть время, и 14 мая двинулъ отрядъ впередъ.

Вся кавалерія, построенная въ двѣ линіи, шла развернутымъ фронтомъ. Егерскій полкъ Лихачева и гренадерскій батальонъ Казанскаго полка, свернувшись въ каре, прикрывали ея фланги. Остальная пѣхота, вмѣстѣ съ артиллеріей, составляла резервъ. Кабардинцы ожидали русскихъ на гребнѣ крутыхъ и лѣсистыхъ горъ, изрѣзанныхъ ущельями, по которымъ вырывались на плоскость горныя рѣки. Глазенапъ выдвинулъ впередъ полкъ Лихачева и приказалъ ему сбить непріятеля. Зеленые егеря разсыпались, припали къ землѣ, и поползли къ непріятелю такъ мастерски, что издали ихъ совсѣмъ не было видно; только Лихачевъ, спокойно ѣхавшій подъ пулями на маленькой бѣлой лошадкѣ, одинъ и указывалъ направленіе, по которому шла атака. Подъ мѣткимъ огнемъ егерей кабардинцы устоять не могли и обратились въ бѣгство. Тогда, поддержанные казаками и частію драгунъ, егеря ворвались въ ущелье рѣки Шелухи и пошли штурмовать аулы. Драгуны—отъ Нижегородцевъ былъ полуэскадронъ съ двумя офицерами, братьями Любецкими,—то, спѣшиваясь, ходили на приступъ вмѣстѣ съ егерями, то, вскочивъ на коней, бросались впередъ, подвозя солдатъ на крупахъ своихъ лошадей, то сами занимали позиціи, съ которыхъ начинались дальнѣйшіе штурмы.

Кавалерія между тѣмъ поднялась на горы, и передъ нею въ чудной панорамѣ открылась вся долина рѣчки Шелухи, усѣянная аулами. Одинъ изъ нихъ съ большими каменными саклями уже былъ атакованъ линейными казаками, и въ улицахъ его шла перестрѣлка. Сталь выдвинулъ противъ него полковыя орудія, но разстояніе до аула было такъ велико, что выстрѣлы не могли оказать какой-либо помощи,—и казаки были опрокинуты. Тогда отъ всѣхъ драгунскихъ полковъ вызвали охотниковъ. Ихъ выѣхало болѣе чѣмъ нужно; отъ однихъ Нижегородцевъ было 83 человѣка, и съ ними 6 офицеровъ: капитанъ Арсеньевъ, поручикъ Антоновъ

и прапорщики: Игнатьевъ, Назаренко, Чеченскій и Лисаневичъ. «Подъѣхалъ было проситься и я», разсказываетъ Броневскій, «но Сталь такъ крикнулъ, назвавъ меня молокососомъ, что я даже не помню, какъ очутился передъ своимъ взводомъ». Охотники спустились съ горъ прямо, не разбирая дорогъ, и вихремъ понеслись къ аулу. Казаки поддержали ихъ, и въ улицахъ деревни опять завязался отчаянный бой.

Въ это самое время партія горцевъ, скрытно пробравшаяся оврагомъ, внезапно открыла огонь во флангъ нашей кавалеріи, продолжавшей стоять на горѣ. Сталь спѣшилъ два эскадрона Нижегородцевъ; но бой вышелъ не равный: противниковъ раздѣлялъ широкій оврагъ, и наши ружья не доносили, а черкесскія винтовки били отлично. Къ счастію, перестрѣлка длилась не долго; непріятель отступилъ, какъ только охотники наши выбили горцевъ изъ аула и погнали ихъ по ущелью. Наступила между тѣмъ ночь. Глазенапъ приказалъ трубить сборъ, и драгуны съ разныхъ сторонъ, по одиночкѣ съѣзжались на сборное мѣсто.

Въ преданіяхъ полка долго жилъ разсказъ, какъ Нижегородскій драгунъ Кривошеинъ,—изъ старыхъ астраханцевъ, поступившій въ полкъ еще въ 1775 году и, слѣдовательно, давно уже прослужившій свой 25-тилѣтній терминъ,—изрубилъ въ единоборствѣ кабардинскаго князя, закованнаго въ панцырь, и овладѣлъ его оружіемъ и лошадью; лошадь, однако, вырвалась и попала въ руки таганрогскихъ драгунъ, отъ которыхъ Кривошеинъ потребовалъ ее по праву побѣдителя. Не желая заводить исторіи съ чужимъ полкомъ, Глазенапъ подарилъ Кривошеину 15 червонцевъ и произвелъ его въ унтеръ-офицеры ([4]).

Нижегородскій полкъ потерялъ въ этотъ день семь человѣкъ, изъ которыхъ шесть убиты на мѣстѣ и только одинъ раненъ ([5]). Что именно было замѣчательно въ бою 14 мая—это взаимная помощь, братская поддержка, которую оказывали другъ другу всѣ роды оружія. И Глазенапъ въ своемъ донесеніи съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этомъ единодушіи, какъ на характернѣйшей особенности боя ([6]).

Кабардинцы смирились. Отрядъ уже возвращался на линію, какъ вдругъ получилось извѣстіе, что одинъ изъ кабардинскихъ князей, Росламбекъ-Мисостовъ, бѣжалъ за Кубань со всѣми подвластными ему аулами. Примѣръ его могъ вызвать сильное движеніе среди остальныхъ кабардинцевъ, и Глазенапъ отправилъ въ погоню за нимъ егерскій полкъ Лихачева, а самъ форсированными маршами вернулся въ Кабарду и сталъ на Баксанѣ.

Экспедиція Лихачева не удалась; онъ потерпѣлъ неудачу у Каменнаго моста и долженъ былъ отступить съ потерею орудія. Обстоятельства настолько осложнились, что вынудили наконецъ Глазенапа рѣшиться на мѣру, которой никто не ожидалъ и даже не могъ предвидѣть. Рѣшено было занять суровую горную страну, извѣстную подъ именемъ Дигоріи, и переселить въ Россію весь тамошній народъ, издревле считавшійся данникомъ кабардинскихъ князей. Этимъ разсчитывали подорвать матеріальныя средства послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное вліяніе ихъ на народъ. Порученіе это Глазенапъ возложилъ на генерала Дегтярева, которому приказано было взять съ линіи батальонъ пѣхоты, двѣ сотни линейныхъ казаковъ и три эскадрона драгунъ — два Борисоглѣбскіе и одинъ Нижегородскій, подполковника Потлога, тотъ, который не былъ въ экспедиціи Глазенапа (7).

9-го іюня Дехтяревъ былъ уже на Урухѣ; здѣсь онъ узналъ, что дигорцы готовятся встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ, и что на помощь къ нимъ явились большія толпы кабардинцевъ. Благоразуміе требовало отказаться отъ экспедиціи, но Дехтяровъ не придалъ надлежащаго значенія полученнымъ извѣстіямъ. Подходя къ ущелью, которое вело въ землю дигорцевъ, войска построились въ боевой порядокъ: впереди казаки, поддерживаемые эскадрономъ подполковника Куликовскаго; на правомъ флангѣ Нижегородскій эскадронъ подполковника Потлога, на лѣвомъ—Борисоглѣбскій маіора Шубина; въ центрѣ наступали двѣ роты Вологодцевъ съ артиллеріею. Но только что отрядъ сталъ подходить къ ущелью, какъ кабардинцы ринулись съ горъ, и въ одинъ моментъ окружили его. Эскадронъ Куликовскаго первый принялъ на себя ударъ непріятеля. Это былъ недавно еще Нижегородскій эскадронъ, только за годъ перечисленный въ Борисоглѣбскій полкъ и еще не утратившій живой связи съ своими старыми товарищами. Не давая нигдѣ пошатнуться казакамъ, онъ поспѣвалъ всюду, гдѣ только угрожала опасность. Самъ Куликовскій былъ раненъ, но, не слѣзая съ коня, приказалъ вырѣзать пулю, засѣвшую около локтя, и продолжалъ распоряжаться боемъ. Сильная потеря крови произвела наконецъ обморокъ, и его отнесли на перевязочный пунктъ. Одинъ этотъ подвигъ, потребовавшій со стороны Куликовскаго высокаго подъема нравственныхъ и физическихъ силъ, уже говоритъ ясно о трудномъ положеніи отряда, и особенно его эскадрона.

Пока горячій бой шелъ передъ фронтомъ, а фланги отбивались пушеч-

нымъ огнемъ, новыя толпы кабардинцевъ обскакали отрядъ и кинулись на его вагенбургъ. Они уже врывались въ обозъ, когда Нижегородскаго полка поручикъ Озеровъ, исполнявшій должность отряднаго квартирмейстера, собралъ всѣхъ денщиковъ, писарей, фурлейтовъ и, бросившись съ ними на помощь къ вологодской ротѣ, отбилъ нападеніе. Положеніе отряда тѣмъ не менѣе становилось критическимъ. Дехтяревъ приказалъ отступать, но обратный путь и самая переправа черезъ Урухъ уже были заняты горцами. Тогда вызваны были охотники, и Дехтяревъ, поручивъ надъ ними начальство штабсъ-капитану Нижегородскаго полка Потлогу-младшему, приказалъ ему захватить переправу и такимъ образомъ обезпечить отряду отступленіе. Доскакавъ до Уруха, Потлогъ быстро спѣшилъ драгунъ, и кинулся съ ними въ штыки. Нижегородцы, съ поручикомъ Золотаревымъ, ударили съ одной, Борисоглѣбцы съ другой стороны,—и непріятель, выбитый изъ прибрежныхъ кустовъ, разсѣялся по полю. Переправа была занята. Но жаркій бой все еще шелъ въ арьергардѣ, гдѣ была оставлена вся кавалерія. Медленно, шагъ за шагомъ, отходили назадъ драгуны и казаки, тѣснимые все болѣе и болѣе пылкою черкесскою конницею. Положеніе становилось опаснымъ. Въ этотъ самый моментъ прискакалъ съ перевязочнаго пункта раненый подполковникъ Куликовскій и однимъ появленіемъ своимъ влилъ въ солдатъ новое мужество. Все ринулось впередъ, смяло, отбросило и погнало кабардинцевъ. Отрядъ спокойно переправился черезъ Урухъ и пошелъ на линію (8).

День этотъ по справедливости можно бы было назвать днемъ Нижегородцевъ, такъ какъ главные дѣятели его: подполковники Куликовскій и Потлогъ, маіоръ Шубинъ, штабсъ-капитанъ Потлогъ 2-й, поручики Золотаревъ и Озеровъ—все были старые Нижегородцы, хотя и не всѣ носили уженшевый нижегородскій прикладъ.

Неудача, постигшая отрядъ Дехтярева, подняла на ноги все Закубанье, рѣшившееся съ своей стороны отплатить намъ тою же монетой. Мы имѣли цѣль вывесть дигорцевъ, — они рѣшили напасть на мирные абазинскіе аулы и переселить ихъ въ горы. Какъ только лазутчики доставили это извѣстіе въ отрядъ Глазенапа, весь Нижегородскій полкъ, стоявшій на Баксанѣ, форсированными маршами отправленъ былъ въ Баталпашинскъ для прикрытія мирныхъ ауловъ (9). Но ударъ разразился надъ линіею не тамъ, гдѣ его ожидали: кабардинцы оставили въ сторонѣ Абазинцевъ и, бросившись на Малку, разбили слободу Солдатскую, гдѣ

были квартиры 3-го эскадрона Нижегородскаго полка, находившагося въ походѣ. Казачій постъ, застигнутый врасплохъ, былъ изрубленъ, множество жителей взято въ плѣнъ, стада отогнаны, эскадронное имущество разграблено, и черкесы, съ легко пріобрѣтенною добычею, скрылись прежде, чѣмъ сигнальные маяки донесли тревогу до Баталпашинска.

Съ этого дня ареною военныхъ дѣйствій становится районъ, гдѣ были квартиры Нижегородскаго полка, а Нижегородцевъ, между тѣмъ, не было дома. Самый Георгіевскъ, въ которомъ оставалось всего два эскадрона изъ полка Таганрогскаго, нѣсколько дней къ ряду находился въ оборонительномъ положеніи: драгуны бивуакировали на площади, орудія стояли на валу съ зажженными фитилями, а, по пробитіи вечерней зори, пушки вывозились на мостъ къ городскимъ воротамъ. Опасались даже за Ставрополь. Глазенапъ, поспѣшно вернувшійся изъ Кабарды для защиты линіи, тотчасъ передвинулъ Нижегородскій полкъ въ Воровсколѣсскую станицу, откуда онъ могъ охранять и большой ставропольскій трактъ и мирные аулы (10). Въ этомъ расположеніи полкъ оставался до глубокой зимы, и только въ декабрѣ мѣсяцѣ вернулся на свои квартиры.

Зима прошла безъ особыхъ тревогъ. А раннею весною 1805 года, когда кабардинскія стада еще не находятъ корма въ горахъ, заваленныхъ снѣгомъ, и пасутся на открытыхъ равнинахъ, прилегающихъ къ Малкѣ, Глазенапъ собралъ уже сильный отрядъ въ станицѣ Прохладной. Отъ Нижегородскаго полка въ составъ его вошли четыре пѣшіе эскадрона съ полковникомъ Сталемъ. Кавалерію составляли одни казаки, лошади которыхъ могли довольствоваться и скудною подснѣжною травою (11).

9-го марта, скрытно переправившись черезъ Малку, отрядъ сдѣлалъ въ одну ночь огромный 60-ти верстный переходъ, и неожиданно появился посреди многочисленныхъ кабардинскихъ стадъ. Всѣ они были захвачены сразу, и 11-го марта отрядъ стоялъ уже у входа въ Баксанское ущелье. Дико и мрачно смотритъ оно въ эту зимнюю пору. Кругомъ стоятъ снѣговыя горы. Свирѣпый и шумный Баксанъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ громадами утесовъ, съ ревомъ и грохотомъ падаетъ каскадами, съ поражающею силой ворочая огромныя каменныя глыбы, отторгнутыя отъ береговъ. Здѣсь, въ виду этой грозной картины, нашъ авангардъ имѣлъ жаркую кавалерійскую схватку, въ которой приняли участіе и два Нижегородца—поручикъ Марковъ и фаненъ-юнкеръ Глазенапъ, посланные съ приказаніемъ къ начальнику авангарда (12).

Войдя въ ущелье, войска остановились за Кызъ-Буруномъ, прислонившись правымъ флангомъ къ горамъ, а лѣвымъ къ ревущему Баксану, черезъ который въ эту пору года переправы нѣтъ. Казалось бы, что позиція отряда была вполнѣ обезпечена; упустили, однако, изъ виду, что за Баксаномъ тотчасъ начинаются низкія, пологія горы, которыми кабардинцы могли воспользоваться, чтобы нарушать ночное спокойствіе. И дѣйствительно, въ первый же день, какъ только смерклось, вдругъ загремѣла ружейная пальба, послышался пронзительный татарскій гикъ—и барабаны по всему бивуаку забили тревогу. Горцы, спустившись съ пологихъ высотъ, стрѣляли черезъ рѣку. Ночь была темная, и нашей артиллеріи пришлось отвѣчать на удачу. Только къ свѣту удалось отогнать кабардинцевъ,—а на слѣдующую ночь опять повторилось то же. Глазенапу пришлось, наконецъ, отодвинуть лагерь отъ рѣчки, ближе къ горамъ, но ущелье было такъ тѣсно, разстояніе, на которое могъ передвинуться отрядъ, такъ мало, что пули продолжали по ночамъ залетать въ палатки, и въ отрядѣ случались раненые. Егеря и пѣшіе драгуны, попремѣнно занимавшіе лагерную цѣпь, не выходили изъ выжидательнаго положенія, лежа все время со взведенными курками. «И какъ только, говоритъ одинъ очевидецъ, вспыхнетъ, бывало, на томъ берегу огонекъ одиночнаго выстрѣла, наши начинали гремѣть цѣлыми залпами. Въ непроницаемой темнотѣ кавказскихъ ночей такая перестрѣлка представляла чудный эфектъ и невозможно было ею довольно налюбоваться» (13).

Однажды, 15 марта, случилось дѣло и болѣе серьезное. Горцы напали на фуражировъ; но къ счастью изъ лагеря скоро подоспѣла помощь, и Нижегородцы, съ храбрымъ штабсъ-капитаномъ Потлогомъ, отстояли вьюки (14).

Дѣло 15 марта было послѣднимъ эпизодомъ кабардинскаго возстанія. Большія потери въ людяхъ, а главное захватъ скота и табуновъ, заставили кабардинцевъ смириться. Главные вожаки ихъ ушли за Кубань, а остальные дали аманатовъ и были обложены большою контрибуціей.

За кабардинскій походъ шефъ полка генералъ-лейтенантъ Глазенапъ получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст., подполковникъ Потлогъ, маіоры: Пашкевичъ, Суржиковъ и Албанскій, штабсъ-капитанъ Горлебушъ, поручики Любецкій 1, Любецкій 2 и Марковъ и прапорщики Далмацкій и Чеченскій—ордена св. Анны 3 ст.; фаненъ-юнкеръ Глазенапъ произведенъ въ офицеры (15).

10

Возвратившись въ Георгіевскъ, Глазенапъ былъ встрѣченъ потрясающимъ извѣстіемъ о появленіи чумы, завезенной астраханскою почтой. Первыми жертвами ея стали почтмейстеръ и тѣ, которые разбирали письма, а затѣмъ болѣзнь съ необычайной быстротой распространилась по цѣлому городу. Всякое утро прибавлялось по нѣскольку домовъ, у которыхъ забитыя двери и окна служили нѣмыми свидѣтелями о безпощадной гостьѣ. Каждый вечеръ въ особыхъ балаганчикахъ сожигалось имущество, оставшееся послѣ умершихъ, и по этой адской иллюминаціи всѣ узнавали о числѣ погибшихъ.

Чума появилась скоро и въ Нижегородскомъ полку: заболѣлъ и умеръ кучеръ полкового квартермистра, цыганъ, заразившійся въ таборѣ, который стоялъ подъ городомъ. Отъ него болѣзнь перешла на денщика того же офицера, а потомъ заболѣла жена трубача лейбъ-эскадрона, прачка, къ которой квартермистръ посылалъ за бѣльемъ. Больную женщину тотчасъ отвезли въ карантинъ; а такъ какъ въ землянкѣ ея осталось трое малютокъ, то къ нимъ приставили часового, чтобы не допускать никого изъ постороннихъ. Между тѣмъ несчастная мать, въ припадкѣ чумной горячки, ночью ушла изъ карантина, и инстинктивно пробравшись къ своей землянкѣ, умерла на ея порогѣ. Часовой далъ знать дежурному офицеру. Тотъ, при видѣ дѣтей, выбѣжавшихъ отъ испуга въ однѣхъ рубашонкахъ, приказалъ часовому, не прикасаясь ни къ чему, достать длиннымъ шестомъ теплыя одѣяла и закутать малютокъ. Но и это не прошло ему даромъ. Смѣнившись съ часовъ, онъ заболѣлъ, а за нимъ въ тотъ же день заболѣло и умерло еще нѣсколько нижнихъ чиновъ уже въ самыхъ казармахъ.

Глазенапъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ, что лейбъ-эскадронъ, предметъ его особыхъ попеченій, подвергся заразѣ. Онъ приказалъ вывесть его въ поле, и тамъ совершенно прекратить всѣ сообщенія между нижними чинами, устроивъ для каждаго изъ нихъ отдѣльный балаганъ. Мѣра эта оказалась благодѣтельною: двѣ недѣли провелъ эскадронъ въ карантинномъ заключеніи,—и чума прекратилась, тогда какъ въ сосѣднемъ Казанскомъ полку она свирѣпствовала съ ужасающей силой.

Въ городѣ господствовала паника; никто не зналъ, что дѣлать и какія брать предосторожности. Доктора боялись подходить къ больнымъ, и тѣ не рѣдко умирали на улицахъ. Большого труда стоило Глазенапу ввести хоть какой-нибудь порядокъ, открыть больницы и учредить ка-

рантины. Къ счастію, онъ нашелъ себѣ отличнаго помощника въ лицѣ командира лейбъ-эскадрона маіора Албанскаго, дѣятельность котораго въ карантинахъ можетъ быть названа вполнѣ самоотверженною; Нижегородцы должны сохранять о немъ благодарную память, также какъ о своемъ полковомъ лекарѣ Геерѣ, котораго всѣ называли тогда ангеломъ хранителемъ. У него переболѣли чумою два денщика, одинъ послѣ другого, вещи его два раза предавались сожженію, но къ общей радости Богъ сохранилъ его на пользу страждущаго человѣчества. Онъ, и полковой врачъ Казанскаго полка Гинефельдъ, цѣлые дни разъѣзжали по городу верхами, съ трубками въ зубахъ; они разыскивали больныхъ, входили въ чумные дома и своими руками вскрывали карбункулы. Было замѣчено, что больные, у которыхъ появлялись карбункулы, всегда выздоравливали, если у нихъ успѣвали вскрывать ихъ прежде приступовъ озноба и другихъ горячечныхъ симптомовъ. Но бывали случаи скоротечные, когда горячка предшествовала карбункуламъ, и тогда смерть являлась уже неизбѣжною; у людей, заболѣвавшихъ этою самою ужасною формою чумы, всегда появлялись на тѣлѣ сине-багровыя пятна, давшія поводъ русскому люду окрестить страшную болѣзнь названіемъ «черной смерти».

Хотя въ слабѣйшей степени, но тѣмъ не менѣе чума похищала жертвы и въ остальныхъ эскадронахъ, стоявшихъ на линіи. Нужно отдать справедливость заботамъ начальниковъ, которые съумѣли предохранительными мѣрами если не совсѣмъ уничтожить, то въ значительной степени ослабить ужасы эпидеміи. Сталь требовалъ отъ эскадронныхъ командировъ, чтобы люди какъ можно болѣе курили простой табакъ, обмывали уксусомъ лицо и руки, носили бѣлье, пропитанное деревяннымъ масломъ, а казармы окуривались бы пресыщенною соляною кислотою, считавшейся въ то время лучшимъ дезинфекціоннымъ средствомъ ([16]).

Глазенапъ и самъ ѣздилъ по краю, чтобы слѣдить за строгимъ соблюденіемъ карантинныхъ правилъ; но на пограничной чертѣ правила эти почти ежедневно нарушались набѣгами чеченцевъ, которые особенно и усилились именно въ это опасное время. Не говоря о мелкихъ хищничествахъ, вотъ что случилось осенью 1805 года подъ самымъ Екатериноградомъ.

Чеченцы подкараулили солдата, безпечно ѣхавшаго съ мельницы, взяли его въ плѣнъ и вывѣдали угрозами, гдѣ пасется станичный табунъ, велико ли при немъ прикрытіе, какъ много казаковъ въ станицѣ и т. д.

10*

Узнавъ, что старые казаки были почти поголовно въ походѣ, и что табунъ находится подъ присмотромъ казачатъ-малолѣтковъ, 80 чеченцевъ рѣшились ночью сдѣлать нападеніе.

Половина партіи переплыла за Малку, другая—осталась на той сторонѣ, чтобы перенять табунъ за рѣкою. Стояла поздняя осень; ночи были темныя, длинныя, и чеченцы имѣли достаточно времени, чтобы для удобнѣйшаго угона табуна прорубить кинжалами широкую просѣку въ прибрежномъ кустарникѣ. Не ожидая встрѣтить сопротивленія со стороны казачатъ, чеченцы передъ свѣтомъ подъѣхали къ табуну, гикнули, и кони, вспугнутые ружейнымъ выстрѣломъ, шарахнулись въ стороны. Бойкіе казачата встрѣтили, однако, чеченцевъ дружнымъ залпомъ, а одинъ изъ нихъ, вскочивъ на неосѣдланную лошадь, понесся въ станицу дать знать о нападеніи. Но въ станицѣ уже слышали выстрѣлы, и оттуда скакали резервы. Къ особенному несчастію чеченцевъ, у казаковъ нашлись подъ рукой и бударки и лодки. Станичный атаманъ Лучкинъ, опытный волжскій боецъ, гроза кабардинцевъ, принялъ на себя распоряженіе всѣми рѣчными и сухопутными казачьими силами. По его указанію цѣлая флотилія мелкихъ судовъ, всевозможныхъ видовъ и формъ, пустилась внизъ по теченію Терека, и какъ разъ успѣла перенять переправу. Съ разгона врѣзалась она въ густую плывшую толпу, и казаки принялись чѣмъ ни попало—и веслами и баграми—глушить чеченцевъ, какъ красную рыбу. Чеченцамъ на-плаву защищаться было невозможно, и рѣка мгновенно запрудилась и людскими и конскими трупами.

Но дѣло этимъ еще не кончилось. Въ то время, какъ шло рѣчное сраженіе, полковникъ Сталь съ двумя эскадронами, и Лучкинъ съ коннымъ резервомъ переправились выше этого мѣста и бросились на партію, скрывавшуюся на томъ берегу. Чеченцы бѣжали, оставивъ въ добычу много лошадей, сѣделъ и оружія.

Сталь приказалъ всю эту добычу отдать линейнымъ казакамъ. При этомъ дѣлежѣ Лучкину достался вороной кабардинскій конь, легкій, какъ птица, скакавшій безъ одышки и топота, точно онъ несся по воздуху. Лучкинъ потомъ каждый день пріѣзжалъ на немъ съ рапортомъ къ Сталю, дѣлая двухъ-верстное разстояніе изъ станицы въ слободку карьеромъ. Онъ появлялся у крыльца командирскаго дома не слышно, какъ тѣнь, и драгуны не могли налюбоваться и конемъ и всадникомъ ([17]).

Посреди всѣхъ этихъ тревогъ, усложняемыхъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, вдругъ пронеслась по линіи роковая вѣсть, что русскій главнокомандующій князь Циціановъ измѣннически убитъ подъ стѣнами Баку, и что войска, бывшія съ нимъ, отступили неизвѣстно куда. Какъ старшій генералъ, Глазенапъ, не ожидая ничьихъ распоряженій, принялъ временное начальство надъ краемъ и донесъ государю. Глубоко понимая характеръ восточныхъ народовъ, онъ тотчасъ собралъ все, что было у него подъ рукою на линіи, и рѣшилъ прежде всего наказать бакинскаго хана. Въ составъ отряда назначена была и сборная команда отъ всѣхъ пяти эскадроновъ Нижегородскаго полка, силою въ 200 коней, подъ начальствомъ полковника Сталя ([18]). Въ походъ выступили въ самомъ началѣ марта 1806 года. Цѣль его сохранялась въ глубокой тайнѣ, и, кромѣ одного Глазенапа, никому не была извѣстна. Вотъ уже русскій отрядъ прошелъ Аксаевскія владѣнія, переправился черезъ Сулакъ и сталъ передъ Тарками, резиденціею Шамхала Тарковскаго. Шамхалъ былъ втайнѣ смущенъ внезапнымъ появленіемъ русскаго отряда, но тѣмъ не менѣе сдѣлалъ войскамъ парадную встрѣчу, выѣхавъ къ нимъ въ русскомъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ и въ александровской лентѣ. Тактичный и умный Глазенапъ однако предупредилъ его, и представился самъ съ почетнымъ рапортомъ. Этимъ расчетливымъ вниманіемъ онъ до того расположилъ къ себѣ тщеславнаго владѣльца, что тотъ, послѣ секретнаго совѣщанія, охотно согласился даже принять участіе въ походѣ. А нужно сказать, что, двигаясь къ Баку берегомъ Каспійскаго моря, нельзя было миновать грознаго Дербента, запиравшаго входъ въ персидскія владѣнія,— и помощь Шамхала была какъ нельзя болѣе кстати.

Слыша постоянныя напоминанія, что онъ русскій генералъ, Шамхалъ цѣлый день не снималъ съ себя непривычный ему европейскій мундиръ и, по видимому, рѣшился на этотъ разъ даже стряхнуть всѣ узы азіатскихъ обычаевъ. Офицеры приглашены были во дворецъ, а затѣмъ Шамхалъ, въ веселомъ настроеніи духа, самъ вызвался показать гостямъ свой гаремъ, куда не проникалъ ни одинъ посторонній глазъ. Красавицы гарема, нарядно одѣтыя въ свои живописные, фантастическіе костюмы, встрѣтили русскихъ, стоя длинными рядами вдоль галлереи. Шамхалъ приказалъ имъ снять покрывала, и гости увидѣли рядъ стройныхъ одалискъ съ черными, огненными глазами. «Какъ ни отшучивался нашъ скромный генералъ», отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ очевидецъ,

«но долженъ былъ по неотступному требованію Шамхала указать наконецъ на одну черкешенку, которая ему понравилась болѣе другихъ» (19).

Изъ Тарковъ русскій отрядъ выступилъ вмѣстѣ съ шамхальскою милиціею. Но цѣль похода попрежнему оставалась загадочною: никто не могъ предположить, что горсть русскихъ войскъ идетъ покорять Дѣрбентъ, который Петръ Великій и графъ Зубовъ осаждали съ цѣлыми арміями. Глазенапъ зналъ, однако, что въ Дербентѣ царило общее неудовольствіе противъ владѣльца Шихъ-али-хана, и на этомъ основалъ весь успѣхъ экспедиціи. И онъ не ошибся. Какъ только русскія войска перешли границу дербентскаго ханства, въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, искусно поддержанный Шамхаломъ, и растерявшійся ханъ бѣжалъ. Дербентъ сдался безъ боя. Замѣчательно, что ключи отъ города поднесъ Глазенапу опять тотъ же самый человѣкъ, теперь уже 120-ти-лѣтній старецъ, который подносилъ ихъ Петру и Зубову. Зная силу и важность Дербента съ одной стороны, и слабость русскаго отряда съ другой, трудно было повѣрить, что покореніе Дербента—совершившійся фактъ. «И какъ пріятно было», говоритъ участникъ похода, «смотрѣть на нашего почтеннаго начальника, незабвеннаго Григорія Ивановича, принимавшаго съ добродушной улыбкой поздравленіе и удивленіе». Взятіе Дербента, съ тѣхъ поръ не выходившаго уже изъ-подъ власти Россіи, составляетъ вѣчный памятникъ, который Глазенапъ воздвигъ себѣ на Кавказѣ. Государь пожаловалъ ему золотую табакерку съ своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, и три тысячи рублей пожизненной пенсіи.

Въ стѣнахъ Дербента войска узнали о пріѣздѣ на Кавказъ новаго главнокомандующаго, опять графа Гудовича, и вслѣдъ за тѣмъ совершились событія нѣсколько омрачившія свѣтлое настроеніе побѣдоноснаго отряда. По какимъ-то частнымъ отношеніямъ, еще со временъ Румянцева, Гудовичъ не любилъ Глазенапа, и по пріѣздѣ въ Георгіевскъ тотчасъ послалъ приказаніе отряду не трогаться изъ-подъ Дербента и ожидать прибытія генерала Булгакова, которому поручались дальнѣйшія дѣйствія. Такъ, среди блестящихъ успѣховъ и общаго непритворнаго сожалѣнія въ войскахъ, терявшихъ любимаго начальника, окончилась дѣятельность Глазенапа. Но онъ не захотѣлъ покинуть отряда, и остался при немъ въ качествѣ шефа Нижегородскаго полка.

Съ пріѣздомъ Булгакова, войска двинулись дальше и заняли Баку, который, какъ и Дербентъ, покорился безъ сопротивленія. Здѣсь Ниже-

городцы были свидѣтелями трогательной церемоніи перенесенія праха князя Циціанова, обезглавленный трупъ котораго былъ зарытъ врагами въ крѣпостномъ рву за городскими воротами. Отсюда-то и перенесли его въ самый центръ города, запятнавшаго себя гнуснымъ и вѣроломнымъ убійствомъ. Нижегородцы, вмѣстѣ съ другими войсками, отдали честь останкамъ знаменитаго героя и съ торжествомъ проводили его до новой могилы—подъ алтаремъ армянскаго собора ([20]). На томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ Циціановъ, впослѣдствіи поставленъ памятникъ. Онъ представляетъ каменный обелискъ, обнесенный желѣзною рѣшеткой. На передней сторонѣ его медальонъ, на голубомъ полѣ котораго рельефно выдаются два вызолоченные ключа — эмблема покоренія крѣпости, и сложенные накрестъ кинжалъ и пистолетъ—орудія его мученицкой смерти.

Въ Баку Булгаковъ оставилъ только одинъ гарнизонъ, а съ остальными войсками перешелъ въ Кубинское ханство, покореніемъ котораго и закончилась наша экспедиція.

Безкровныя завоеванія, совершенныя отрядомъ, не обошлись, однако, безъ нѣкоторыхъ жертвъ. Климатическія условія страны, особенно Каспійскаго побережья, гдѣ стояли страшныя жары и чувствовался недостатокъ въ прѣсной водѣ, свели тогда въ могилу не мало храбрыхъ солдатъ Грузинскаго корпуса. Въ одномъ Нижегородскомъ полку умерло за походъ 38 человѣкъ и пало 30 лошадей ([21]).

Но особенно бѣдственно было обратное движеніе отряда на линію, напомнивъ такой же походъ и по тѣмъ же самымъ мѣстамъ во время перваго начальствованія Кавказомъ Гудовича. Зима застала солдатъ безъ теплаго платья, безъ обуви, даже безъ шинелей, износившихся въ походѣ. Чтобы укрыться отъ вѣтра и сколько-нибудь согрѣть свои окоченѣлые члены, люди вырывали ямы въ родѣ могилъ, варили въ нихъ пищу, и затѣмъ, погасивши огни, укладывались спать въ эти теплыя, но губительныя для здоровья логовища, ставшія для многихъ дѣйствительными могилами ([22]).

Въ 60 верстахъ отъ Кизляра, въ самый канунъ новаго 1807 года, отрядъ застигнутъ былъ страшною вьюгой. Солдаты въ одинъ голосъ просили вести ихъ дальше безъ ночлега, и весь переходъ до Терека, можно сказать, не шли, а бѣжали. На Терекѣ между тѣмъ оказался сильный ледоходъ и переправы не было. Солдаты предпочли, однако, лучше взять студеную ванну, чѣмъ дожидаться поромовъ, и, переправясь въ бродъ по поясъ въ водѣ, толпами ринулись въ Кизляръ, гдѣ ихъ размѣстили кое-

какъ по квартирамъ. Обозы, двинувшіеся вслѣдъ за войсками, загрузли въ рѣкѣ; фурштаты выпрягли лошадей и ускакали въ городъ, а брошенныя фуры такъ вмерзли въ ледъ, покрывшій въ ту же ночь рѣку, что потомъ пришлось вырубать ихъ топорами (23).

Такъ окончился короткій, но богатый послѣдствіями походъ, принесшій Россіи обширныя провинціи и возстановившій вліяніе ея среди безпокойныхъ мусульманскихъ ханствъ, поколебленное было вѣроломнымъ убійствомъ князя Циціанова.

Генералъ лейтенантъ Глазенапъ

VI.

Последнiе годы на линiи.

(1807—1809).

Гудовичъ и Булгаковъ.—Походъ въ Чечню.—Нижегородцы на штурмѣ Ханкальскаго ущелья.—Новая утрата эскадрона, переведеннаго въ Дерптскiй полкъ.—Мирный моментъ.—Вѣсть о гибели Богоявленскаго селенiя.—На Баталпашинской переправѣ.—Обсервацiонная служба.—Мелкiя удручающiя тревоги.—Кочевая жизнь.—Курганъ.—Дуэль Грабовскаго съ Никитинымъ.—Драма въ Воровсколѣсской станицѣ.—Нижегородцы участвуютъ въ ея развязкѣ.—Булгаковъ въ лагерѣ обсервацiоннаго отряда.—Паника населенiя и слухи о зимовкѣ въ степи.—Неожиданное возвращенiе на квартиры.—Новое назначенiе Глазенапа.—Полковникъ Сталь—шефъ Нижегородцевъ.—Спокойный годъ.—Вызовъ полка въ Грузiю.

Воротившись изъ труднаго Дербентскаго похода, Нижегородцамъ пришлось переживать опять переходное время. На линiи былъ новый начальникъ генералъ Булгаковъ, отъ котораго еще не знали чего ожидать.

Вмѣсто энергичнаго и умнаго Циціанова, во главѣ кавказскихъ войскъ стоялъ Гудовичъ, связавшій когда-то свое имя съ памятью о бѣдственномъ походѣ изъ Дербента, повтореніе котораго Нижегородцамъ пришлось вынести и теперь, при первомъ же вступленіи новаго главнокомандующаго на кавказскую почву. Будущее было смутно и неопредѣленно. Въ Кизлярѣ весь отрядъ, ходившій въ Дербентъ, получилъ неопредѣленное приказаніе остановиться и ждать новыхъ распоряженій. Булгаковъ расположилъ войска на широкихъ квартирахъ, и нашему полку, вмѣстѣ съ Борисоглѣбскимъ, довелось стоять въ станицѣ Калиновской ([1]).

Къ счастію всѣ опасенія и смутныя ожиданія войскъ скоро разсѣялись. Булгаковъ, честный и прямодушный, сдѣлался любимцемъ солдатъ и оказался на высотѣ своей задачи. Неопредѣленныя приказанія Гудовича также разъяснялись настойчивымъ слухомъ, что войска прямо съ квартиръ пойдутъ въ Чечню. И слухи эти подтверждались: въ Кизляръ подходили все новыя и новыя подкрѣпленія; присоединились и къ Нижегородцамъ сто человѣкъ конныхъ драгунъ, высланныхъ Глазенапомъ изъ Георгіевска ([2]).

Походъ въ Чечню являлся въ то время прямою необходимостью. Пользуясь временемъ, когда войска сняты были съ линіи для похода въ Дербентъ, чеченцы простерли свои набѣги такъ далеко, что перервали сообщенія даже между Кизляромъ и Астраханью, а на линіи и совсѣмъ не стало проѣзду. И вотъ, въ половинѣ февраля 1807 года, когда густые лѣса не успѣли еще опушиться листвой, войска, стоявшія въ Кизлярѣ, перешли Терекъ, и 13-го числа уже были на Сунжѣ вблизи того мѣста, гдѣ потомъ стояла крѣпость Грозная. Передъ ними, верстахъ въ шести за Сунжею, между рѣками Аргуномъ и Гойтой, высились двѣ отдѣльныя высокія горы, образующія тѣснину, извѣстную подъ именемъ Ханкальскаго ущелья. И горы, и тѣснина покрыты были въ тѣ времена сплошными дремучими лѣсами, издавна служившими притономъ для чеченскихъ партій, собиравшихся на Сунжѣ. Это были ворота, запиравшія входъ въ Большую Чечню со стороны Кавказской линіи. Булгаковъ рѣшился пробиться черезъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы пройти всю чеченскую плоскость отъ края до края, до самаго подножія Черныхъ горъ, за которыми жили уже племена Дагестана.

15-го числа войска подвинулись впередъ, почти къ самой опушкѣ Ханкальскаго лѣса и расположились лагеремъ противъ деревни Янги-Юртъ. Чеченцы ждали приближенія русскихъ, и какъ только они пока-

зались,—изъ лѣсу, какъ горохъ, посыпались частые ружейные выстрѣлы. Цѣлый день шла перестрѣлка; въ сумерки большія толпы чеченцевъ попытались было кинуться на отрядъ въ кинжалы, но стремительная атака Нижегородскихъ драгунъ, стоявшихъ наготовѣ, обратила ихъ въ бѣгство,—и Сталь преслѣдовалъ чеченцевъ до самой опушки Ханкальскаго лѣса (3). Изъ глубины ущелья доносился между тѣмъ до лагеря шумъ и стукъ топоровъ—знакъ, что непріятель строилъ завалы и засѣки.

Посреди дремучаго лѣса чинаръ, въ глубинѣ тѣснины, чеченцы заняли страшную по силѣ, почти неприступную позицію. Она была прикрыта съ фронта цѣлымъ рядомъ заваловъ, обнесенныхъ канавами и рвами; за ними амфитеатромъ возвышалась сплошная стѣна, сложенная изъ каменныхъ глыбъ и цѣлыхъ утесовъ; а еще далѣе—шли бревенчатые срубы, испещренные бойницами. Десять тысячъ чеченцевъ засѣло въ этихъ укрѣпленіяхъ, пришлавъ сказать Булгакову, что только по ихъ трупамъ онъ пройдетъ черезъ тѣснину.

Отвѣтомъ былъ штурмъ Ханкальскаго ущелья.

17-го числа утромъ войска тремя колоннами вступили въ страшный, заповѣдный лѣсъ. Нижегородцы, спѣшенные, отправившіе своихъ лошадей въ вагенбургъ, распредѣлены были по всѣмъ тремъ колоннамъ; но большинство ихъ сосредоточилось въ лѣвой, которою командовалъ Сталь. Дикимъ воплемъ встрѣтили чеченцы наступавшихъ, и весь лѣсъ дрогнулъ отъ смѣшанныхъ звуковъ тотчасъ же начавшейся ожесточенной битвы. «Безпрерывная пальба, ручной бой, стукъ, рысканье шарахнувшихся казачьихъ лошадей, трескъ деревьевъ», говоритъ въ своемъ донесеніи Булгаковъ, «составляли для глазъ и слуха весьма поразительную картину и порождали необыкновенныя чувства. Атакующіе какъ бы въ огненномъ клубѣ находились». Медленно, шагъ за шагомъ, двигались войска впередъ, осыпаемыя пулями съ фронта, поворачивая орудія то вправо, то влѣво для отраженія чеченцевъ, съ бѣшенствомъ нападавшихъ на нихъ съ фланговъ. Но идя этимъ кровавымъ путемъ, солдаты брали засѣку за засѣкой, завалъ за заваломъ, срубъ за срубомъ. Лѣвой колоннѣ Сталя представлялись препятствія почти неодолимыя. Выбиваемый изъ однихъ окоповъ и засѣкъ, непріятель укрывался за каменными изгибами ущелья, укрѣплялся снова, и снова поражалъ наступающихъ. Онъ оборонялся отчаянно, «давая», по выраженію генерала Булгакова, «поводъ атакующимъ къ изъявленію безчисленныхъ подвиговъ». «Нижегородскаго драгунскаго полка

полковникъ Сталь», говоритъ онъ далѣе, «жертвуя своею жизнію для чести отечества, въ сей знаменитый день достаточнымъ образомъ ознаменовалъ себя» ([4]).

Семь часовъ уже продолжался бой. Наконецъ отрядъ пробился черезъ лѣсъ и прошелъ на ту сторону ущелья. Но еще три часа геройскихъ усилій понадобилось отъ войскъ для окончательнаго пораженія непріятеля. Чеченцы, опрокинутые на всѣхъ пунктахъ, отступили, оставя на мѣстѣ болѣе тысячи тѣлъ. Вступивъ на чеченскую плоскость, войска, утомленныя боемъ, стали лагеремъ у рѣки Аргуна въ виду аула Большой Чечень, который на слѣдующій день былъ сожженъ. Сожженіе его и было началомъ разгрома чеченской земли на всемъ протяженіи отъ Аргуна до знаменитой Шалинской поляны. Штурмъ Герменчука закончилъ экспедицію, и Булгаковъ, вернувшись за Терекъ, 18-го марта распустилъ войска по квартирамъ ([5]).

Чечня была покорена; по крайней мѣрѣ Гудовичъ нашелъ возможнымъ написать именно въ этомъ смыслѣ свое донесеніе. Но не дешево обошлась русскимъ войскамъ кровавая экспедиція, и серьезныя потери, понесенныя нами, какъ позже оказалось, только утвердили чеченцевъ въ мысли о неприступномъ положеніи ихъ родины. О потеряхъ собственно Нижегородскаго полка свѣдѣній сохранилось не много; извѣстно только, что на штурмѣ заваловъ тяжело раненъ поручикъ Игнатьевъ; ему и пожалованъ былъ за экспедицію орденъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ; затѣмъ штабсъ-капитану Саликову и подпоручику Назаренкову объявлено монаршее благоволеніе; Сталь получилъ орденъ св. Георгія 4 степени за штурмъ Ханкальскаго ущелья, и Анну 2 ст. за дербентскій походъ ([6]).

По возвращеніи полка на свои квартиры, одинъ изъ эскадроновъ его, именно подполковника Потлога, назначенъ былъ въ Россію, въ составъ вновь формировавшагося тогда Дерптскаго драгунскаго полка, и въ мартѣ мѣсяцѣ выступилъ въ Вязьму. Взамѣнъ его тогда же сформированъ былъ новый эскадронъ, частью изъ рекрутъ, частью изъ старыхъ солдатъ, выбранныхъ изъ цѣлаго полка, и названъ эскадрономъ капитана Потлога 2-го ([7]).

Послѣ чеченскаго похода на линіи наступило временное затишье. Чума также прекратилась и никого уже не тревожила. Жизнь Нижегородцевъ стала настраиваться на мирный ладъ. Въ Екатериноградѣ появилось нѣсколько новыхъ семействъ, и офицеры наперерывъ старались за-

воевать вниманіе пріѣзжихъ дамъ. Впереди предстоялъ опять пріятный кампаментъ въ Георгіевскѣ съ музыкальными вечерами, охотами, поѣздками въ Константиногорскъ. «И вдругъ всѣ суеты міра вылетѣли у насъ изъ головы», говоритъ очевидецъ ([8]), «когда 11-го мая пришла громовая вѣсть о гибели Богоявленскаго села, лежавшаго верстахъ въ 25 отъ Кубани. Нижегородскій полкъ, собранный по тревогѣ съ своихъ квартиръ, въ тотъ же день форсированнымъ маршемъ выступилъ къ Баталпашинской переправѣ. Его повелъ Сталь, такъ какъ Глазенапъ, недовольный отношеніями къ нему Гудовича, уѣхалъ въ продолжительный отпускъ. На пути Нижегородцы узнали всѣ подробности печальнаго происшествія; разсказывали, что 28 апрѣля черкесы напали на Сенгилеевку, какъ называли село Богоявленское, врасплохъ, и что рѣзня и грабежъ продолжались отъ полуночи до двухъ часовъ пополудни; изъ крестьянъ 34 человѣка было убито, утоплено и сожжено живыми, 24 ранено, 102 захвачено въ плѣнъ, а скота и лошадей угнано болѣе двухъ тысячъ головъ.

Въ Баталпашинскѣ Нижегородцы нашли уже четыре батальона пѣхоты, донской казачій полкъ и 200 линейныхъ казаковъ. Другой отрядъ, нѣсколько меньшей численности, расположился у Невинномыска. Главнымъ начальникомъ надъ войсками, вызванными для обороны пограничной черты, назначенъ былъ генералъ-маіоръ Капцевичъ, который вмѣстѣ съ штабомъ помѣстился въ Воровсколѣсской станицѣ Кубанскаго полка, лежавшей также верстахъ въ 25 отъ Кубани. Станица была большая, съ каменною церковью, съ редутомъ, на которомъ стояли два орудія, а кругомъ ея тянулся валъ, густо усаженный колючкою. Никто и думать не могъ, что именно этой-то богатой станицѣ и придется испытать горькую участь Сенгилеевки, но уже на глазахъ двухъ русскихъ отрядовъ.

На Баталпашинской переправѣ началась для драгунъ трудная сторожевая служба. Пикеты ихъ стояли по берегу Кубани, разъѣзды доходили до самыхъ верховій Зеленчуковъ. Но вездѣ было тихо, и большихъ прорывовъ ожидать не было основаній. Даже одиночнымъ хищникамъ не удавалось пробираться за наши ведеты. Тѣмъ не менѣе, эти мелкіе хищники, благодаря особенному обстоятельству, сдѣлались тогда настоящимъ бичемъ для отряда. Капцевичъ былъ человѣкъ на линіи новый, незнакомый съ образомъ черкесской войны, и притомъ суетливый. Для него достаточно было одинокаго выстрѣла, чтобы поднять тревогу въ обоихъ отрядахъ; а такъ какъ хищники вызывали подобные выстрѣлы не рѣдко

съ затаенною цѣлью только потревожить отрядъ, то Капцевичъ и самъ не имѣлъ покоя, и другимъ не давалъ его. Это самымъ разлагающимъ образомъ дѣйствовало на сторожевыя войска. «Сначала», разсказываетъ Броневскій, «при первыхъ звукахъ трубы, наши драгуны, какъ сумасшедшіе, бросались сѣдлать лошадей и мчались во весь опоръ къ Кубани, воображая, что сейчасъ же вступятъ въ горячее дѣло. И неизмѣнно, подскакивая къ посту, они выслушивали донесеніе, что все обстоитъ благополучно, что на той сторонѣ показались было два-три черкеса, да послѣ выстрѣла по нимъ тотчасъ же скрылись». И драгуны шагомъ, на взмыленныхъ лошадяхъ, возвращались въ лагерь. Такія тревоги происходили каждый день, иногда по два раза, и кончилось тѣмъ, что, заслышавъ сигнальную трубу, драгуны лѣниво шли сѣдлать своихъ лошадей, что̀ повергало горячаго Капцевича въ новое отчаяніе. Сталь, не терпѣвшій, какъ мы знаемъ, никакой суеты, нашелъ необходимымъ наконецъ откровенно сказать Капцевичу, что такимъ образомъ можно совсѣмъ испортить драгунъ, которые и при серьезной тревогѣ, также какъ и теперь, будутъ копаться съ своею сѣдловкой. Капцевичъ, внутренно соглашавшійся съ нимъ, не могъ однако передѣлать своей черезчуръ нервной натуры и кончилъ тѣмъ, что, махнувъ рукой, уѣхалъ жить въ Воровсколѣсскую станицу.

Съ его отъѣздомъ въ лагерѣ стало поспокойнѣе и тише. Тѣмъ не менѣе жизнь въ глухой степи, исполненная лишеній, сдѣлалась оттого еще монотоннѣе. Днемъ офицеры еще были заняты службой, а по вечерамъ дѣлать было рѣшительно нечего, и когда спадала жара, и солнце садилось за сосѣднія горы, они любили собираться на могильный курганъ, стоявшій посреди самаго лагеря. Курганъ этотъ, съ котораго открывался дивный видъ на прикубанскія равнины, нужно сказать, былъ памятникомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ кавказской войны: это была могила русскихъ солдатъ, за 17 лѣтъ передъ тѣмъ сложившихъ здѣсь свои головы въ кровавой баталпашинской битвѣ, навсегда увѣковѣчившей для Кавказа имя храбраго генерала Германа. Въ чудные кавказскіе вечера шли на этомъ курганѣ задушевныя бесѣды, передавались воспоминанія, строились и серьезные планы будущаго и воздушные замки. Этому же любимому пріюту Нижегородцевъ довелось быть свидѣтелемъ и одной печальной исторіи, надолго оставившей по себѣ память въ офицерскомъ обществѣ.

Былъ тогда въ полку прапорщикъ Грабовскій, хорошій товарищъ,

но игрокъ неисправимый, — страсть, не одинъ разъ уже вовлекавшая его въ различныя непріятныя исторіи. Случилось и теперь, что онъ проигралъ въ сосѣднемъ егерскомъ полку верхового коня, вьючныхъ лошадей и даже оружіе. При расчетѣ съ чужими офицерами вышло какое-то недоразумѣніе, которое въ тотъ же день дошло до полка, и поставило Грабовскаго въ нѣсколько натянутыя отношенія къ товарищамъ, относившимся, какъ говоритъ Броневскій, въ высшей степени щепетильно ко всему, что такъ или иначе задѣвало имя полка. Когда на другой день Грабовскій пришелъ на курганъ, одинъ изъ молодыхъ офицеровъ, Никитинъ, рѣзко сказалъ ему что-то по поводу этой исторіи. Грабовскій обидѣлся и вызвалъ его на дуэль. Грабовскаго считали, однако, въ полку виноватымъ, и потому никто изъ офицеровъ не согласился быть у него секундантомъ; но такъ какъ не хотѣли къ дѣлу примѣшивать и постороннихъ, то постановили, что у противниковъ будетъ одинъ секундантъ. Роль эта и выпала на долю прапорщика Броневскаго. Драться рѣшено было на сабляхъ.

Мѣсто для дуэли, выбранное на берегу Кубани, лежало въ одной или въ двухъ верстахъ отъ лагеря, куда противники и явились на разсвѣтѣ вмѣстѣ съ своимъ секундантомъ. Передъ высокимъ и сильнымъ Грабовскимъ маленькій Никитинъ казался просто пигмеемъ, но онъ напалъ съ такою горячностью, что Грабовскій не успѣлъ опомниться, какъ получилъ уже три раны; на его бѣломъ кителѣ показались кровавыя пятна. Тогда, не стараясь уже больше парировать ударовъ, Грабовскій махнулъ своей саблей на-отмашь, и Никитинъ съ перерубленной шеей упалъ, какъ подкошенный. Страшная зіяющая рана оказалась глубиною въ ладонь; кровь изъ нея била фонтаномъ. Прибѣжалъ полковой фельдшеръ, старикъ Коржинскій, считавшійся въ своемъ околодкѣ великимъ операторомъ, и только его увѣреніе, что рана не смертельна, нѣсколько успокоило офицеровъ. Никитинъ, дѣйствительно, выздоровѣлъ, но съ тѣхъ поръ носилъ голову нѣсколько на бокъ, «что придавало еще болѣе комизма его маленькой, всегда веселой и остроумной фигуркѣ».

Окончаніе этой исторіи необыкновенно характерно для нравовъ тогдашнихъ Нижегородцевъ. Когда Сталь вечеромъ возвратился съ охоты, дежурный офицеръ доложилъ ему о происшествіи. Сталь отвѣчалъ, что ему пріятно слышать, что офицеры окончили между собою счеты, какъ слѣдуетъ благороднымъ людямъ, не прибѣгая къ жалобамъ начальству.

«Не нужно только», прибавилъ онъ, «пускать эту исторію вдаль, пусть она у насъ и умретъ». Грабовскій остался въ полку, и впослѣдствіи является однимъ изъ выдающихся боевыхъ офицеровъ его.

Привычка, говорятъ, вторая натура,—и Нижегородцы мало по малу стали втягиваться въ оригинальный сторожевой бытъ на Кубани. Вдругъ отъ генерала Капцевича прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что черкесы въ огромныхъ силахъ идутъ на Невинномыскъ, гдѣ стоялъ отрядъ генерала Дехтярева. Самъ Капцевичъ уже выѣхалъ туда изъ Воровсколѣсска и предписывалъ Сталю держать баталпашинскій отрядъ наготовѣ. На другой день—новыя извѣстія: передъ Невинномыскомъ, дѣйствительно, появилась какая-то партія, и Капцевичъ, перейдя Кубань со всѣмъ отрядомъ Дехтярева, двинулся за нею въ погоню. Сталь недоумѣвалъ. Онъ хорошо зналъ черкесовъ и понималъ, что появленіе партіи только демонстрація, и демонстрація именно съ тѣмъ, чтобы заставить насъ открыть переправу. Капцевичъ сдѣлалъ то, чего не слѣдовало дѣлать, и теперь надо было ждать катастрофы. Сталь только не зналъ еще, надъ кѣмъ она разразится—надъ самимъ ли Капцевичемъ, или надъ линіей? Ожидать пришлось, однако, не долго. На другой день по уходѣ Капцевича, подъ вечеръ, шесть или семь тысячъ черкесъ, давно стоявшихъ уже наготовѣ, быстро перешли Кубань, окружили Бѣломечетскій постъ, чтобы не дать ему время извѣстить сосѣдній отрядъ полковника Сталя, и всѣми своими силами ринулись на Воровсколѣсскую станицу. Надо было случиться, что въ эту же самую ночь, 23 мая, Капцевичъ, предоставившій Дехтяреву одному распоряжаться за Кубанью, возвращался домой. Онъ ѣхалъ одинъ и безъ конвоя. До станицы еще было далеко, какъ вдругъ страшное зарево охватило полъ-неба. Было ясно, что горитъ Воровсколѣсская. Капцевичъ приказалъ ѣхать скорѣе. На его счастіе нагналъ его мирный абазинецъ. «Генералъ!» кричалъ онъ ему: «Куда ты ѣдешь? Черкесы взяли станицу. Спасайся. Видишь, за тобою скачутъ!» На горизонтѣ, дѣйствительно, маячило десятка два всадниковъ, темные силуэты которыхъ рѣзко обозначались при заревѣ пожара. Всадники приближались быстро. Капцевичъ повернулъ назадъ. Ямщикъ пустилъ лошадей во весь духъ и едва-едва успѣлъ во-время доскакать до отряда Сталя.

А тамъ уже видѣли пожаръ, и били тревогу. Два эскадрона Нижегородцевъ первыми понеслись къ станицѣ; за ними бѣгомъ двинулась туда же рота егерей съ двумя орудіями. Самъ Сталь съ остальными тремя

эскадронами бросился къ Бѣломечетскому посту, разсчитывая отрѣзать горцамъ отступленіе, и приказалъ туда же слѣдовать пѣхотѣ.

А въ Воровсколѣсской станицѣ между тѣмъ разыгралась страшная драма. Не предчувствуя бѣды, висѣвшей надъ головой, жители ея провели день обычнымъ порядкомъ. Въ полдень пришелъ къ нимъ обозъ Нижегородскаго полка, возвращавшійся изъ Ставрополя съ какими-то покупками, и съ нимъ человѣкъ 50 конвойныхъ драгунъ и егерей. Уже совсѣмъ свечерѣло, во многихъ хатахъ зажглись огоньки, какъ вдругъ показалась туча пыли, стѣною несшаяся со стороны Кубани. Кто полюбопытнѣе, взобрался на валъ посмотрѣть въ чемъ дѣло. Взглянули—и ахнули. Зловѣщій крикъ «черкесы!» мгновенно поднялъ на ноги все населеніе станицы. Казаки, схватившіеся за ружья, высыпали на валъ, драгуны и егеря заперлись въ редутѣ, гдѣ были пушки. Черкесы нашли станицу уже готовой къ оборонѣ и, встрѣченные дружнымъ залпомъ, остановились въ замѣшательствѣ. Отъ этой минуты зависѣлъ весь исходъ набѣга. Тогда самъ предводитель партіи, извѣстный за Кубанью Султанъ-Гирей, выѣхалъ подъ русскія пули и крикнулъ черкесамъ: «Не вы ли хвалились мнѣ взять Ставрополь, Александровъ, Георгіевскъ, разорить всю линію,—а теперь стали передъ ничтожною станицей!» Въ отвѣтъ на это тысячи черкесъ спрыгнули съ коней, и съ дикимъ крикомъ: Аллахъ! полѣзли на приступъ. Казаки не устояли. Сбитые съ валовъ, они заперлись въ хатахъ и стрѣляли изъ оконъ; женщины помогали мужьямъ и заряжали винтовки. А на землю спустилась уже темная ночь, освѣщаемая только безпрерывными молніями выстрѣловъ, и торжественная тишина ея нарушалась неумолчнымъ шумомъ битвы и гамомъ людскихъ голосовъ.

Стойко и долго держались кубанскіе казаки подъ напоромъ массы черкесовъ. Немощные старцы, которые не могли уже владѣть оружіемъ, молодыя дѣвушки и дѣти искали спасенія въ церкви, гдѣ сѣдой священникъ, въ виду близкой смерти, напутствовалъ всѣхъ святыми Дарами. И страшно и трогательно въ его устахъ звучали слова молитвы: «о избавитеся намъ отъ огня и меча, отъ нашествія иноплеменныхъ, объ одолѣніи нечестивыхъ агарянъ»... А горцы уже ломились въ церковь. Вотъ двери ея рухнули, и старый священникъ, какъ добрый пастырь, полагавшій душу за люди своя, первымъ палъ на своемъ высокомъ посту, сраженный въ грудь ударомъ кинжала......

12

А на другомъ концѣ станицы шелъ ожесточенный бой за обладаніе редутомъ. Его защищалъ храбрый штабсъ-капитанъ Койленскій, адъютантъ Капцевича, человѣкъ даровитый, выдѣлявшійся изъ среды товарищей литературнымъ образованіемъ. Его домъ былъ крайній, и первый изъ всей станицы подвергся нападенію горцевъ. Койленскій едва успѣлъ выскочить, а его жена и малютка захвачены были черкесами. Горькая участь семьи не ослабила энергіи достойнаго офицера, и онъ геройски отбивалъ нападеніе картечью и штыками. Видя невозможность ворваться въ редутъ, черкесы зажгли станицу, и пламя быстро охватило крытыя соломою избы. Наступилъ послѣдній актъ обороны: казаки, захваченные пожаромъ въ домахъ, горѣли живыми, а тѣ, которые выскакивали изъ пламени, попадали въ плѣнъ или гибли подъ ударами шашекъ. Огонь не пощадилъ и Божьяго храма—онъ рухнулъ и превратился въ груду камня и мусора. Неколебимо, среди общаго разрушенія, стоялъ одинъ лишь редутъ и, какъ скала, отражалъ отъ себя живыя волны черкесовъ.

Вдругъ непріятель дрогнулъ и кинулся прочь отъ станицы. Въ зловѣщей тишинѣ лѣтней кавказской ночи въ редутѣ явственно услыхали топотъ скачущей конницы и шумъ рукопашной схватки. То были два Нижегородскіе эскадрона, высланные Сталемъ на помощь къ станицѣ. Въ страшной темнотѣ, когда нельзя было видѣть ни своихъ, ни чужихъ, они столкнулись съ черкесами, и по ихъ слѣдамъ понеслись къ верховьямъ Кубани. Горцы уходили на Каменный мостъ, и по дорогѣ бросали отягощавшую ихъ добычу. Табуны они пустили впередъ, и ихъ настигнуть было нельзя, но плѣнные, овцы и рогатый скотъ почти всѣ отбиты были драгунами.

Къ Каменному мосту, какъ оказалось впослѣдствіи, уходила однако лишь меньшая часть скопища; главная же масса кинулась опять на Бѣломечетскій постъ, разсчитывая, что русскіе отряды, обманутые уже распространившеюся тревогой, бросятся къ Каменному мосту и не успѣютъ отрѣзать ей отступленіе. Расчеты ихъ едва не оправдались. Какъ ни быстро двигался отрядъ полковника Сталя, онъ прибылъ къ Бѣломечеткѣ только на разсвѣтѣ, когда съ противоположной стороны къ тому же посту подходили уже и черкесы. Противники разомъ пустили своихъ лошадей во весь опоръ,—и Нижегородцы на полномъ скаку врѣзались въ уходившую партію. Прижатые къ берегу, черкесы стали бросаться внизъ со страшнаго обрыва; и одни изъ нихъ разбились объ острые камни, другіе без-

сильно тонули въ рѣкѣ, третьи выбивались на глубину—и тоже тонули, поражаемые пулями подоспѣвшихъ сюда егерей. Нижегородцы разыскали между тѣмъ какую-то головоломную тропу, и по одиночкѣ съѣзжали по ней къ Кубани. Рѣка бушевала, и Сталь, стоя на берегу, самъ пускалъ эскадроны вплавь по отдѣленіямъ. Пушки перетащили подъ водой на канатахъ. Но за главнымъ русломъ рѣки нужно было переходить еще множество протоковъ, и когда Нижегородцы выбились наконецъ изъ воды, партія успѣла выиграть уже значительное пространство: драгуны могли только рубить отсталыхъ, да подобрать нѣсколькихъ брошенныхъ плѣнныхъ, среди которыхъ, къ сожалѣнію, не было ни жены Койленскаго, ни его малютки.

Проскакавъ 35 верстъ, Сталь повернулъ назадъ и, переправившись обратно черезъ Кубань, сдѣлалъ привалъ. Предполагая, однако, что какая-нибудь отставшая партія еще скрывается на нашемъ берегу и будетъ уходить ночью, Сталь держалъ эскадроны въ полной готовности и даже приказалъ кормить лошадей изъ рукъ, отстегнувъ только мундштучное желѣзо. Огня не разводили совсѣмъ, а ночь, какъ нарочно, выдалась холодная, вѣтряная, и всѣ пожалѣли не разъ, что не захватили съ собою на тревогу шинелей.

Къ утру вернулись, наконецъ, въ Баталпашинскъ. Эскадроны сдѣлали 130 верстъ безъ отдыха, и только пять лошадей подбились и хромали, а отсталыхъ не было ни одной. О потеряхъ полка въ этотъ тревожный день сохранился только одинъ документъ,—рапортъ маіора Албанскаго, который доноситъ, что при защитѣ редута Воровсколѣсской станицы убитъ рядовой его эскадрона, Стрекаловъ ([9]).

Разгромъ казачьей станицы произвелъ въ населеніи края страшное, подавляющее впечатлѣніе. Крестьяне, живо помнившіе гибель богатой Сенгилеевки, поддались теперь рѣшительной паникѣ. Исправникъ доносилъ Капцевичу, что по всѣмъ деревнямъ, лежащимъ даже по Егорлыку, жители находятся въ неописанномъ страхѣ, что деревни представляютъ картину самаго печальнаго свойства: крестьяне живутъ бивуаками, имущество уложено и увязано на возахъ, часовые стоятъ на колокольняхъ, и все приспособлено такъ, чтобы при первомъ ударѣ набатнаго колокола бѣжать; многія семьи съ приближеніемъ ночи уходятъ въ лѣса и прячутся тамъ въ трущобахъ и оврагахъ; тѣ же, которыя остаются дома, сбираются въ недостроенныя еще церкви, влѣзаютъ на колокольни и

тамъ ночуютъ, не смотря ни на какое ненастье. Это настроеніе поддерживалось въ высшей степени тревожными слухами изъ-за Кубани. Опасались нападенія на Темнолѣсскую станицу, ждали его на казенныя села Николаевку, Каменнобродское и опять на ту же Сенгилеевку; даже самый Ставрополь не считалъ себя въ безопасности. Поля такъ и стояли не убранными. Командующій войсками на Кавказской линіи генералъ отъ инфантеріи Булгаковъ переѣхалъ въ Баталпашинскъ, чтобы лично разслѣдовать размѣры и причины совершившейся катастрофы. Слѣдствіе, однако, виновныхъ не нашло. Ошибка Капцевича, такъ неудачно уведшаго войска за Кубань, въ вину поставлена ему не была—и дѣло предано волѣ Божіей.

Пріѣздъ Булгакова внесъ большое оживленіе въ лагерную жизнь баталпашинскаго отряда. Сергѣй Александровичъ Булгаковъ былъ симпатичнѣйшимъ представителемъ типа честнаго, прямодушнаго стараго кавказскаго рубаки. Его колоссальный ростъ, голосъ, львиная храбрость—все дѣлало его человѣкомъ необыкновеннымъ. Несмотря на свои 70 лѣтъ, онъ еще скакалъ на рьяномъ персидскомъ жеребцѣ за зайцами и ломалъ подковы. Доступность же его, простота, широкое хлѣбосольство, поражавшее тѣхъ, кто пріѣзжалъ изъ Россіи, привлекали къ нему сердца подчиненныхъ. Онъ любилъ видѣть вокругъ себя всѣхъ офицеровъ отряда, для которыхъ его домъ, сердце и кошелекъ были всегда открыты. Привычки его никогда, ничѣмъ не нарушались. Ежедневно, въ девятомъ часу утра, на курганъ, гдѣ обыкновенно по вечерамъ собирались офицеры, два солдата выносили громадную бутыль водки, а за ними еще два солдата разставляли вокругъ на маленькихъ жестяныхъ тарелочкахъ походныя закуски; потомъ появлялся самъ Булгаковъ и своимъ зычнымъ голосомъ кричалъ: «Вались сюда, ребята!» На этотъ призывъ собирались всѣ офицеры, не занятые очередною службой, а въ воскресные и табельные дни, послѣ лагернаго развода, тѣ же офицеры, но уже въ парадной формѣ, шли къ его палаткѣ и неизмѣнно заставали его всегда въ одной и той же позѣ: онъ сидѣлъ на буркѣ, въ рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, и усердно теръ табакъ для своей табакерки. Принеся поздравленіе, офицеры разсаживались кругомъ на травѣ, и Булгаковъ особымъ, только ему свойственнымъ, цвѣтистымъ слогомъ принимался передавать имъ то трогательные разсказы про матушку-царицу, то про времена императора Павла, то анекдоты или пословицы, которыя онъ умѣлъ

приговаривать въ ладъ и въ риѳму. Все это заканчивалось тѣмъ, что онъ наконецъ вставалъ и говорилъ своимъ густымъ басомъ: «Прошу щей хлебать». Обѣдъ готовился въ такіе дни на всѣхъ наличныхъ офицеровъ въ отрядѣ. За обѣдомъ выпивалась бездна вина, и пили его не иначе, какъ изъ огромныхъ бычачьихъ роговъ, оправленныхъ въ серебро, которые Булгаковъ всегда возилъ съ собою.

Съ отъѣздомъ Булгакова въ лагерѣ опять стало тихо и скучно. Отъ нечего дѣлать, офицеры изобрѣли тогда новое развлеченіе: у самаго берега Кубани былъ страшный водоворотъ, сажени въ двѣ глубиною, «омутъ», какъ говорили солдаты. Вода, врываясь въ него, съ яростью крутилась, бурлила, и все, что попадало въ нее, стремительно выбрасывала на берегъ. Въ этомъ-то омутѣ офицеры и придумали устроить купанья: ихъ забавляло какъ водоворотъ быстро кружилъ ихъ на мѣстѣ, и затѣмъ мгновенно, точно съ размаха, выбрасывалъ на каменистую отмель. Сила воды была такъ велика, что выбрасываемый, прежде чѣмъ достигнуть отмели, дѣлалъ въ воздухѣ головоломное сальто-мортале, при чемъ все искусство въ томъ и заключалось, чтобы вернуться съ купанья съ цѣлыми ногами, руками и ребрами. Неловкіе, говоритъ Броневскій, часто платились ушибами и даже вывихами.

Скука была тѣмъ ощутительнѣе, что край на время затихъ, и военныя тревоги совсѣмъ прекратились. А тутъ уже пошелъ слухъ, что для успокоенія жителей отрядъ останется на Кубани до поздней осени, а, можетъ быть, и на цѣлую зиму. Нижегородскому полку, дѣйствительно, приказано было накосить съ окрестныхъ луговъ годовой запасъ сѣна и заготовить лѣсъ для землянокъ. Невеселая перспектива предстояла ему— встрѣчать суровую зиму въ открытой степи, вдали отъ родныхъ станицъ, съ которыми онъ такъ давно уже сжился. Зима къ тому же наступила ранняя, и драгунамъ, волей-неволей, пришлось устраивать на пустынныхъ берегахъ Кубани—землянки для себя, и плетневые навѣсы, обставленные камышевыми щитами, для коней. Но среди этой дѣятельности, 18 ноября, отъ Булгакова прискакалъ курьеръ съ приказаніемъ распустить отрядъ, и Нижегородцы, бросивъ начатыя работы, поспѣшно вернулись на свои квартиры.

Такъ окончился памятный Нижегородцамъ 1807 годъ.

Въ Георгіевскѣ, всѣ проходившіе эскадроны осматривалъ и привѣтствовалъ самъ Григорій Ивановичъ Глазенапъ, только что вернувшійся

изъ продолжительнаго отпуска. Не занятый теперь дѣлами по управленію краемъ, Глазенапъ почти каждый день устраивалъ у себя концерты, танцы, давалъ балы, очаровывалъ всѣхъ своею любезностью. Но это была послѣдняя зима, проведенная имъ на Кавказѣ. 4 февраля 1808 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ Сибирской линіи, а званіе шефа Нижегородскаго полка перешло отъ него къ полковнику Сталю. Командиромъ полка тогда же назначенъ маіоръ Албанскій, а лейбъ-эскадронъ принялъ маіоръ Озеровъ, старый Нижегородецъ, начавшій службу въ полку еще во времена Екатерины.

Какъ только Сталь получилъ извѣстіе о своемъ назначеніи, онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Георгіевскъ и явился къ Глазенапу. «Вотъ рапортъ о состояніи полка, а вотъ и квитанція въ исправномъ пріемѣ его отъ васъ»,—сказалъ онъ, подавая ему бумаги. Глазенапъ, пріятно удивленный, отвѣчалъ: «Вы, Карлъ Өедоровичъ, еще не осмотрѣлись и, можетъ быть, найдете нѣкоторые недостатки». Сталь возразилъ на это, что проситъ считать дѣло между ними оконченнымъ (10).

О дальнѣйшей судьбѣ Глазенапа можно сказать немногое. Тѣ факты, которые дошли до насъ, свидѣтельствуютъ, что дѣятельность его въ Сибири, направленная исключительно на мирное развитіе страны и особенно на устройство быта Сибирскаго казачьяго войска, была въ высшей степени плодотворною. Потомъ, съ уничтоженіемъ инспекцій, онъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, и въ этомъ званіи скончался въ Омскѣ въ 1819 году, семидесяти лѣтъ отъ рожденія. Надъ его могилою сохранился понынѣ скромный памятникъ изъ сибирскаго мрамора, обнесенный чугунной рѣшеткой и украшенный фамильнымъ гербомъ покойнаго. На памятникѣ надпись, свидѣтельствующая, что онъ воздвигнутъ «признательными подчиненными любимому начальнику» (11).

Послѣ отъѣзда Глазенапа, все управленіе полкомъ сосредоточилось въ рукахъ одного только Сталя. Албанскій командовалъ при немъ недолго; онъ вышелъ въ отставку въ концѣ 1809 года, и мѣсто его занялъ старшій въ полку штабъ-офицеръ маіоръ Потлогъ. Но какъ тотъ, такъ и другой, не пользовались ни тою самостоятельностью, ни тѣмъ значеніемъ, какіе нѣкогда принадлежали Сталю въ роли полкового командира. Причину этого надо искать прежде всего въ самомъ характерѣ Сталя, живая и энергичная дѣятельность котораго успѣвала охватывать собою рѣши-

тельно всѣ части полкового управленія. Полковые командиры являлись при немъ безусловно только исполнителями его приказаній, и непосредственнаго вліянія на полкъ имѣть уже не могли.

Первый годъ командованія Сталя прошелъ на линіи спокойно, безъ военныхъ дѣйствій. И это было какъ нельзя болѣе кстати—полку нужно было поправиться послѣ потерь въ персидскомъ походѣ, въ Чечнѣ и безпрерывно тревожной службѣ на Кубани. Съ весною 1808 года Сталь собралъ весь полкъ въ Георгіевскъ, и горячія ученья продолжались отъ весны до глубокой осени по два раза въ день—утромъ конныя, вечеромъ пѣшія. Полковыя мастерскія были завалены работами. Предусмотрительный Сталь точно предвидѣлъ близкую возможность похода за снѣговыя горы—въ Грузію, и торопился поставить полкъ на такую степень боевой исправности, которая могла бы служить ему залогомъ будущихъ военныхъ успѣховъ ([12]).

Въ Грузіи дѣла принимали, дѣйствительно, все болѣе и болѣе серьезный оборотъ. Одновременныя войны, персидская и турецкая, требовали отъ Закавказья полнаго напряженія силъ, и въ началѣ 1808 года съ линіи былъ вызванъ туда Борисоглѣбскій полкъ, который поспѣлъ къ осадѣ Эривани. Штурмъ этой крѣпости, какъ извѣстно, окончился полной неудачей, и войскамъ пришлось испытать бѣдственное отступленіе среди глубокой, снѣжной зимы, когда въ горахъ бушевали мятели и морозы доходили до 15 градусовъ. Солдаты грузли въ снѣгу по поясъ, и главнокомандующій долженъ былъ выслать впередъ цѣлыя части пѣхоты, чтобы расчищать дорогу лопатами; но, несмотря на всѣ принятыя мѣры, до тысячи человѣкъ изъ отряда погибли отъ стужи. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ былъ Борисоглѣбскій полкъ, который лишился всѣхъ своихъ лошадей и вернулся пѣшимъ. Гудовичъ, приписывая послѣднее обстоятельство нераспорядительности шефа, отрѣшилъ его отъ должности, а полкъ, какъ безполезный для Закавказья, отправилъ обратно на линію ([13]). На его-то мѣсто и былъ потребованъ въ Грузію нашъ Нижегородскій полкъ, перечисленный въ то же время изъ 19-й въ 20-ю пѣхотную дивизію, въ которой, вмѣстѣ съ Нарвскимъ полкомъ, долженъ былъ образовать кавалерійскую бригаду генерала Портнягина ([14]). Извѣстіе объ этомъ Сталь получилъ въ Екатериноградѣ въ самомъ концѣ 1808 года, когда эскадроны уже распущены были на зимовыя квартиры. Имъ тотчасъ дали знать, и во всемъ полку закипѣла лихорадочная дѣятельность. По-

ходъ въ далекую Грузію, служившую тогда ареною почти постоянныхъ войнъ, имѣлъ свои заманчивыя стороны, и Нижегородцы, не безъ основанія, могли разсчитывать найти для себя тамъ болѣе широкую боевую дѣятельность, чѣмъ та, которая предстояла имъ на Кавказской линіи.

Такъ совершилось это перемѣщеніе, получившее огромное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу Нижегородскаго полка. Будь Борисоглѣбскій полкъ въ бо́льшей исправности, Нижегородцы остались бы на линіи, и передъ началомъ отечественной войны ушли въ Россію. Конечно, и тогда Нижегородскій полкъ, уже богатый духовною мощью и славными преданіями, не затерялся бы безслѣдно въ общей массѣ русскихъ военныхъ силъ, но судьбы его были бы—совершенно иныя.

1803–1812.

VII.

Въ предѣлахъ Грузіи.

(1809—1812).

Походъ въ Грузію.—По военно-грузинской дорогѣ.—На границахъ Персіи и Турціи.—Эскадронъ Саликова въ бою съ Лезгинами.—Участіе полка въ имеретинскомъ походѣ.—Защита имъ Карталиніи.—Трудная экспедиція въ Осетію.—Ломоанасхевское и Джавское ущелья.—Въ сердцѣ Осетіи.—Подъ стѣнами Ахалцыха.—Квартиры въ Сурамѣ, Чалахъ и Караагачѣ.—Новый вопросъ объ отозваніи Нижегородскаго полка въ Россію.

Походъ въ Грузію, которымъ открывается новая долговременная полоса Кавказской жизни Нижегородскаго полка, начался 9 апрѣля 1809 г.

Въ этотъ именно день три эскадрона Нижегородцевъ, собранные въ Георгіевскѣ, выступили въ Екатериноградъ, гдѣ присоединились къ нимъ остальные два эскадрона, и полкъ 29 апрѣля былъ уже во Владикавказѣ (1).

Владикавказъ былъ въ то время еще небольшою крѣпостцою, съ только что возникавшимъ подъ ея стѣнами бѣднымъ форштадтомъ, въ которомъ жило смѣшанное населеніе русскихъ и горцевъ. Но и тогда уже крѣпость имѣла важное стратегическое значеніе для края, хотя въ убогой слободкѣ трудно было предвидѣть будущій городъ, съ его неотразимымъ вліяніемъ на всѣ условія общественной жизни Сѣвернаго Кавказа.

Отсюда начинается уже переѣздъ черезъ горы, и дорога, пройдя всего верстъ пять по равнинѣ, вступаетъ въ ущеліе Терека. Въ то время, когда Нижегородцы шли къ Тифлису, не было еще и слѣдовъ прекрасной военно-грузинской дороги, которая теперь поражаетъ путника своими гигантскими сооруженіями. Это былъ дѣвственный, еще не тронутый руками человѣка путь, представлявшій величайшія затрудненія, какъ со стороны природы, такъ и обитавшихъ на немъ хищныхъ и полудикихъ людей. Мѣстные жители, правда, помнили еще, какъ лѣтъ за 25 передъ тѣмъ, Потемкинъ, взрывая каменныя глыбы, проложилъ въ скалахъ дорогу, по которой проѣхалъ восьмерикомъ въ коляскѣ; но никѣмъ не поддерживаемая, дорога эта давно уже обвалилась, и нашихъ Нижегородцевъ встрѣтила та же, которая въ теченіе тысячелѣтій непроходимою гранью лежала между народами Сѣвера и Юга.

Первый ночлегъ Нижегородцевъ былъ въ Ларсѣ. Драгуны, видавшіе горную природу Чечни и Кабарды, не разъ слыхавшіе ревъ величаваго Баксана и грознаго Самура, были тѣмъ не менѣе поражены суровыми картинами Большого Кавказа, наводящаго, по выраженію одного писателя, ужасъ на непривычнаго человѣка. Ларсъ лежалъ на уступѣ высокой горы, на который надо было карабкаться съ неимовѣрнымъ трудомъ, чтобы увидѣть нѣсколько выдолбленныхъ каменныхъ ямъ, изъ которыхъ и состояли всѣ постройки деревни. Единственно, что было здѣсь замѣчательнаго,—это красивый, мрачной архитектуры замокъ, принадлежавшій князю Ахмату Дударову. Прилѣпленный къ скалѣ, онъ висѣлъ надъ самымъ Терекомъ, ревущимъ въ такой глубинѣ, что изъ оконъ замка виднѣлась только бѣлая, бѣшено сверкающая пѣна. Далѣе, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда лежало грозное Дарьяльское ущелье, и Нижегородцы,

попавшіе въ этотъ узкій каменный корридоръ, не знали, чему удивляться болѣе—величію ли дикой горной природы, или опасностямъ, которыя окружали ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ тѣ времена сообщенія возможны были тамъ только по тропамъ, проложеннымъ напрямикъ черезъ каменныя громады, и если тропа внезапно перерывалась обрывомъ въ нѣсколько десятковъ саженей глубины—приходилось или искать другую дорогу, или подниматься по зыбкимъ, сплетеннымъ изъ вѣтвей, лѣстницамъ уже прямо на отвѣсныя скалы. Люди еще кое-какъ карабкались, но лошадей и повозки втаскивали туда на веревкахъ. Мѣстами дорога поднималась на самые льды Казбека, и зигзаги ея совсѣмъ исчезали въ тучахъ. Но еще болѣе трудностей пришлось испытать нашему полку при перевалѣ черезъ Крестовую и Гутъ-гору, на высотѣ свыше девяти тысячъ футовъ. Вся эта мѣстность была завалена глыбами подтаявшаго снѣга, скрывавшаго подъ собою бездонныя пропасти, и только высокіе шесты съ насаженными на нихъ цвѣтными тряпицами или конскими черепами, указывали направленіе, котораго надо было держаться. Чтобы судить о трудностяхъ тогдашняго похода черезъ горы, довольно сказать, что на небольшой переходъ въ 17 верстъ отъ Коби до Кайшаура Нижегородцамъ пришлось употребить цѣлые четыре дня ([2]), и только 16 мая прибыли они наконецъ въ Гартискаръ, гдѣ расположились лагеремъ на Мухранскомъ полѣ ([3]).

Положеніе Закавказскаго края въ то время было смутное и затруднительное: Персія и Турція объявили войну, на сѣверѣ волновалась Осетія, съ юга грозили лезгины; Имеретія стремилась отъ насъ отложиться, и даже единовѣрная Грузія, подъ вліяніемъ козней царевича Александра, готовилась перейти на сторону нашихъ враговъ. Можно сказать положительно, что въ ней едва ли была въ то тяжелое время хотя одна дворянская или княжеская фамилія, которая не имѣла бы своего представителя въ непріятельскомъ лагерѣ ([4]).

Передъ малочисленными русскими войсками, охранявшими Закавказье, со всѣхъ сторонъ вставала опасность. Главнокомандующій Кавказскимъ краемъ генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ, сосредоточивъ главныя силы въ м. Саганлугѣ, стоялъ въ выжидательномъ положеніи, охраняя большую дорогу отъ Тифлиса на Гумри. Но Грузія имѣла тысячи другихъ дорогъ для такого непріятеля, какъ персіяне, преимущественно конные, и двигавшіеся притомъ безъ артиллеріи и обозовъ. Въ лицѣ ихъ мы имѣли

передъ собой не открытаго противника, а хищника, хлопотавшаго только о томъ, чтобы разорить селенія, сжечь поля, захватить плѣнныхъ или отогнать жительскій скотъ,—и вотъ почему въ этотъ періодъ кампаніи дѣятельность нашихъ войскъ ограничивалась только утомительными и почти всегда безрезультатными погонями.

Нижегородскій драгунскій полкъ, вызванный изъ Гартискара въ Саганлугъ, принималъ участіе во всѣхъ движеніяхъ корпуса, и ему въ короткое время пришлось перебывать и на эриванской границѣ, и у Шамхора и въ старой Ганжѣ и у озера Гокчи ([5]). Вездѣ, гдѣ появлялись наши войска, персіяне отступали, и длинный рядъ походовъ грозилъ стать безконечнымъ. Вскорѣ, однакоже, скучная и монотонная служба эта была перервана для нашихъ Нижегородцевъ новыми тревожными вѣстями, пришедшими изъ Грузіи. Генералъ Ахвердовъ, командовавшій войсками въ Тифлисѣ, писалъ, что царевичъ Александръ прибылъ въ Ахалцыхъ и вмѣстѣ съ имеретинскимъ царемъ Соломономъ замышляетъ вторженіе въ Карталинію. Опасность могла угрожать Тифлису, и Тормасовъ, поспѣшно передвинувшись къ Цалкѣ, чтобы быть ближе къ Ахалцыху, послалъ въ Сурамъ, для наблюденія за Имеретіей, двѣ роты Кабардинскаго полка и Нижегородскій эскадронъ капитана Саликова ([6]). Въ лицѣ этого эскадрона Нижегородцамъ и пришлось выдержать первое столкновеніе съ непріятелемъ, болѣе отважнымъ и дерзкимъ, чѣмъ персіяне.

5-го сентября утромъ, когда драгуны заняты были уборкой лошадей, въ Сурамъ дали знать, что неподалеку идетъ жаркое дѣло. Эскадронъ, вызванный по тревогѣ, тотчасъ пошелъ на рысяхъ, а за нимъ пошли и двѣ кабардинскія роты. Оказалось, что ночью лезгины спустились съ ахалцыхскихъ горъ, разграбили двѣ-три пограничныя деревни, но на возвратномъ пути были настигнуты грузинскою милиціею. Доблестные князья Карталиніи, Аваловъ, Амираджибовъ и Половандовъ, первые кинулись на непріятеля,—и ни одинъ изъ нихъ не вернулся: Аваловъ былъ убитъ наповалъ, Амираджибовъ получилъ смертельную рану, Половандовъ пропалъ безъ вѣсти. Смущенные потерей начальниковъ, грузины не смѣли вторично напасть на лезгинъ и только слѣдили за ними издали. Въ эту минуту прискакалъ изъ Сурама Саликовъ съ своимъ эскадрономъ. Лезгины тотчасъ остановились. Привыкшіе къ побѣдамъ надъ слабою грузинскою милиціей, они съ тѣмъ же пренебреженіемъ отнеслись теперь и къ этой горсти невиданныхъ доселѣ всадниковъ, пришедшихъ, какъ имъ говорили,

съ далекаго сѣвера. Въ свою очередь Нижегородцы, уже знакомые съ черкесскою конницею, не видѣли въ лезгинахъ, противниковъ, для себя опасныхъ,—и съ мѣста ринулись въ сабли. Что произошло затѣмъ—не поддается описанію. Въ одно мгновеніе два непріятельскія знамени вѣяли уже въ рукахъ Нижегородцевъ, 60 лезгинъ лежали на землѣ изрубленные, а остальные, охваченные паникой, мчались въ разныя стороны. Только лучшіе абреки съ самимъ Нуръ-Магометомъ, предводительствовавшимъ партіей, засѣли въ ближайшемъ лѣсу и наскоро огородились заваломъ. Нижегородцы спѣшились; они знали, во что обойдется штурмъ лѣсной баррикады, и рѣшили до прибытія пѣхоты держать непріятеля въ блокадѣ. Пока шла перестрѣлка, къ намъ подоспѣли двѣ кабардинскія роты, и тотчасъ направились въ лѣсъ. Тогда драгуны вскочили на коней и, переплывъ Куру, отрѣзали лезгинамъ отступленіе. Пораженіе враговъ было полное. Самъ Нуръ-Магометъ былъ убитъ, и только немногимъ изъ его сподвижниковъ удалось уйти изъ-подъ ударовъ драгунъ, чтобы принести въ горы вѣсть о гибели партіи ([7]).

Такова была первая встрѣча Нижегородцевъ съ лезгинами, первый дебютъ ихъ на новомъ театрѣ войны,—дебютъ, стоившій головы одному изъ лучшихъ лезгинскихъ белладовъ, о которомъ долго еще пѣли грузинскіе сазандары. И впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что блестящая побѣда вырвала изъ рядовъ драгунъ только трехъ человѣкъ: одинъ былъ убитъ, одинъ раненъ, да еще одинъ вмѣстѣ съ лошадью утонулъ при переправѣ черезъ Куру ([8]). Народная молва, не замедлившая разнести разсказъ объ этомъ побоищѣ по всѣмъ деревнямъ Ахалцыхскаго пашалыка, откликнулась стоустымъ эхомъ въ горахъ Лезгистана,—и боевая репутація Нижегородцевъ была установлена сразу.

Капитанъ Саликовъ награжденъ былъ за это дѣло орденомъ св. Владиміра 4 ст. ([9]).

Пораженіе турецкихъ лезгинъ, успокоившее до нѣкоторой степени край, и глубокая осень, заставившая персіянъ прекратить свои набѣги, дали наконецъ Тормасову возможность сосредоточить все свое вниманіе на дѣла Имеретіи, откуда въ тотъ моментъ угрожала Грузіи наибольшая опасность. И Нижегородскій полкъ, получившій приказаніе на зиму расположиться на ея границахъ, занялъ Сурамъ—небольшое мѣстечко, имѣвшее у себя старинную крѣпость, отъ которой теперь остались только развалины ([10]).

Вся зима прошла въ безплодныхъ переговорахъ съ царемъ Соломономъ, а въ февралѣ 1810 года русскія войска вступили въ Имеретію. Нижегородскій полкъ остался, однако, въ Сурамѣ. Въ странѣ, покрытой сплошными дѣвственными лѣсами, гдѣ не было ни селъ, ни деревень въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, гдѣ населеніе гнѣздилось въ отдѣльныхъ хижинахъ, разбросанныхъ среди непроходимыхъ болотъ, кавалеріи дѣлать было нечего, и Тормасовъ возложилъ на Нижегородскій полкъ обязанность—сторожить границы и доставлять войскамъ провіантъ, котораго въ самой Имеретіи достать было невозможно. Какъ ни казалась скромною роль, отводимая Нижегородцамъ въ общемъ ходѣ военныхъ событій, но они и въ этой роли оказали дѣлу серьезную помощь, о которой свидѣтельствуетъ главнокомандующій. «Успѣхъ военныхъ дѣйствій въ странѣ бѣдной средствами, покрытой болотами и лишенной путей сообщеній», писалъ онъ военному министру: «зависѣлъ прежде всего отъ своевременной доставки войскамъ провіанта. И если это было сдѣлано, то по самой истинѣ должно быть отнесено только къ неусыпнымъ попеченіямъ командира Нижегородскаго полка полковника Сталя. Не взирая на чрезвычайныя трудности въ доставленіи хлѣба, онъ истощилъ на сіе всевозможное стараніе и успѣлъ оный въ полной мѣрѣ препроводить въ такое время, когда уже настояла въ томъ крайняя необходимость». И дѣйствительно, все это время подъ прикрытіемъ пѣшихъ драгунскихъ командъ черезъ Сурамскій перевалъ безконечной вереницей тянулись массы аробъ, а когда послѣднихъ недоставало, Нижегородцы вьючили хлѣбъ и перевозили его на своихъ верховыхъ коняхъ. Тормасовъ обратилъ особое вниманіе на эту дѣятельность полка, и по его ходатайству Сталь награжденъ былъ алмазными знаками ордена св. Анны 2 ст. ([11]).

Такимъ образомъ непосредственнаго участія въ военныхъ дѣлахъ Нижегородскому полку на этотъ разъ принять не пришлось; но въ заключительномъ эпизодѣ ихъ онъ появляется опять въ той же мирной, но дѣятельной и полезной роли. Когда низложенный съ престола, царь Соломонъ отправленъ былъ въ Тифлисъ, и ночевалъ въ селеніи Дебри между Сурамомъ и Гори, Сталь, по личной своей иниціативѣ, скрытно передвинулъ сюда цѣлый эскадронъ нижегородскихъ драгунъ и оцѣпилъ имъ всѣ выходы изъ дома, гдѣ ночевала царская свита. Предосторожность эта оказалась какъ нельзя болѣе кстати. Близость осетинской границы была такъ соблазнительна, что царь три раза въ одну и ту же ночь пытался

бѣжать, и три раза, натыкаясь на драгунскіе секреты, долженъ былъ возвращаться назадъ безъ успѣха ([12]).

Предусмотрительность Сталя въ данномъ случаѣ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что позже Соломонъ привелъ таки свой планъ въ исполненіе и бѣжалъ изъ Тифлиса, воспользовавшись оплошностью приставленнаго къ нему караула. Бѣгство его повело за собою цѣлый рядъ серьезныхъ осложненій во всемъ Закавказьѣ: въ Имеретіи опять вспыхнулъ мятежъ, опять заволновалась Осетія, а персіяне, соединившись съ турками, заняли Ахалкалаки, чтобы отсюда вторгнуться въ Грузію. Тормасовъ поспѣшно сосредоточилъ главныя силы въ центральной позиціи около Цалки, куда перешли изъ Сурама и три эскадрона Нижегородскаго полка, а оборону Карталиніи, со стороны Осетіи, поручилъ полковнику Сталю, какъ человѣку, «выдающемуся своею боевою опытностью, дѣятельностью и усердіемъ къ службѣ». Подъ командою Сталя находились два остальные эскадрона Нижегородцевъ и шесть ротъ егерей, сосредоточенныхъ около Гори ([13]).

Чѣмъ ближе надвигалась опасность, тѣмъ предпріимчивѣе, отважнѣе и рѣшительнѣе становились русскіе военачальники. Тормасовъ не хотѣлъ ждать нападенія, а самъ отправилъ небольшой отрядъ прямо черезъ снѣговыя горы съ тѣмъ, чтобы атаковать непріятеля. Въ бурную, ненастную ночь съ 4-го на 5-е сентября отрядъ этотъ въ глубокой тишинѣ приблизился къ непріятельскому стану и внезапнымъ ударомъ въ штыки на голову разбилъ и персіянъ и турокъ. Самъ ахалцыхскій паша, царевичъ Александръ и эриванскій сардарь едва спаслись полуодѣтые, посреди неописаннаго смятенія своихъ нестройныхъ полчищъ. Это была та знаменитая побѣда, одержанная двумя батальонами надъ десяти-тысячнымъ союзнымъ корпусомъ, которая, по словамъ императора Александра 1-го, «должна послужить потомству примѣромъ въ томъ, что храбрость, трудъ и усердіе замѣняютъ численность, побѣждаютъ природу и торжествуютъ надъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ». И лѣтопись Нижегородскаго полка должна вписать на свои страницы, что въ числѣ участниковъ этого памятнаго боя былъ одинъ изъ Нижегородцевъ, капитанъ Любецкій 1-й, исправлявшій въ отрядѣ должность походнаго квартирмейстера. Онъ командовалъ въ бою одною изъ атакующихъ колоннъ, и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. ([14]).

Послѣ того какъ Карталинія была обезпечена со стороны персидскихъ и турецкихъ границъ, надо было торопиться покончить съ Осетіей,

и эспедиція была поручена полковнику Сталю съ его карталинскимъ отрядомъ. Время года стояло уже позднее, а природа Осетіи и безъ того угрюма и непривѣтлива. Три четверти года доступъ въ нее или совсѣмъ невозможенъ, или сопряженъ съ непреодолимыми трудностями. Растительность бѣдна, климатъ суровъ. Тамъ вѣчное царство зимы, и мятели свирѣпствуютъ въ теченіе почти девяти мѣсяцевъ къ ряду.

Какъ сурова природа, такъ были суровы и условія жизни самаго осетинскаго народа. Вѣчною опасностію грозили ему и стихіи, посреди которыхъ онъ жилъ, и сосѣди, которые его окружали. Въ этой странѣ, гдѣ право сильнаго было почти единственно примѣнимымъ и дѣйствительнымъ правомъ, по вершинамъ скалъ, какъ птичьи гнѣзда, лѣпились крѣпкія башни, издали придававшія разбросаннымъ вокругъ нихъ селеніямъ красивый и оригинальный видъ. И всѣ знали, что за крѣпкими стѣнами этихъ замковъ искони жили цѣлыя разбойничьи фамиліи, совладать съ которыми было не легко.

Душою осетинскаго возстанія въ то время былъ бѣглый грузинскій царевичъ Леванъ, успѣвшій собрать значительныя силы, а русскій отрядъ, которому предстояла борьба въ этой мѣстности, напротивъ былъ небольшой и состоялъ всего изъ шести ротъ егерей, да двухъ эскадроновъ Нижегородцевъ. Но и этотъ небольшой отрядъ Сталю пришлось раздѣлить на двѣ части, чтобы прорваться въ Осетію одновременно съ двухъ разныхъ сторонъ—черезъ Ломоанасхевское и Джавское ущелья. Войска раздѣлены были по ровну: правую колонну, полковника Сталя, составили три роты егерей и шефскій эскадронъ Нижегородцевъ, а лѣвую, маіора Потлога,—эскадронъ его имени и также три егерскія роты ([15]).

Ломоанасхевское ущелье, куда направилась колонна Сталя, представляло собою совершенно дикую и бездорожную мѣстность, гдѣ снѣговыя вершины чередовались съ глубокими пропастями. И русскія войска, то скрываясь за тучами, то опускаясь на самое дно душныхъ и темныхъ проваловъ, гдѣ приходилось переправляться черезъ бѣшеные потоки, грозившіе гибелью тому, кто попытался бы пренебречь быстротою ихъ волнъ, двигались медленно, шагъ за шагомъ,—и тѣмъ не менѣе, къ свѣту 29 сентября, внезапно явились передъ селеніями арагвскихъ осетинъ. Тамъ въ это самое время случилось болѣе двухъ тысячъ вооруженныхъ людей, собранныхъ случайно для принесенія присяги царевичу Левану. Но застать осетинъ врасплохъ не удалось, и наши войска встрѣчены были сильнымъ

ружейнымъ огнемъ. Начался приступъ. Выбитые изъ одного селенія, осетины перебѣгали въ другое; теряя его, защищались въ третьемъ,—и бой съ семи часовъ утра, не перерываясь, шелъ до пяти часовъ пополудни. Наконецъ взята была послѣдняя деревня, и Нижегородскій эскадронъ, выдвинутый впередъ съ штабсъ-капитаномъ Бортовымъ, неотступно гналъ непріятеля по горамъ до самой Мармазети. Здѣсь осетины остановились; но какъ только къ драгунамъ подошли егеря,—и это селеніе взято было приступомъ. Одну изъ башенъ осетины отстаивали съ такимъ упорствомъ, что ее пришлось взорвать на воздухъ, и подъ развалинами погибли всѣ ея защитники. Былъ убитъ при этомъ и самъ Дурмишханъ-Туси-Швили, предводительствовавшій въ тотъ денъ арагвскими осетинами.

На другой день прибылъ въ Мармазети и отрядъ маіора Потлога, прошедшій черезъ Джавское ущелье. Тамъ нашимъ войскамъ приходилось сражаться уже въ области вѣчныхъ снѣговъ и тумановъ, среди дремучихъ лѣсовъ, и угрюмо смотрѣвшихъ на нихъ закоптѣлыхъ башенъ и старыхъ феодальныхъ замковъ. Тамъ встрѣтилъ ихъ самъ царевичъ Леванъ, и пять позицій, послѣдовательно занимаемыхъ имъ одна за другою, взяты были штурмомъ. Разбитый царевичъ, покинутый своими сторонниками, бѣжалъ и скрылся у Нарскихъ осетинъ, живущихъ по ту сторону снѣговыхъ горъ, въ сосѣдствѣ съ Кабардою. У входа въ мрачное Нарское ущелье, остановился и Сталь, перешедшій сюда со всѣмъ отрядомъ изъ Мармазети. Теперь онъ находился въ самомъ центрѣ Осетіи. Идти дальше, за снѣговой перевалъ, не было возможности, и войска ограничились тѣмъ, что выжгли всѣ окрестныя селенія и уничтожили всѣ каменныя башни и замки ([16]). Въ мѣстахъ, гдѣ теперь стояли русскія войска, осетины еще никогда не видѣли вражескаго нашествія, и ихъ увѣренность въ недоступности своихъ жилищъ, огражденныхъ подоблачными высями, была уничтожена сразу. Народъ впалъ въ уныніе. Почетнѣйшіе осетинскіе старшины явились къ Сталю съ просьбой о пощадѣ, и были отправлены въ Тифлисъ, гдѣ принесли присягу на подданство русскому государю. Осетія смирилась. Покинутый всѣми, Леванъ долженъ былъ бѣжать въ Ахалцыхъ, но на пути наткнулся на шайку разбойниковъ и былъ убитъ какимъ-то лезгиномъ.

«Трудная осетинская экспедиція, подъ опытнымъ распоряженіемъ мужественнаго и отлично-усерднаго полковника Сталя», писалъ главнокомандующій военному министру, — «совершилась съ полнымъ успѣхомъ, и я

прошу употребить благосклонное ходатайство ваше о награжденіи лицъ, участвовавшихъ въ ней, особенно же полковника Сталя» ([17]).

Съ своей стороны, Сталь, донося о результатахъ экспедиціи, не находилъ возможнымъ указать на кого-либо изъ отличившихся. «Въ этой экспедиціи», писалъ онъ, «всѣ работали одинаково»,—и онъ ограничился тѣмъ, что приложилъ общій списокъ офицеровъ, находившихся въ походѣ. Въ Нижегородскихъ эскадронахъ это были: штабсъ-капитанъ Бортовъ, поручики Ермаковскій и Смирновъ, подпоручикъ Бантышъ, и прапорщики Дьяковъ и Ниткачевъ. Всѣ шестеро и были награждены орденами св. Анны 3 ст. съ бантомъ; командиръ эскадрона маіоръ Потлогъ получилъ владимірскій крестъ, а Сталь произведенъ въ генералъ-маіоры ([18]).

Энергическія дѣйствія русскихъ войскъ настолько измѣнили положеніе Закавказья, что Тормасовъ, несмотря на зимнее время, рѣшился самъ перейти въ наступленіе, и овладѣть Ахалцыхомъ. Съ этою цѣлью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, войска опять сосредоточиваются въ Цалкѣ, куда изъ Сурама перешелъ и Нижегородскій полкъ, въ составѣ пѣшаго батальона, подъ командой маіора Потлога ([19]). Ближайшимъ путемъ черезъ Боржомское ущелье войска вошли въ турецкіе предѣлы, и 16 октября обложили Ахалцыхъ. На слѣдующій день Нижегородскій батальонъ, назначенный въ штурмовую колонну, участвовалъ въ занятіи съ боя пригороднаго форштадта и высотъ, на которыхъ въ ту же ночь поставили осадныя батареи ([20]). Началось бомбардированіе города. Турецкія орудія умолкли одно за другимъ, Ахалцыхъ пылалъ, стѣны во многихъ мѣстахъ рушились. При такихъ условіяхъ крѣпость долго держаться не могла; но, къ сожалѣнію, на девятый день осады въ русскомъ лагерѣ вдругъ обнаружились признаки чумной заразы, занесенной, какъ оказалось, изъ крѣпости. Тормасовъ вѣрно оцѣнилъ послѣдствія, которыми могло сопровождаться дальнѣйшее пребываніе войскъ въ зачумленномъ краѣ, и какъ ни близко казалось покореніе Ахалцыха, онъ рѣшилъ лучше пожертвовать военною славой и отступить отъ крѣпости, чѣмъ подвергнуть Грузію новымъ бѣдствіямъ, сопряженнымъ съ губительною заразою ([21]).

По возвращеніи изъ Турціи войска распущены были на зимовыя квартиры. Штабъ и два эскадрона Нижегородскаго полка попрежнему стали въ Сурамѣ, другіе два эскадрона въ д. Али, и одинъ въ д. Чалахъ, въ имѣніи князей Амилахвари ([22]). Тутъ въ первый расъ услыхали Нижегородцы имя, которому позднѣе, полвѣка спустя, судьба отводила на страницахъ полковой исторіи такое видное и почетное мѣсто.

Мирно встрѣтилъ Нижегородскій полкъ новый 1811-й годъ. Но этотъ новый годъ принесъ ему не мало заботъ и тревогъ за будущее, которое опять грозило отторгнуть его отъ Кавказа. Паулуччи, смѣнившій Тормасова въ командованіи Грузинскимъ корпусомъ, снова поднялъ старый вопросъ о замѣнѣ драгунскихъ полковъ донскими казаками, и писалъ военному министру: «три кампаніи, мною здѣсь сдѣланныя, убѣдили меня, что драгуны, коихъ я видѣлъ въ дѣйствіяхъ, не приносятъ пользы противъ такого непріятеля, съ какимъ здѣсь имѣемъ дѣло, и что они могутъ быть употреблены только для обезпеченія коммуникацій, т. е. для службы несообразной съ ихъ установленіями, а тѣмъ болѣе несоразмѣрной съ издержками на ихъ содержаніе». Поэтому онъ просилъ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, стоявшихъ въ Грузіи, возвратить на Сѣверный Кавказъ, а другой совсѣмъ отправить въ Россію. «Но такъ какъ шефъ Нижегородскаго драгунскаго полка генералъ Сталь», прибавлялъ Паулуччи, «офицеръ отличный во всѣхъ отношеніяхъ, и по своимъ способностямъ и опытности со временемъ можетъ быть хорошимъ начальникомъ дивизіи въ Грузинскомъ корпусѣ, то полагаю, что отправить въ Россію слѣдуетъ Нарвскій полкъ, а Нижегородскій оставить на линіи, гдѣ большое количество обширныхъ полей дастъ ему способы отправлять свою службу съ большею пользою, нежели въ Грузіи» ([23]).

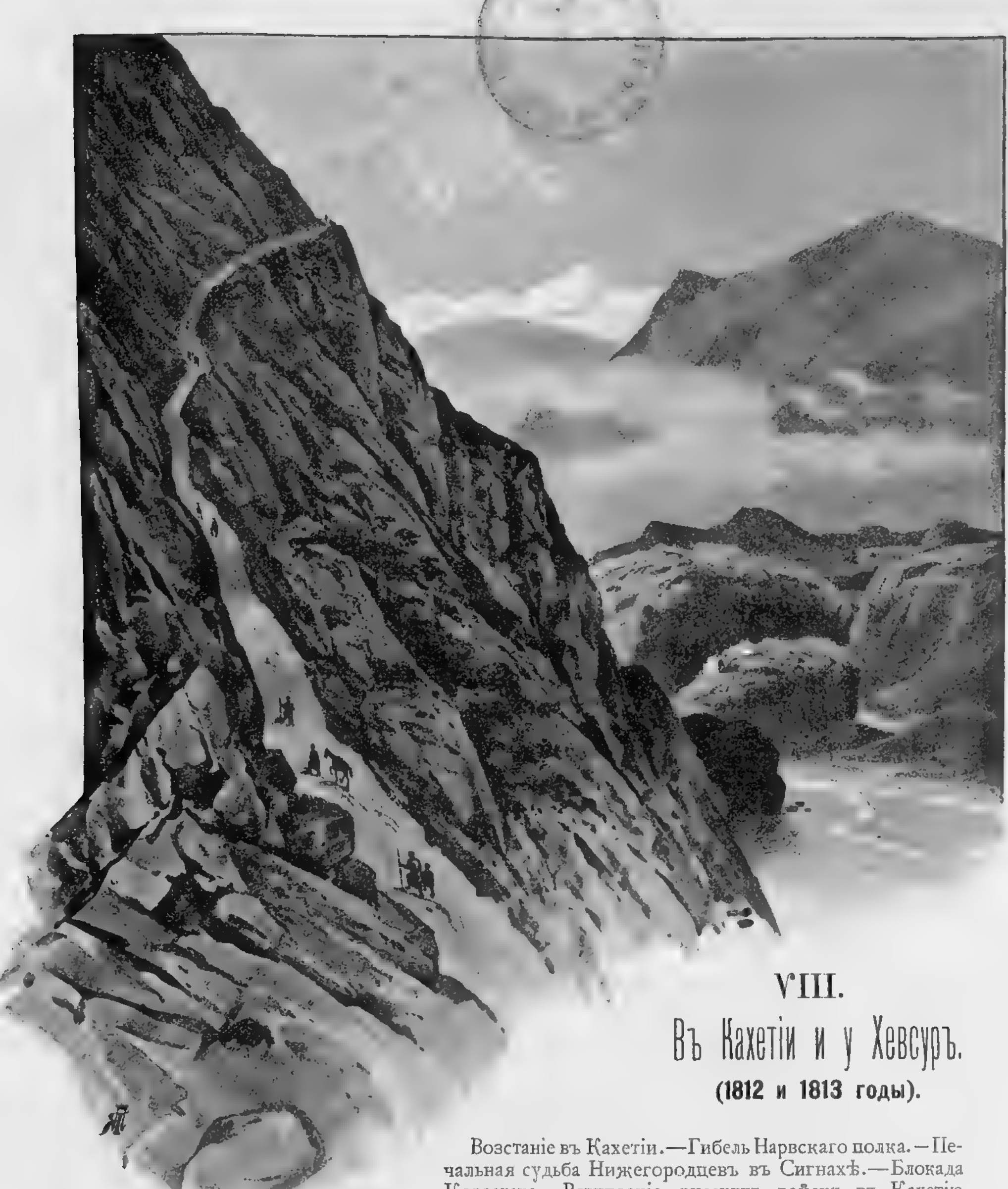
Это мнѣніе о непригодности драгунъ на Кавказѣ, какъ мы знаемъ, было не новое. Но если тогда, при первомъ поверхностномъ взглядѣ, подобное мнѣніе и могло еще находить себѣ сторонниковъ, то теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что сами главнокомандующіе не умѣли примѣнять драгунъ къ условіямъ страны, и извлекать изъ нихъ ту пользу, какую они могли и должны были приносить по своимъ прекраснымъ боевымъ качествамъ. Позднѣйшія событія вполнѣ подтверждаютъ это. Извѣстно, какую важную роль играли драгуны при покореніи Кавказа, и въ нашихъ дальнѣйшихъ войнахъ съ персіянами и турками.

Въ ожиданіи пока рѣшится вопросъ, затрогивавшій самые жизненные интересы полка, Нижегородцы были собраны лѣтомъ въ лагерь около города Гори, а одинъ эскадронъ ихъ отправленъ въ Кахетію, гдѣ расположился въ Караагачѣ для содержанія разъѣздовъ по берегу Алазани. На зиму туда же перешелъ и другой эскадронъ маіора Озерова, а остальные три зимовали въ Сурамѣ и Чалахъ ([24]).

Зимою пришло, наконецъ, давно ожидаемое рѣшеніе: Паулуччи дол-

женъ былъ отправить изъ Грузіи оба полка; но вопреки его представленію, Нарвскій полкъ оставался на линіи, а Нижегородскій назначался въ составъ 8-й кавалерійской дивизіи, расположенной въ Житомірѣ и причисленной къ 3-й западной арміи Тормасова. Маршрутъ полку былъ высланъ до Бахмута ([25]). Но пока Нижегородцы готовились къ походу, случилось одно обстоятельство, разстроившее всѣ соображенія Паулуччи, и доказавшее всю трудность исполненія предположенной имъ перемѣны. Этимъ событіемъ было возстаніе въ Кахетіи ([26]).

VIII.

Въ Кахетіи и у Хевсуръ.

(1812 и 1813 годы).

Возстаніе въ Кахетіи.—Гибель Нарвскаго полка.—Печальная судьба Нижегородцевъ въ Сигнахѣ.—Блокада Караагача.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Кахетію и прекращеніе возстанія.—Опять вопросъ о перемѣщеніи Нижегородскаго полка въ Россію.—Новыя препятствія.—Второй Кахетинскій бунтъ.—Нижегородцы въ Кахетіи.—Благородный образъ дѣйствій Сталя.—Временное затишье, и третій бунтъ кахетинцевъ.—Кордонная служба полка на военно-грузинской дорогѣ.—Печальные случаи въ домашней жизни Нижегородцевъ.—Страна Хевсуръ.—Суворовскій походъ въ горы.—Колонна Сталя въ борьбѣ въ Хевсурами.—Полкъ на Карабагской границѣ.—Нижегородцы поселяются въ Кахетіи.

Кахетинское возстаніе 1812 года было вызвано сложными обстоятельствами того времени; но то, что придало ему особенно острый характеръ,

заключалось въ несовершенствѣ русскаго управленія Закавказьемъ. Народъ много терпѣлъ отъ своеволія чиновниковъ, и со всѣхъ сторонъ сыпались жалобы на солдатъ, обращавшихся съ грузинами, какъ побѣдители съ побѣжденными [1]. Такимъ положеніемъ искусно пользовались враги Россіи, и рано или поздно, особенно при подстрекательствѣ бѣглыхъ грузинскихъ царевичей, находившихъ опору во многихъ грузинскихъ князьяхъ, катастрофа была неизбѣжна. Послѣднимъ поводомъ къ ней послужили военныя экзекуціи при сборѣ податей хлѣбомъ, котораго и сами жители не имѣли у себя въ достаточномъ количествѣ. Неудовольствіе народа, вызванное этимъ обстоятельствомъ, скоро превратилось въ ропотъ, а ропотъ перешелъ въ бунтъ, и 1-го февраля 1812 года открытое возстаніе широкою волной разлилось по цѣлой Кахетіи [2]. Началось повсемѣстное истребленіе русскихъ, расквартированныхъ по деревнямъ малыми командами и не готовыхъ къ оборонѣ. Нарвскій полкъ былъ уничтоженъ по частямъ почти весь, и самъ командующій войсками въ Кахетіи генералъ Портнягинъ, окруженный мятежниками въ деревнѣ Сагареджіо, едва успѣлъ прорваться съ остатками своихъ драгунъ, чтобы отступить къ Тифлису. Кахетія осталась безъ начальника. Города Телавъ и Сигнахъ были обложены. Укрѣпленный Телавъ успѣлъ еще кое-какъ отбиться, но въ Сигнахѣ весь гарнизонъ былъ вырѣзанъ.

Горькая участь постигла и нѣсколькихъ Нижегородцевъ изъ тѣхъ двухъ эскадроновъ, которые зимовали въ Караагачѣ. Случилось именно, что въ тотъ моментъ, когда вспыхнуло возстаніе, въ Сигнахѣ находилась на экзекуціи небольшая пѣшая команда драгунъ, въ составѣ 4-хъ унтеръ-офицеровъ и 43 рядовыхъ. При ней находились: самъ командиръ полка маіоръ Потлогъ, командиръ 4-го эскадрона маіоръ Озеровъ, четыре офицера и полковой аудиторъ. Драгуны были вырѣзаны вмѣстѣ съ гарнизономъ, на который грузины, какъ надо полагать, напали врасплохъ; но офицеры успѣли пробиться въ церковь, и тамъ заперлись. Мятежники, не желая тратить людей на открытый приступъ, прибѣгли къ вѣроломству, и одинъ изъ нихъ, по имени Давидъ-Картвили-Швили, впущенный въ церковь подъ видомъ парламентера, завѣрилъ офицеровъ честнымъ словомъ, что народъ успокоился, и что они свободно могутъ возвратиться въ Караагачъ. Но едва церковная дверь была отперта, какъ мятежники ворвались толпой, и помостъ христіанской церкви обагрился кровью: всѣ офицеры были перерѣзаны, подвергшись предварительно такимъ варвар-

скимъ истязаніямъ, о которыхъ Паулуччи даже не смѣлъ, какъ онъ пишетъ, докладывать государю. Такъ, вслѣдствіе гнусной измѣны, погибли въ Нижегородскомъ полку маіоры Потлогъ и Озеровъ, штабсъ-капитанъ Назаренко, поручикъ Ермаковскій, прапорщикъ Розенъ и аудиторъ Поповъ (3).

Въ Сигнахѣ, и по нынѣ возлѣ церкви, стоявшей когда-то внутри крѣпостной ограды, виденъ курганъ, полуосыпавшійся отъ времени и непогоды. Это могила русскихъ, умерщвленныхъ здѣсь нѣкогда во время кахетинскаго бунта (4).

Изъ числа Нижегородцевъ, бывшихъ въ тотъ роковой день въ Сигнахѣ, погибли, однако, не всѣ: одинъ офицеръ, поручикъ Янковскій, и девять нижнихъ чиновъ были тайно спасены тѣми грузинами, которые не хотѣли наложить на себя безславія ненужною жестокостью и варварствомъ. Разсказываютъ, что одна сострадательная дѣвушка успѣла провести Янковскаго сквозь разъяренную толпу и спрятать его въ отцовской маранѣ, въ огромный глиняный кувшинъ, гдѣ обыкновенно сохраняютъ вино. Солдаты также нашли убѣжище и пріютъ въ домахъ сосѣднихъ крестьянъ, среди которыхъ и теперь еще насчитываютъ нѣсколько дворовъ, освобожденныхъ правительствомъ отъ податей, именно за спасеніе въ то смутное время нѣсколькихъ нижегородскихъ драгунъ. Послѣ разсказа о вѣроломномъ поступкѣ и кровавомъ изувѣрствѣ однихъ, отрадно остановиться на высоко нравственномъ и благородномъ порывѣ другихъ, руководившихся только глубокимъ сознаніемъ долга и чести (5).

Когда волненіе въ окрестностяхъ нѣсколько утихло, Янковскій вмѣстѣ съ четырьмя рядовыми, Стародубовымъ, Зайченко, Кузьминымъ и Морозовымъ, отправились въ путь. Но такъ какъ дорога къ Караагачу была занята мятежниками, то имъ пришлось долго скитаться по лѣсамъ Кахетіи и Карталиніи, прежде чѣмъ удалось наконецъ добраться до Сурама; они прибыли туда только 5 апрѣля, послѣ шестинедѣльнаго опаснаго и утомительнаго странствованія (6).

Спустя нѣсколько дней, 13-го числа, въ Сурамъ пришли и еще четыре человѣка—всѣ жестоко израненные, именно: унтеръ-офицеръ Грошевъ и рядовые Дементьевъ, Пардуновъ и Глушинъ. Шелъ съ ними и пятый спасшійся товарищъ, рядовой Татаринцевъ; но онъ до того ослабѣлъ отъ ранъ и голода, что его принуждены были по пути бросить.

Потомъ узнали, что какіе-то сострадательные грузины нашли его въ лѣсу и привезли въ Тифлисъ, гдѣ онъ умеръ въ госпиталѣ (7). Такимъ образомъ потеря Нижегородцевъ въ Сигнахѣ состояла изъ пяти офицеровъ, одного чиновника и 39 нижнихъ чиновъ. Изъ числа погибшихъ маіоръ Озеровъ оставилъ послѣ себя жену и пять малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ правительство приняло на свое попеченіе (8). Не лишнее сказать, что маркизъ Паулуччи объявилъ впослѣдствіи амнистію всѣмъ кахетинцамъ, и что Давидъ Картвили-Швили, собственноручно зарѣзавшій двухъ русскихъ штабъ-офицеровъ, остался безъ всякаго наказанія.

Легкій успѣхъ въ Сигнахѣ далъ мятежникамъ мысль напасть на самый Караагачъ въ томъ расчетѣ, что эскадроны, лишившись большинства офицеровъ, будутъ обороняться слабо. Захватить Караагачъ врасплохъ, къ счастію, имъ не удалось. Драгуны дали дружный отпоръ, а вслѣдъ за тѣмъ къ нимъ стали собираться остатки нашихъ разбитыхъ отрядовъ: сначала подошли двѣ кабардинскія роты съ маіоромъ Орбеліани, потомъ рота 9-го егерскаго полка, и, наконецъ, явился подполковникъ Степановъ съ остатками кабардинскаго батальона, понесшаго большой уронъ въ дер. Бодбесхеви. Цѣлый день, съ утра до поздняго вечера, сражался Степановъ посреди деревни, объятой пламенемъ, и потерявъ нѣсколькихъ офицеровъ и болѣе двухсотъ нижнихъ чиновъ убитыми, долженъ былъ наконецъ отступить къ Караагачу. Въ Бодбесхеви сгорѣла тогда вся канцелярія Кабардинскаго полка, и погибъ подлинный рескриптъ императора Павла, пожалованный полку вмѣстѣ съ мальтійскими знаменами.

Несмотря на относительную силу отряда, собравшагося въ Караагачѣ, мятежники все-таки обложили постъ и держали его въ блокадѣ. Каждый день шли перестрѣлки, и въ одной изъ нихъ смертельно раненъ Нижегородскаго полка прапорщикъ Петровъ,—первая могила, положившая здѣсь начало будущему драгунскому кладбищу (9). Трудно сказать, чѣмъ бы окончилась эта осада, если бы въ Кахетію не прибылъ самъ главнокомандующій съ новыми войсками и не заставилъ мятежниковъ отступить на Іору. Караагачъ освободился, и гарнизонъ его, уже 12 дней питавшійся однимъ ячменемъ, заготовленнымъ для лошадей Нижегородскаго полка, передвинутъ былъ въ Сагареджіо, гдѣ ему поручили наблюдать за спокойствіемъ края. Паулуччи между тѣмъ двинулся къ Телаву, и двумя битвами, у монастыря Самебо и Велисцихе, покончилъ съ возстаніемъ.

Стоянка въ Сагареджіо только и осталась памятной нижегородскимъ эскадронамъ страшнымъ изнуреніемъ строевыхъ лошадей, которыя въ первое время питались одною мякиной, а послѣдніе пять-шесть дней и вовсе стояли безъ корма ([10]).

Быстрое прекращеніе кахетинскаго возстанія не замедлило выдвинуть на сцену старый, рѣшенный въ принципѣ вопросъ о перемѣщеніи съ Кавказа драгунскихъ полковъ, и Нижегородцы стали готовиться къ походу ([11]). Нарвскій полкъ, разстроенный большими потерями, еще прежде былъ выведенъ изъ Грузіи на линію, откуда три остальные полка, Борисоглѣбскій, Владимірскій и Таганрогскій, уже ушли въ Россію. Очередь была за Нижегородцами. Но въ тотъ моментъ, когда имъ оставалось только сѣсть на коней, чтобы слѣдовать къ Бухмуту,—въ Кахетіи вдругъ вспыхнулъ новый мятежъ, и походъ по необходимости пришлось отмѣнить. Какъ нѣкогда безпорядочное состояніе Борисоглѣбскаго полка привело Нижегородцевъ въ Грузію, такъ совершенное разстройство Нарвскаго—удержало ихъ теперь за Кавказомъ. Не будь этого обстоятельства, не испытай Нарвскій полкъ катастрофы—и Нижегородцы вышли бы на линію раньше его, и раньше были бы отправлены въ кавалерійскіе резервы, формировавшіеся тогда въ Брестѣ. Только вмѣшательству случая Нижегородскій полкъ и былъ обязанъ тѣмъ, что остался на Кавказѣ, и остался уже на долгіе, долгіе годы.

Второй кахетинскій бунтъ, оказавшій на судьбы Нижегородскаго полка такое огромное вліяніе, былъ уже дѣломъ тайныхъ происковъ царевича Александра, умѣвшаго искусно воспользоваться еще не улегшимся въ народѣ броженіемъ. Его приверженцы увлекли за собою массу простого темнаго люда, и вооруженныя шайки опять появились на Іорѣ и Алазани. Сталь, командовавшій тогда войсками въ Карталиніи, хотя и не имѣлъ тѣхъ же основаній бояться народной ненависти, какъ генералъ Портнягинъ, однако принялъ всѣ мѣры осторожности и собралъ войска свои въ Гори ([12]). Но Карталинія осталась спокойною, и новый главнокомандующій генералъ-лейтенантъ Ртищевъ поспѣшилъ отправить Сталя въ Кахетію, разсчитывая на ту популярность, которою онъ пользовался среди грузинскаго общества. Сталь съ двумя нижегородскими эскадронами прибылъ на Іору 10 мая и, присоединивъ къ себѣ здѣсь осиротѣлые эскадроны Потлога и Озерова, вмѣстѣ съ шестью кабардинскими ротами, двинулся на Велисцихе, гдѣ стояли главныя силы мятежниковъ, предводимыя князьями

Джорджадзе и Эристовымъ. Но прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, Сталь попытался окончить дѣло мирнымъ путемъ и пригласилъ обоихъ князей къ себѣ на свиданіе. Они явились. Сталь принялъ ихъ съ должнымъ почетомъ, долго бесѣдовалъ съ ними,—и результатомъ этого свиданія было то, что князья, возвратившись съ свой лагерь, тотчасъ распустили партіи. Мятежъ въ этой части края погашенъ былъ безъ выстрѣла. Тогда Сталь со всѣмъ отрядомъ двинулся къ Сигнаху, вездѣ возстановляя нарушенный порядокъ, обошелъ Телавскій уѣздъ, всю горную Кахетію, посѣтилъ большую часть за-алазанскихъ деревень, былъ въ Кварели и 31 мая вернулся опять къ Аллавердынскому монастырю. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о появленіи по ту сторону Алазани лезгинъ, пришедшихъ по призыву самихъ же кахетинцевъ, и теперь грозившихъ разорить тѣхъ, которые искали ихъ дружбы (13). Сталь въ одну ночь, со 2-го на 3-е іюня, перенесся съ Нижегородскимъ полкомъ къ д. Напареули, и своимъ появленіемъ заставилъ лезгинъ поспѣшно удалиться въ горы. Это и были первые шаги Нижегородцевъ въ защиту Кахетіи,—скоро сдѣлавшейся для нихъ родною.

Хлѣба между тѣмъ созрѣли, наступила страдная пора и жителямъ за полевыми работами некогда было предаваться политическимъ мечтаніямъ. Нижегородскій полкъ отозванъ былъ обратно въ Гори (14). Сталь предупреждалъ, однако, Ртищева, что затишью довѣрять нельзя, и что оно продлится, вѣроятно, только до половины сентября, когда окончится сборъ винограда. Такъ оно и случилось въ дѣйствительности. Осенью, какъ только царевичъ Александръ явился въ Тіонеты, Кахетія вся, какъ одинъ человѣкъ, двинулась къ нему на встрѣчу, чтобы провозгласить его царемъ и по древнимъ обычаямъ вѣнчать на царство въ стѣнахъ Аллавердынскаго храма. Но на пути стоялъ русскій отрядъ полковника Тихановскаго. Онъ разбилъ мятежниковъ около Шильде и отбросилъ ихъ къ лезгинской границѣ. Тогда на помощь къ кахетинцамъ явились тушины, пшавы, хевсуры и осетины. Они заняли всю военно-грузинскую дорогу, перервали сообщенія съ Россіей и даже появлялись у воротъ Тифлиса. Опасность, угрожавшая столицѣ Грузіи, была такъ велика, что для защиты ея пришлось притянуть изъ Гори весь Нижегородскій полкъ, который и простоялъ все лѣто въ Каджорахъ (15). Къ счастію, мятежники, осаждавшіе уже Пассанауръ, скоро были разбиты; но чтобы не дать имъ возможности вторично захватить дорогу, Нижегородскій полкъ передви-

нуть былъ въ Гартискаръ и эскадроны его расположились вдоль по Арагвѣ отъ Мцхета до Пассанаура ([16]).

А въ Кахетіи военныя дѣйствія шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ. Послѣ неудачъ, испытанныхъ подъ Телавомъ, потомъ у Велисцихе и Шильде, царевичъ Александръ съ отчаяніемъ, которое могло внушать ему только безвыходное положеніе, кинулся на Сигнахскую крѣпость, но былъ разбитъ снова и отброшенъ къ д. Манави, гдѣ произошло послѣднее и самое бѣдственное для инсургентовъ сраженіе.

4-го декабря Сталь съ двухъ сторонъ, изъ Ананура и Тифлиса, получалъ извѣстія, что царевичъ, покинутый народомъ, прискакалъ въ Тіонеты, въ сопровожденіи только двухъ служителей, но никто не зналъ куда онъ оттуда бросится. Ртищевъ полагалъ, однако, что ничего не было легче, какъ захватить царевича, если Сталь займетъ только всѣ горные проходы, пути и переправы, а въ самые Тіонеты направитъ эскадронъ, который, по его соображеніямъ, могъ поспѣть туда прежде, чѣмъ царевичъ принялъ бы какое-нибудь рѣшеніе.

Наблюдать всѣ воровскія тропы, которыми могъ пользоваться царевичъ на протяженіи болѣе ста верстъ, разумѣется, было нельзя; но Сталь тотчасъ же двинулся съ эскадрономъ вверхъ по Арагвѣ, чтобы усилить имъ посты къ сторонѣ Пассанаура, а другой полуэскадронъ отправилъ на Мухраванское поле. Въ Тіонеты онъ не послалъ никого, имѣя черезъ своихъ лазутчиковъ свѣдѣнія болѣе вѣрныя, нежели Ртищевъ, о томъ, что царевичъ давно уже у пшавовъ. Гораздо болѣе интересовалъ его слухъ о лезгинахъ и карталинскихъ князьяхъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, которые, покинувъ царевича и переправившись черезъ Куру, бѣжали Кавтасхевскимъ ущельемъ. Опасаясь, чтобы они не произвели безпорядковъ въ самой Карталиніи, Сталь поспѣшно отправилъ пѣшій эскадронъ и два конные взвода въ Горійскій уѣздъ, приказавъ имъ поступить въ распоряженіе тамошняго коменданта. Но содѣйствіе драгунъ не понадобилось и тамъ: лезгины, не смѣя нигдѣ остановиться, кратчайшимъ путемъ ускакали въ Ахалцыхъ, а карталинскіе князья по одиночкѣ разбрелись по своимъ помѣстьямъ, стараясь только, чтобы не быть открытыми и узнанными.

Зима, такимъ образомъ, прошла для Нижегородцевъ, собранныхъ опять въ Гартискаръ, спокойно, если не считать одного происшествія, нанесшаго полку значительный матеріальный ущербъ. Полкъ заготовилъ себѣ почти

15*

полугодовую пропорцію сѣна за переваломъ, въ д. Стефанъ-Цминде около Казбека, гдѣ для присмотра за нимъ оставался квартермистръ 5-го эскадрона Иванъ Зенинъ. Какая-то шайка, проходя черезъ деревню, случайно узнала объ этихъ запасахъ,—и сѣно сожгла, а Зенина, попытавшагося отстаивать казенное добро, убила (17). Это былъ уже одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ Кахетинскаго возстанія.

Былъ въ эту зиму и другой, еще болѣе печальный случай, возмутившій внутренній міръ Нижегородцевъ. Служилъ когда-то у нихъ въ полку рядовой, по имени Григорій Вишневскій, изъ ссыльныхъ поляковъ; онъ давно бѣжалъ и, правду сказать, о немъ уже позабыли, какъ вдругъ пронесся слухъ, что Вишневскій, сражавшійся противъ насъ въ рядахъ персіянъ, взятъ въ плѣнъ подъ Асландузомъ, и что Котляревскій препровождаетъ его обратно въ полкъ. Вишневскаго, дѣйствительно, привезли въ Гартискаръ, и Нижегородцамъ довелось стать свидѣтелями позорной казни, совершенной надъ нимъ черезъ повѣшеніе (18). Долго помнили въ полку этотъ прискорбный эпизодъ, въ которомъ отразилось время, не лишенное своихъ суровыхъ сторонъ (19).

Изъ Гартискара Нижегородцы разсчитывали, конечно, воротиться въ Грузію, на свои квартиры въ Сурамъ; но тутъ случилось одно обстоятельство, которое создало для нихъ необходимость новаго, въ высшей степени тежелаго похода. Бѣжавшій изъ Кахетіи, царевичъ Александръ нашелъ себѣ пріютъ у хевсуръ, а при такомъ опасномъ и близкомъ сосѣдствѣ его, Грузія никогда не могла успокоиться. Ртищевъ сознавалъ необходимость во что бы то ни стало покончить съ этимъ безпокойнымъ сосѣдомъ, но для этого надо было рѣшиться на экспедицію въ страну, о которой говорили, что послать туда войска значило то же, что похоронить ихъ заживо. Дѣйствительно, на цѣломъ Кавказѣ нѣтъ края суровѣе и неприступнѣе Хевсуріи. Гранитныя, уходящія въ небо скалы, дремучіе сосновые лѣса, бездонныя пропасти и безвыходныя ущелья, до которыхъ не достигаетъ даже солнечный лучъ—вотъ поразительно-величественная, хотя и дикая картина этой страны. И природа гармонируетъ здѣсь съ сумрачнымъ видомъ людей, суровыя лица которыхъ, кажется, не допускаютъ мысли объ улыбкѣ и весельи. Для обитателей этой страны—Хевсуровъ, въ теченіи вѣковъ не существовало никакихъ историческихъ событій и никакого прогресса. Забравшись подъ самые карнизы вѣчныхъ снѣговъ, оградившись ими, какъ неприступною гранью, они жили, не мѣняя

ничего ни въ формахъ своего общественнаго устройства, ни въ домашнемъ быту, ни даже въ костюмахъ и вооруженіи. Какъ столѣтія назадъ, такъ и теперь, Хевсуръ являлся съ головы до ногъ закованнымъ въ желѣзо: на головѣ шишакъ съ кольчужною сѣткой; поверхъ короткаго кафтана надѣта рубаха, сплетенная изъ желѣзной проволоки; на рукахъ стальные налокотники, за спиной—круглый щитъ, а на поясѣ — прямая, не рѣдко современная крестовымъ походамъ, шашка, «калдынъ». Ружье въ чехлѣ дополняетъ вооруженіе—и этотъ чехолъ изъ косматаго медвѣжьяго мѣха придаетъ еще болѣе дикости и безъ того уже дикому Хевсуру, съ костлявымъ, орлинымъ лицомъ, побурѣвшимъ отъ солнца и вѣтра. Таковъ былъ народъ, у котораго царевичъ Александръ искалъ поддержки своихъ правъ на престолъ Кахетіи и Карталиніи.

Экспедиція въ Хевсурію между тѣмъ была рѣшена, и четыре отряда одновременно и съ разныхъ сторонъ должны были направиться къ ея границамъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ начальствомъ генерала Сталя, собранъ былъ въ Пассанаурѣ, и состоялъ изъ четырехъ ротъ пѣхоты, Нижегородскаго драгунскаго полка и 25 линейныхъ казаковъ. Драгуны были пѣшіе. Сталь назначилъ отъ каждаго эскадрона по два офицера, по 4 унтеръ-офицера, по одному трубачу и по 60 рядовыхъ, которые, подъ командой маіора Саликова, образовали сводный батальонъ, въ составѣ 325 нижнихъ чиновъ, при 10 офицерахъ. Остальные люди были сведены въ два конные эскадрона и, подъ начальствомъ капитана Любецкаго, оставлены на военно-грузинской дорогѣ для охраны тыла и сообщеній съ Тифлисомъ (20).

Изъ Пассанаура колонна Сталя выступила 23 мая черезъ Гудомакарское ущелье, и съ первыхъ же шаговъ началась для нея тяжелая борьба со всѣми ужасами горной природы. Мѣстность повсюду была одинаково недоступна. Громадные снѣга еще лежали въ горахъ, представляя снѣговые пустыри безъ малѣйшаго признака жизни; ослѣпительная бѣлизна ихъ невыносимо рѣзала глаза и затемняла зрѣніе, а дорога лѣпилась по обледенѣлымъ тропамъ, проложеннымъ по самымъ краямъ бездонныхъ стремнинъ. Утопая въ снѣгу, едва переводя дыханіе отъ рѣзкаго вѣтра, солдаты взбирались все выше и выше въ заоблачныя пространства. 25 мая, на одномъ изъ переваловъ, колонна Сталя увидѣла наконецъ непріятеля. На грозномъ утесѣ, тамъ, гдѣ вѣчные снѣга лежали неталыми грудами, стояли хевсуры, и солнце яркими лучами ис-

крилась на ихъ щитахъ, кольчугахъ и шлемахъ. Картина поражала своею дикой воинственностью,—и передъ этимъ утесомъ войска остановились въ нерѣшимости. Три Нижегородскіе эскадрона, разсыпанные въ цѣпь съ штабсъ-капитаномъ Игнатьевымъ, открыли огонь, но, видя безполезную трату патроновъ, опять опустили ружья. Тогда Сталь приказалъ поручику Грабовскому съ остальными двумя эскадронами подняться на обледенѣлыя скалы, и по тропѣ, которая терялась на вершинѣ въ какихъ-то странныхъ зигзагахъ, попытаться обойти непріятеля. Грабовскій двинулся, и скоро скрылся изъ виду. Вдругъ изъ рядовъ Нижегородцевъ, все еще стоявшихъ передъ утесомъ въ нѣкоторомъ колебаніи, вышли два старые солдата: это были вахмистръ Дивинъ и рядовой Ивановъ. Они подошли къ гранитному гиганту, смѣрили его глазами, и молча полѣзли на него, подсаживая другъ друга (21). Этотъ примѣръ былъ краснорѣчивѣе словъ,—и весь утесъ мгновенно покрылся ползущими драгунами, какъ муравьями. На бѣломъ снѣгу сѣрыя солдатскія шинели вырисовывались рельефными пятнами и служили отличной мишенью. Но самая крутизна утеса, и ледяныя глыбы, образовывавшія цѣлые гроты, подъ которыми скрывались солдаты, мѣшали мѣткости непріятельскихъ выстрѣловъ; пули, дѣлая рикошеты, летѣли мимо, и драгуны почти безъ потери добрались до вершины. За ними поднялся цѣлый батальонъ пѣхоты, а съ фланга появился Грабовскій. Озадаченные, но еще полные вѣры въ самихъ себя, Хевсуры бросились въ шашки; они напали съ дикою храбростью, — но устоять не могли: удары штыковъ пробивали ихъ крѣпкія брони, приклады дробили шишаки, щиты разлетались въ дребезги... Хевсуры въ первый разъ увидѣли передъ собой врага съ такимъ страшнымъ оружіемъ—и дрогнули. Переходъ отъ дикой энергіи къ безусловной панникѣ, малодушно охватившей толпу, былъ поразителенъ. Отрядъ гналъ непріятеля до самаго вечера, и ночевалъ уже въ хевсурскихъ предѣлахъ.

На слѣдующій день колонна подошла къ аулу Барисъ-Ахо, гдѣ была переправа черезъ Хевсурскую Арагву. Аулъ былъ занятъ непріятелемъ. Сталь, не желая терять людей, остановилъ войска и приказалъ маіору Саликову дождаться ночи, и затѣмъ внезапно атаковать непріятеля. Саликовъ произвелъ съ вечера обстоятельную рекогносцировку, и убѣдился, что никакой атаки не нужно: онъ просто занялъ командовавшія высоты, и однимъ продольнымъ огнемъ заставилъ хевсуръ отойти отъ аула (22). На утро отрядъ переправился и пошелъ на селеніе Лейбасъ-Кари, гдѣ

его ожидали остальныя три колонны, собравшіяся сюда подъ общею командой генералъ-маіора Симоновича. Переваливъ черезъ хребетъ, войска подошли къ Аргунскому ущелью. Здѣсь быстрый Аргунъ начинается маленькимъ, едва замѣтнымъ водопадомъ, а черезъ нѣсколько верстъ онъ превращается уже въ грозный потокъ, который между стѣснившими его отвѣсными скалами, съ ревомъ низвергается по каменнымъ ступенямъ цѣлою массою пѣны. Тѣснина, гдѣ клокочетъ бѣшеная рѣка, была перерграждена заваломъ, а горы, обступившія ее съ обѣихъ сторонъ, заняты хевсурами. Очистить лѣвую сторону ущелья взялся самъ Симоновичъ, правую—Сталь.

Нижегородскій полкъ, находившійся въ колоннѣ послѣдняго, былъ выдвинутъ впередъ подъ командою маіора Саликова, и, поддерживаемый батальономъ пѣхоты, поднялся на снѣговой хребетъ. Это было 1-го іюля—день, въ который Нижегородцы исполнили одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ своей долгой боевой, исторической жизни. 36 часовъ они вели отчаянный бой, и 36 часовъ не имѣли отдыха. Хевсуры отстаивали каждый шагъ, но въ концѣ концовъ, сбитые со всѣхъ позицій, заняли одинъ скалистый утесъ, висѣвшій надъ самымъ спускомъ къ Аргуну. Обойти его было нельзя, а штурмовать не рѣшался даже такой отважный человѣкъ, какъ Саликовъ: онъ сомнѣвался—хватитъ ли у его драгунъ физическихъ силъ преодолѣть эту послѣднюю преграду. Но силы явились. Какъ прежде вахмистръ Дивинъ и рядовой Ивановъ, такъ теперь унтеръ-офицеры Александръ Грошевъ, Федоръ Аденковъ и рядовой Савельевъ, — первые кинулись на этотъ страшный гранитъ, и своимъ примѣромъ, своею беззавѣтною готовностью первыми сложить свои головы, увлекли за собою всѣхъ. По ихъ слѣдамъ драгуны въ два прыжка вскочили на утесъ,—и непріятель былъ сброшенъ въ Аргунъ ([23]).

Этимъ эпизодомъ бой окончился. По донесенію Сталя, «маіоръ Саликовъ, всѣ его офицеры и нижніе чины дали въ этотъ день примѣръ необычайнаго мужества, терпѣнія и распорядительности». «И что всего замѣчательнѣе», писалъ онъ: «штурмуя отдѣльно каждую скалу, каждый утесъ, Нижегородцы были разсѣяны на огромномъ пространствѣ, и не каждый взводъ имѣлъ передъ собой офицера» ([24]).

Теперь Сталю предстояло спуститься съ подъоблачныхъ высотъ на самое дно ущелья, чтобы присоединиться къ главному отряду, стоявшему на той сторонѣ Аргуна. Спустились благополучно, но переправляться

пришлось уже подъ огнемъ непріятеля,—обстоятельство, давшее новый поводъ къ тому, чтобы показать какъ много въ нашихъ рядахъ скрывается скромныхъ, и до времени никому не извѣстныхъ героевъ. Когда драгуны, столпившись, стояли на берегу, два унтеръ-офицера, Алексѣй Иванниковъ и Варѳоломѣй Корніенко, вдругъ кинулись въ страшный потокъ и поплыли ([25]). Хевсуры открыли по нимъ огонь. Плыть подъ непріятельскими пулями было опасно, но еще опаснѣе было выйти на берегъ, гдѣ ихъ сторожила цѣлая толпа разъяренныхъ враговъ. Все это разомъ сообразили драгуны, и, не думая больше о себѣ самихъ, пустились плыть въ перегонку, чтобы спасти товарищей. Съ одной стороны—примѣръ полнаго самоотверженія, съ другой — чувство товарищества и выручки. Многихъ вода сбивала съ ногъ и уносило теченіемъ, другихъ ушибали камни и обломки скалъ, съ ужасающею быстротой катившіеся по дну потока; но всѣ, и ушибленные и здоровые, поглощены были одной только мыслію — какъ бы скорѣе добраться до берега. Добрались— и, передъ дружнымъ натискомъ ихъ, хевсуры бѣжали. Теперь бой продолжался только въ одномъ арьергардѣ, гдѣ былъ оставленъ взводъ Нижегородскихъ драгунъ, подъ командой поручика Шанца. Хевсуры насѣдали горячо, и прекратили преслѣдованіе только тогда, когда показались палатки главнаго отряда, стоявшаго передъ деревней Гуры ([26]). Съ прибытіемъ колонны Сталя, деревня взята была штурмомъ—и передъ русскими войсками лежалъ открытый путь къ Шатилю.

Шатиль — главное селеніе хевсурскаго народа. Это былъ аулъ небольшой, всего дворовъ 50, въ которыхъ жило не болѣе двухсотъ вооруженныхъ людей; но эта горсть, закаленная въ постоянной борьбѣ, была фанатически привязана къ своему родному гнѣзду, и до сихъ поръ не только отбивалась отъ всѣхъ непріятельскихъ вторженій, но сторожила и входъ въ самое сердце Хевсуріи. 3-го іюня передъ ауломъ завязалась упорная битва, долженствовавшая рѣшить судьбу хевсурскаго народа. Вся обстановка, въ которой находился русскій отрядъ, создавала въ людяхъ необыкновенно воинственное настроеніе. Дикое, мрачное ущелье, ревъ Аргуна, сдавленнаго нависшими громадами скалъ, закоптѣлыя башни, сверху до низу унизанныя кровавыми трофеями хевсуръ; наконецъ, сами хевсуры, закованные въ желѣзо, въ шеломахъ и съ древними щитами,—все дѣйствовало необыкновенно возбуждающимъ образомъ. Драгуны сражались наравнѣ съ пѣхотой—и Шатиль, столько вѣ-

ковъ гордившійся своею неприступностію, палъ передъ русскими войсками. Царевичъ бѣжалъ изъ него за нѣсколько дней, и башня, гдѣ онъ жилъ, самая крайняя къ выходу, оказалась пустая.

Послѣднимъ эпизодомъ шатильскаго боя было занятіе моста, черезъ который дорога вела за перевалъ, къ кистинамъ. Посланные туда охотники Нижегородскаго полка, съ поручикомъ Грабовскимъ, нашли мостъ разрушеннымъ, но переправились вплавь и прогнали послѣднихъ защитниковъ Шатиля ([27]).

Съ бѣгствомъ царевича въ Дагестанъ, ставшій, какъ извѣстно, могилой для его политической роли, экспедиціи была достигнута, и войска 15-го іюля спустились въ Кахетію. Труды, перенесенные ими, поистинѣ были неимовѣрны; и даже тѣ, кто дѣлалъ знаменитый альпійскій походъ съ Суворовымъ, и потомъ былъ въ Хевсуріи съ Симоновичемъ и Сталемъ, откровенно сознавались, что препятствія и труды послѣдняго похода далеко превышали испытанные ими на Альпахъ. Въ первый разъ русскіе явились тогда въ недоступной глубинѣ кавказскихъ горъ, и въ первый разъ побѣжденъ былъ народъ, который никогда побѣждаемъ не былъ.

Хевсурская экспедиція доставила шефу полка генералу Сталю анненскую ленту; Саликовъ, за цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ, получилъ орденъ св. Георгія 4 степени; штабсъ-капитанъ Игнатьевъ—владимірскій крестъ; поручикъ Грабовскій—чинъ штабсъ-капитана и Анну 3 ст. съ бантомъ; и тотъ же орденъ получили: поручики Марковъ, Шанцъ, и прапорщики: Ниткачевъ, Чеботкевичъ, Сачковъ, Петресовъ и Казначеевъ ([28]).

Вахмистръ Дивинъ, унтеръ-офицеры: Аденковъ, Иванниковъ и Корніенко, и рядовые Ивановъ и Савельевъ — награждены были знаками отличія Военнаго ордена. Этими именами и открывается послѣдующій длинный списокъ Нижегородскихъ кавалеровъ ([29]). Генералъ Симоновичъ награжденъ былъ за хевсурскій походъ орденомъ св. Георгія 3 ст.; но четвертую степень—въ цѣломъ отрядѣ получилъ одинъ только Саликовъ.

О потеряхъ, понесенныхъ въ Хевсуріи полкомъ, точныхъ свѣдѣній не сохранилось; оффиціальные документы упоминаютъ только о четырехъ рядовыхъ, убитыхъ на мѣстѣ, о трехъ умершихъ отъ ранъ, да объ одномъ пропавшемъ безъ вѣсти ([30]). Но эти документы ничего не говорятъ о раненыхъ, а между тѣмъ число послѣднихъ, судя по трудности самой экспедиціи и по стойкой защитѣ врага, могло быть значительно.

Едва Нижегородцы вернулись изъ похода, какъ полкъ въ четырехъ-эскадронномъ составѣ потребованъ былъ на границу Карабага, и тамъ простоялъ на Куракчаѣ до окончательнаго заключенія мира съ Персіей. Затѣмъ онъ вернулся въ Тифлисъ, и оттуда направленъ былъ на постоянную стоянку въ Кахетію. Квартиры полку назначены были въ Караагачѣ ([31]).

На нѣкоторый срокъ настало для Нижегородскаго полка болѣе мирное время. Внутреннія смуты въ Грузіи прекратились; съ Турціей и съ Персіей надолго заключенъ былъ миръ, и Нижегородцамъ предстояла лишь обострявшаяся по временамъ борьба съ лезгинами. Но это были уже постоянные враги, необузданность которыхъ могли смягчить только время и цивилизація.

IX.

На границахъ Лезгистана

(1813—1816).

Роль за-алазанскихъ лезгинъ въ жизни Кахетіи.—
Нижегородцы въ качествѣ передовой стражи страны въ Караагачѣ.—Горная лѣтняя стоянка полка у Царскихъ Колодцевъ.—Сталь оставляетъ полкъ.—Полковое евангеліе Сталя.—Дальнѣйшая судьба Сталя и могила его въ Пятигорскѣ.—Маіоръ Саликовъ.—Новое переформированіе полка.—Слухи о царевичѣ Александрѣ.—Лезгинскіе набѣги.—Блистательныя дѣла Нижегородцевъ на Алазани.—Назначеніе полковника Климовскаго.

Въ то время, когда русскіе не появлялись еще за горами Кавказа, въ судьбахъ Грузіи лезгины играли огромную роль. Подъ защитою сво-

ихъ подъоблачныхъ горъ, какъ Дамокловъ мечъ, висѣли надъ головою Кахетіи эти грозные, неумолимые враги всякаго культурнаго труда и спокойствія, и чтобы оградить отъ нихъ эту страну, необходимо было обратить въ передовые форпосты земли самихъ джарцевъ, сидѣвшихъ между горами и Алазанью. Вслѣдъ за появленіемъ русскихъ войскъ въ Грузіи, въ 1803 году, джарцы и должны были въ первый разъ подчиниться силѣ меча христіанскаго народа. Старый развѣнчанный Телавъ съ его историческою славою, и рядомъ Сигнахъ съ величайшею святынею Грузіи—Бодбійскимъ монастыремъ, въ которомъ покоится святая Нина, составили центры, вокругъ которыхъ группировались всѣ оборонительныя средства страны, и куда въ случаѣ опасности сосредоточивались всѣ наши резервы.

Верстахъ въ 30 отъ Сигнаха, по направленію къ Муганлы, гдѣ съ незапамятныхъ временъ существовала переправа черезъ Алазань, лежали развалины третьяго города, называвшагося Кизикомъ. Но отъ этихъ развалинъ не вѣяло сѣдою стариною. Кизикъ основанъ былъ только въ XVII столѣтіи однимъ изъ персидскихъ намѣстниковъ, по имени Бѣжаномъ. Изъ боязни за свою жизнь, онъ покинулъ роскошный Телавъ, резиденцію кахетинскихъ царей, и построилъ себѣ одинокій дворецъ въ Караагачѣ, вокругъ котораго быстро и выросъ значительный городъ. Съ паденіемъ сатраповъ городъ этотъ столь же быстро исчезъ, какъ и возникъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ историческихъ памятниковъ, но крѣпко запечатлѣвъ въ умѣ кахетинца память о дворцѣ, изъ котораго разливались на цѣлую страну ужасы восточнаго тиранства ([1]).

За Караагачемъ, все по тому же направленію къ Муганлинской переправѣ, на возвышенномъ плато съ чрезвычайно здоровымъ горнымъ воздухомъ, лежитъ урочище Царскіе Колодцы, по грузински Дедоплисъ-Цкаро. Названіе это перешло на мѣстность отъ существовавшихъ тамъ колодцевъ, при которыхъ грузинскіе цари, еще со временъ Давида Возобновителя, становились сторожевымъ лагеремъ для защиты страны отъ лезгинъ, и вы понынѣ услышите здѣсь множество разсказовъ и преданій, которыми народъ любитъ вспоминать былую дѣятельность своихъ великихъ царей. Въ Царскихъ Колодцахъ и въ Караагачѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ восточнаго тирана, генералъ Гуляковъ и заложилъ въ 1803 году первыя русскія укрѣпленія, занявъ ихъ Кабардинскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Собственно говоря, Караагачъ не сдѣ-

лался тогда прочнымъ осѣдлымъ пунктомъ русскаго населенія. Это былъ просто укрѣпленный постъ, занимаемый то одними, то другими войсками. Время отъ времени появлялись въ немъ и эскадроны Нижегородскаго полка съ тѣхъ поръ, какъ онъ передвинутъ былъ въ Грузію.

Въ 1813 году, когда война съ Персіей замолкла, защита Грузіи отъ лезгинъ выдвинулась опять на первый планъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ получили первенствующее значеніе и опорные пункты наши—Царскіе Колодцы и Караагачъ; послѣдній назначенъ былъ штабъ-квартирою Нижегородскаго полка, тогда какъ Царскіе Колодцы остались за Кабардинскимъ. И Караагачу суждено было сдѣлаться съ этого момента постояннымъ мѣстопребываніемъ Нижегородскаго полка уже на долгіе годы.

Нижегородцы вступили въ Караагачъ 13 ноября 1813 года, и тотчасъ же принялись за устройство для себя временныхъ казармъ и конюшенъ (2). Въ тѣ времена всѣ штабъ-квартиры на Кавказѣ строились самими солдатами; они и лѣсъ рубили, и возили его съ ближнихъ горъ или изъ-за Алазани, и камень ломали, и кирпичъ дѣлали, и известь выжигали; сами они были и плотниками, и кровельщиками, малярами и каменщиками. Ведя постоянную войну, кавказскій солдатъ былъ одновременно чернорабочимъ, и созиданіе громадныхъ построекъ и цѣлыхъ штабъ-квартиръ, не уступавшихъ иногда по величинѣ уѣзднымъ городкамъ средней руки, обходилось казнѣ неимовѣрно дешево. Русскій человѣкъ, въ образѣ кавказскаго солдата, былъ мастеръ на всѣ руки. Пустынный Караагачъ быстро превратился въ большой военный лагерь, и Нижегородцы зажили въ немъ тревожною жизнію передовой стражи страны.

Шефу Нижегородскаго полка генералъ-маіору Сталю были подчинены и всѣ другія, расположенныя въ Кахетіи, войска. Нижегородцы съ двумя ротами егерей 46-го полка и тремя орудіями стояли постоянно въ Караагачѣ; но Кабардинскій полкъ ни зимою, ни лѣтомъ не зналъ даже, есть ли у него штабъ-квартира: шесть ротъ его при двухъ орудіяхъ располагались на передовой лезгинской линіи, по двѣ роты стояли въ Тіонетахъ и Телавѣ, и по одной въ Сигнахѣ и Кварели; остальныя двѣ роты егерскаго батальона занимали постъ при одномъ изъ за-Алазанскихъ селеній (3).

Въ лѣтнее время, когда для сѣверянъ наступала пора невыносимаго южнаго зноя, Нижегородскій полкъ покидалъ свою штабъ-квартиру и располагался лагеремъ на возвышенности, верстахъ въ пяти отъ Царскихъ Колодцевъ. Въ этой центральной мѣстности онъ могъ служить резервомъ

для всѣхъ пограничныхъ отрядовъ, въ случаѣ движенія на нихъ значительныхъ силъ непріятеля (4).

Весь 1814 годъ прошелъ для Кахетіи почти совершенно спокойно. Разгромъ хевсурскихъ ауловъ, считавшихся недоступными, произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣ народы Кавказскихъ горъ, и лезгины сидѣли смирно. Случались только мелкія хищничества и разбои, которые тѣмъ не менѣе должны были не мало безпокоить русскія войска, требуя отъ нихъ постоянной осторожности и бдительности. Въ самыхъ ближайшихъ окрестностяхъ Караагача не всегда можно было разсчитывать на безопасность. Вотъ, напр., что разсказываетъ хроника тѣхъ временъ, случайно сохранившая до насъ всѣ подробности кровааго происшествія: 2 октября, подъ вечеръ, изъ штаба Нижегородскаго полка выѣхала пустая арба, привозившая въ Караагачъ какія-то казенныя вещи. Трое грузинъ, прибывшихъ съ нею, были безоружны, и для сопровожденія ихъ до ближней деревни назначили двухъ конныхъ драгунъ. Путниковъ застала въ дорогѣ ночь. Вдругъ въ темнотѣ послышался топотъ скачущихъ всадниковъ, мелькнули какія-то фигуры, блеснулъ выстрѣлъ, за нимъ другой—и все опять смолкло. Между тѣмъ одинъ изъ трехъ грузинъ, сидѣвшихъ на арбѣ, оказался убитымъ на-поваль, а одинъ изъ драгунъ, рядовой Гарцуевъ, лежалъ на землѣ, раненый пулею въ бокъ. На выстрѣлы прискакали грузины и казаки съ сосѣднихъ постовъ, но лезгинъ, разумѣется, простылъ и слѣдъ (5). Случай этотъ, показавшій, какая осторожность необходима была даже за воротами Караагача, положила начало той трудной передовой охранной службѣ, которую полкъ, уже не переставая, несъ въ продолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ.

Осенью 1814 года, по возвращеніи Нижегородцевъ съ лѣтней стоянки обратно въ Караагачъ, въ полку начался цѣлый рядъ перемѣнъ, касавшихся его состава и штатовъ. Званіе шефа было упразднено, и Сталь долженъ былъ сдать командованіе Нижегородскимъ полкомъ старшему штабъ-офицеру маіору Саликову, на котораго, вмѣстѣ съ званіемъ полкового командира, возлагались всѣ права и обязанности шефа.

Александръ Алексѣевичъ Саликовъ, дворянинъ Рязанской губерніи, поступилъ на службу юнкеромъ прямо въ Нижегородскій полкъ осенью 1789 года, и здѣсь же произведенъ въ офицеры. Съ тѣхъ поръ, за отличія въ сраженіяхъ, онъ получилъ пять именныхъ монаршихъ благоволеній, два чина и ордена: св. Анны 3-й степени, Владиміра 4-й и,

наконецъ, Георгія. Блистательное дѣло 5 сентября 1809 года подъ Сурамомъ, и затѣмъ хевсурскій походъ, гдѣ онъ командовалъ спѣшеннымъ батальономъ драгунъ, выдвинули его, какъ храбраго и распорядительнаго офицера. Съ такою репутаціею онъ является достойнымъ преемникомъ Сталя, командованіе котораго, продолжавшееся 14 лѣтъ къ ряду, оставило въ полку неизгладимыя воспоминанія.

Подобно другому замѣчательному командиру Нижегородцевъ, полковнику Панину, и Сталь оставилъ по себѣ въ полку вещественные знаки духовной связи, въ долгіе годы возникшей между нимъ и его подчиненными: въ ризницѣ полковой церкви Нижегородскаго полка вы увидите массивное, болѣе пуда вѣсомъ, евангеліе, роскошный переплетъ котораго, къ сожалѣнію, значительно попорченъ походами и временемъ. Обѣ доски евангелія серебряныя, вызолоченныя; на нижней изъ нихъ, во всю ея величину, изображенъ Богъ Саваоѳъ, а на верхней—тѣ же образа что и на петровскомъ евангеліи. Кругомъ надпись: «Пожертвовано шефомъ полка генералъ-маіоромъ Сталемъ 21 декабря 1814 года». И Нижегородцы хранили, и будутъ хранить всегда, съ понятною гордостью, этотъ памятникъ своего славнаго прошлаго.

Нижегородскій полкъ, впрочемъ, не вышелъ изъ-подъ начальствованія Сталя, продолжавшаго командовать имъ на правахъ бригаднаго командира до 1818 года, когда онъ назначенъ былъ командующимъ войсками на Кавказской линіи и военнымъ губернаторомъ Кавказской области (6).

Боевая дѣятельность Сталя на этомъ послѣднемъ посту была достойнымъ продолженіемъ прежней: онъ былъ въ бояхъ вездѣ одинаковъ, но въ послѣдніе годы его жизни ярко сказалась въ немъ и замѣчательная административная способность. Онъ оказалъ Сѣверному Кавказу большія услуги, вписавшія имя его крупными буквами въ лѣтописи мирнаго развитія края. Его иниціативѣ принадлежитъ преобразованіе Кавказской губерніи и перенесеніе главнаго центра ея изъ Георгіевска въ Ставрополь, который сохраняетъ за собой это значеніе понынѣ. Ему же обязанъ своимъ основаніемъ на минеральныхъ водахъ, гдѣ стояли только пустынныя калмыцкія кибитки, небольшой, но чистенькій, красивый городокъ—Пятигорскъ, привлекающій теперь тысячи посѣтителей, и составляющій лучшій памятникъ своему основателю. На горячихъ водахъ 28 іюля 1824 года Сталь и умеръ внезапно отъ удара. Разсказываютъ, что за нѣсколько дней до смерти онъ ѣхалъ верхомъ съ инженернымъ

офицеромъ, завѣдывавшимъ постройкою города, по склону Машука и тамъ, указывая мѣсто, выбранное имъ для городского кладбища, прибавилъ шутя: «теперь надо, чтобы здѣсь, для начала, былъ погребенъ кто-нибудь изъ значительныхъ лицъ» (7). И онъ самъ первый легъ на пятигорскомъ кладбищѣ.

Въ одномъ изъ уголковъ этого кладбища, среди простыхъ надгробныхъ плитъ и крестовъ, не вдалекѣ отъ церкви, стоитъ и понынѣ массивный, каменный, ничѣмъ не огороженный памятникъ. Онъ весь утопаетъ въ зелени; кругомъ его цвѣты и сирень, наполняющіе воздухъ чуднымъ благоуханіемъ. Это и есть могила Карла Федоровича Сталя. Время наложило уже на нее свою руку; памятникъ дряхлѣетъ, никнетъ подъ тяжестью лежащихъ на немъ годовъ. Но пусть будетъ забыта могила,—не забудется никогда славное имя Сталя, пока будетъ стоять созданный имъ оригинальный городокъ, такъ живописно раскинувшійся по берегамъ Подкумка, гдѣ

За Машукомъ день встаетъ,
А за крутымъ Бешту садится *).

Но возвратимся къ нашему разсказу, за 70 лѣтъ назадъ, когда и Сталь, и преемникъ его маіоръ Саликовъ еще были полны жизни, силъ и надеждъ на будущее.

Командованіе Саликова началось съ переформированія Нижегородскаго полка изъ пяти въ семи-эскадронный составъ, при чемъ шесть эскадроновъ его были дѣйствующіе, а седьмой—запасный. Проектъ этого преобразованія утвержденъ былъ еще при Сталѣ въ декабрѣ 1812 года, но войны, продолжавшіяся тогда въ Европѣ, помѣшали его осуществленію до 1815 года. Реформа эта имѣла важное значеніе въ томъ смыслѣ, что созданный ею порядокъ, составъ и штаты оставались безъ измѣненія во все царствованіе императора Александра 1-го. Съ отмѣною шефовъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ штабъ-офицеровъ положено было имѣть въ полку пять: полкового командира въ чинѣ полковника, трехъ эскадронныхъ командировъ, командовавшихъ въ строю дивизіонами, и командира запаснаго эскадрона въ чинѣ маіора. Остальными тремя эскадронами командовали капитаны.

*) Къ сожалѣнію мы нигдѣ не могли достать портрета Сталя и должны ограничиться только изображеніемъ его надгробнаго памятника. Въ будущемъ 94 году 28 іюля исполнится ровно 70 лѣтъ со дня кончины этого замѣчательнаго кавказскаго дѣятеля.

Составъ нижнихъ чиновъ въ каждомъ эскадронѣ опредѣленъ 20-ти рядный, при 16 конныхъ унтеръ-офицерахъ и трехъ трубачахъ; кромѣ того, на каждый эскадронъ полагалось еще по 2 унтеръ-офицера и по 20 рядовыхъ пѣшихъ, на случай замѣщенія убыли и для хозяйственныхъ работъ, чтобы не отрывать людей изъ строя.

Рекрута распредѣлялись поровну во всѣ эскадроны; но годовой ремонтъ поступалъ исключительно въ запасный, откуда только по прошествіи года передавался въ дѣйствующія части.

Лошадей въ Нижегородскомъ полку опредѣлено было имѣть темныхъ мастей, и только однимъ трубачамъ положены сѣрыя.

Наконецъ, изъ пяти прежнихъ штандартовъ въ полку оставлены только три зеленые, по одному на каждый дивизіонъ, и во фронтѣ распредѣлялись: въ 1-й, 3-й и 5-й эскадроны (8).

Что касается до формы одежды, то въ общихъ чертахъ она осталась безъ измѣненія; только бѣлые плюмажи на офицерскихъ каскахъ замѣнились черными, да мундирамъ Нижегородскаго полка присвоены темнозеленые воротники съ бѣлой выпушкой, и бѣлые же погоны и обшлага. Форму эту Нижегородцы носили, однако, не долго. Чтобы не возвращаться къ ней впослѣдствіи, скажемъ, что въ 1817 году послѣдовало общее измѣненіе въ обмундированіи драгунскихъ полковъ, при чемъ, вмѣсто мундирной пары стараго образца, были введены колеты и чакчиры, съ широкими лампасами; въ Нижегородскомъ полку всѣ выпушки, клапанъ на воротникѣ, обшлага, лампасы и выкладка на вальтрапахъ положены были кирпичнаго или огненнаго цвѣта. Тогда же къ формѣ офицеровъ прибавлена лядунка на широкой галунной перевязи, а нижнимъ чинамъ шерстяные эполеты, которые надѣвались, впрочемъ, только при парадной формѣ.

Каски были отмѣнены, а вмѣсто ихъ появились высокіе кивера съ длинными бѣлыми султанами, которые до того колебались на головѣ при малѣйшемъ вѣтрѣ, что не было возможности производить конныхъ ученій, особенно на быстрыхъ аллюрахъ. Ихъ скоро замѣнили поэтому обыкновенными короткими помпонами,—и въ этомъ видѣ форма оставалась уже безъ всякихъ измѣненій до самаго восшествія на престолъ Императора Николая Павловича (9).

Раннею весною 1815 года Нижегородскій полкъ, собранный на Караагачскую площадь, раздѣленъ былъ на семь равныхъ частей и, такимъ образомъ, составилъ семь эскадроновъ, хотя далеко не комплектныхъ,

едва имѣвшихъ по 12, вмѣсто положенныхъ 20 рядовъ во взводахъ (10). Некомплектъ былъ пополенъ уже гораздо позднѣе, но тогда съ переформированіемъ полка очень торопились, такъ какъ присутствіе царевича Александра въ горахъ, смежныхъ съ Хевсуріей, все еще продолжало безпокоить населеніе. То и дѣло приходили извѣстія, что царевичъ собираетъ охотниковъ для новаго вторженія въ Грузію; и хотя слухи эти не имѣли ничего достовѣрнаго, но они усиливали мелкіе набѣги лезгинъ, а эти набѣги безпокоили насъ гораздо болѣе открытыхъ вторженій. Къ счастію, первыя же шайки, успѣвшія прорваться за Алазань, встрѣчены были нашими Нижегородскими драгунами и понесли такія пораженія, которыя отбили охоту у другихъ пускаться на подобныя предпріятія.

Дѣло происходило такъ. 11 іюля 1815 года, когда полкъ, уже переформированный, перешелъ на свою лѣтнюю стоянку къ Царскимъ Колодцамъ, въ лагерь дали знать, что верстахъ въ тридцати, у Танычинскихъ бродовъ переправилась конная партія лезгинъ, человѣкъ въ триста, и кинулась въ Сигнахскій уѣздъ. Саликовъ тотчасъ выслалъ за нею 1-й эскадронъ штабсъ-капитана Маркова, а между тѣмъ другому офицеру, штабсъ-капитану Грабовскому, съ пѣшимъ полуэскадрономъ драгунъ и съ командой кабардинскихъ охотниковъ, приказалъ какъ можно скорѣе занять Танычинскій бродъ, чтобы отрѣзать лезгинамъ отступленіе. По его соображеніямъ они никакъ не могли миновать на обратномъ пути этого брода, и потому, какой бы результатъ ни имѣлъ поискъ Маркова, лезгины во всякомъ случаѣ должны были попасть на засаду Грабовскаго. Въ этихъ видахъ Саликовъ распорядился выслать на помощь къ послѣднему еще и конный полуэскадронъ Нижегородскаго полка, съ поручикомъ Дьяковымъ.

Марковъ дѣйствовалъ, однако, съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Раскинувъ своихъ развѣдчиковъ широкимъ вѣеромъ по цѣлой степи, онъ скоро напалъ на слѣдъ большой конной партіи, и на разсвѣтѣ 12 іюля открылъ ее недалеко отъ Сигнаха. Партія стояла на горѣ, въ виду Бодбійскаго монастыря, и зная, что въ ближайшихъ окрестностяхъ нигдѣ нѣтъ русской кавалеріи, отдыхала съ замѣчательной безпечностью. Даже обычные пикеты—и тѣ не были выставлены. Драгуны, скакавшіе все время глубокой ложбиной, вынырнули изъ предразсвѣтнаго тумана никѣмъ не замѣченные, но тутъ, прежде чѣмъ напасть на лезгинъ, имъ еще пришлось разрѣшить вопросъ—какъ это сдѣлать? Вскочить на крутую, почти отвѣс-

ную гору верхомъ, тотчасъ вслѣдъ за 120-ти-верстнымъ переходомъ, казалось невозможнымъ, а спѣшиться—значило дать непріятелю возможность или уйти, или приготовиться къ оборонѣ. Марковъ моментально рѣшился на первое: онъ выслалъ впередъ охотниковъ, съ прапорщикомъ Янковскимъ, а за ними, уже толпой, напрягая послѣднія силы, пустился и весь эскадронъ. Лезгины еще покоились глубокимъ сномъ, когда драгуны, летомъ достигшіе вершины горы, разсыпались по всему бивуаку. Кровь полилась рѣкою: рубили сонныхъ, рубили безоружныхъ, рубили защищавшихся.... Разсказываютъ, что рядовой Иванъ Бабкинъ одинъ положилъ на мѣстѣ съ десятокъ лезгинъ, пока шальная пуля, перебившая ногу, не сбросила самого его съ лошади; юнкеръ Марковъ, братъ эскадроннаго командира, также изрубилъ двоихъ, а третьяго опрокинулъ вмѣстѣ съ конемъ и взялъ въ плѣнъ. Лезгины разсѣялись. Крайне утомленный эскадронъ не могъ ихъ преслѣдовать, да Марковъ и не считалъ это нужнымъ, зная, что на Алазани ихъ сторожитъ Грабовскій.

Грабовскій, дѣйствительно, весь день ожидалъ появленія желанныхъ гостей, но лезгины, забившись въ степные буераки, не смѣли появиться днемъ, и только уже ночью, когда туманъ закуталъ окрестность, пустились къ Алазани. 14 іюня, не задолго до разсвѣта, секретъ, заложенный Грабовскимъ, замѣтилъ темную, быстро двигавшуюся массу, — и сдѣлалъ выстрѣлъ. Лезгины остановились. Замѣтивъ засаду, они, какъ травленный звѣрь, быстро повернули въ сторону и кинулись на Муганлы, гдѣ также была переправа. Но Грабовскій предвидѣлъ возможность подобнаго случая, и принялъ свои мѣры. Полуэскадронъ Дьякова бросился вслѣдъ за лезгинами и, послѣ бѣшеной скачки, настигъ ихъ недалеко отъ Алазани. Пока Нижегородцы рубили заднихъ, передніе достигли уже берега, — и вдругъ отшатнулись назадъ, встрѣченные въ упоръ убійственнымъ залпомъ. То былъ Грабовскій, успѣвшій перебѣжать сюда отъ Танычинскихъ бродовъ. Отчаяніе овладѣло лезгинами, обычное мужество покинуло ихъ, и только этимъ можно объяснить тотъ характеръ, который приняла затѣмъ кровавая свалка. Официальные документы разсказываютъ, какъ достовѣрный фактъ, что Нижегородскаго полка младшій вахмистръ Степанъ Емельяновъ, спасая своего эскадроннаго командира, закололь штыкомъ десять лезгинъ, а унтеръ-офицеръ Тимашенко и рядовой Федоръ Черновъ вдвоемъ изрубили одиннадцать. Въ то время подобныхъ богатырей было не мало.

Отбитые отъ брода, лезгины стали бросаться въ Алазань, гдѣ ни

попало, и нѣкоторые изъ нихъ разбивались при паденіи объ острые камни, другихъ настигали пули,—и рѣка запрудилась трупами.

Была уже ночь, когда Грабовскій, двигавшійся берегомъ Алазани обратно на Таныччинскій бродъ, замѣтилъ на той сторонѣ рѣки какіе-то огни, разложенные, по видимому, въ полѣ. Стали всматриваться, и пришли къ убѣжденію, что это лезгины. Тогда полуэскадронъ Дьякова скрытно перешелъ Алазань и, дѣйствительно, напалъ на остатки той самой партіи, которая только что была разбита подъ Муганлами. Пользуясь темнотою ночи, лезгины успѣли, однако, бѣжать, и драгуны привезли съ собою только девять головъ.

Это были первыя привезенныя драгунами головы, о которыхъ сохранились извѣстія. Съ тѣхъ поръ обычай этотъ укоренился такъ прочно, что несмотря на всѣ попытки къ его уничтоженію, онъ продержался до самаго окончанія Кавказской войны. Даже такія высоко-гуманныя и образованныя лица, какъ Воронцовъ, тщетно пытались бороться съ этимъ предразсудкомъ, и, въ концѣ концовъ, должны были признать за нимъ и печальную необходимость и даже извѣстное право. Впрочемъ, смотрѣть на это какъ на нѣчто особенно дикое и варварское, какъ на святотатственное оскорбленіе нравственнаго и религіознаго чувства, было бы не справедливо. Такъ поступалъ весь Кавказъ, вся Персія, вся Малая Азія, и такъ же стали поступать русскіе, поставленные силой обстоятельствъ въ тѣ же условія, при которыхъ велась война азіятцами. Добыть голову врага считалось дѣломъ высокой доблести, и по количеству этихъ головъ безошибочно судили о потерѣ, понесенной непріятелемъ. Кто не привезъ головы, тому нечего было и хвастаться своими небывалыми подвигами.

Пока Дьяковъ былъ за Алазанью, Грабовскій дошелъ до Таныччинскаго брода и успѣлъ истребить новую шайку: это были лезгины, потерявшіе въ бою у Бодбесхеви своихъ лошадей и теперь пробиравшіеся на родину пѣшими.

Съ донесеніемъ о своихъ удачныхъ дѣйствіяхъ Грабовскій послалъ въ Караагачъ драгуна Мартына Андрейцова, который, проѣзжая Ширакскую степь, неожиданно увидѣлъ двухъ конныхъ лезгинъ. Судя по свѣжимъ лошадямъ, они принадлежали къ новой, еще не открытой партіи, а потому Андрейцовъ, не раздумывая долго, кинулся на нихъ самъ и положилъ одного ударомъ сабли, а другого, обратившагося въ бѣгство, свалилъ мѣткою пулей; затѣмъ онъ поймалъ ихъ лошадей, сунулъ въ торока двѣ

отрубленныя головы, и, прискакавъ въ Караагачъ, поднялъ тревогу. Саликовъ выслалъ на развѣдки 4-й эскадронъ капитана Щербакова. Изъ опросовъ жителей Щербаковъ узналъ, что 70 конныхъ лезгинъ, дѣйствительно, спустились съ горъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Омара, котораго, въ понятіяхъ горцевъ, никто не превосходилъ отвагой и счастьемъ; но на этотъ разъ и судьба и счастіе измѣнили Омару: Щербаковъ настигнулъ партію 16-го іюля, и, отбросивъ ее стремительнымъ ударомъ къ Алазани, нагналъ прямо на Танычинскій бродъ, гдѣ все еще стоялъ Грабовскій. Лезгины, встрѣченные залпомъ, кинулись было въ шашки, разсчитывая смять кучку пѣшихъ людей, загородившихъ имъ дорогу, но въ это самое время съ тыла налетѣлъ на нихъ опять эскадронъ Щербакова. Лезгины повернули коней, чтобы встрѣтить новыхъ противниковъ, но, охваченные со всѣхъ сторонъ превосходными силами,—здѣсь и сложили свои головы: въ рукахъ драгунъ осталось 66 тѣлъ, а трупъ Омара отосланъ былъ въ Караагачъ.

Трудно повѣрить, чтобы во всѣхъ этихъ случаяхъ, при такихъ потеряхъ непріятеля, Нижегородцы, какъ говорятъ оффиціальныя донесенія, лишились только 4 человѣкъ ранеными, да 16 лошадей убитыми ([11]).

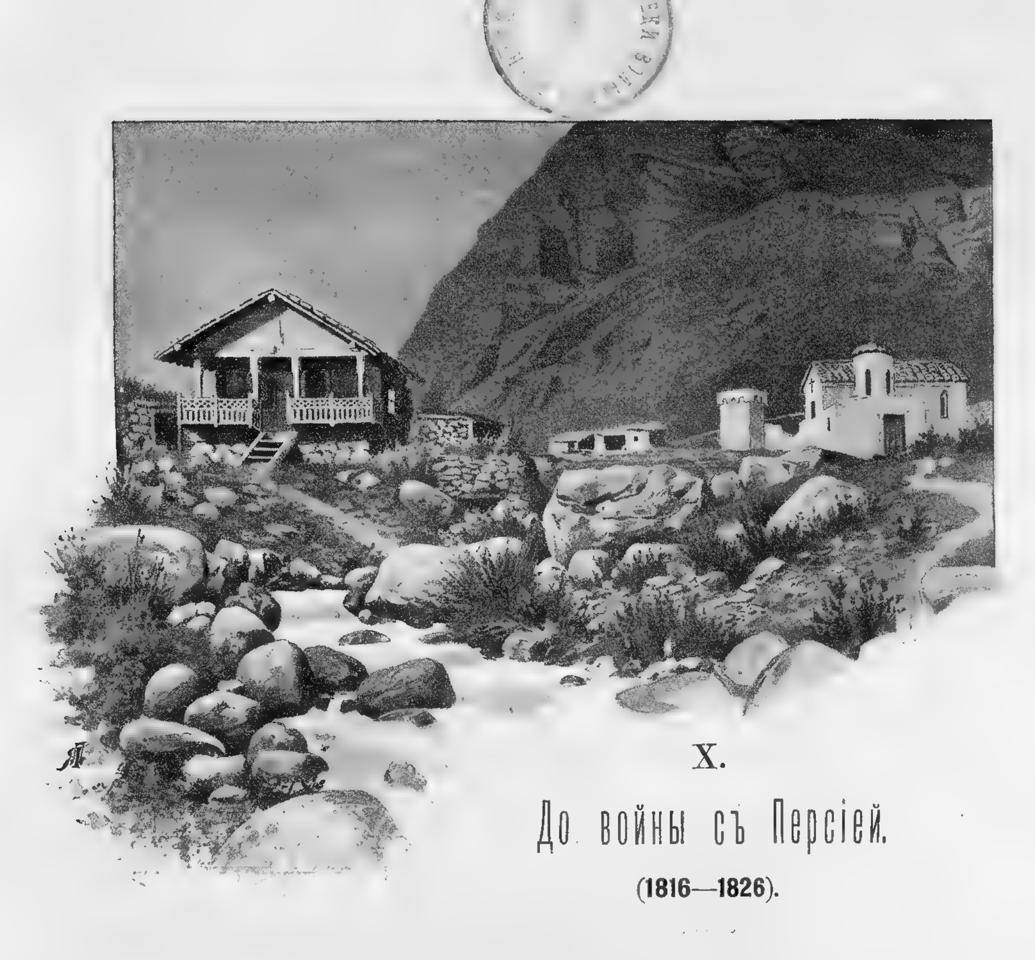
Главнокомандующій по достоинству оцѣнилъ эти молодецкія дѣла на Алазани: штабсъ-капитану Грабовскому пожалованъ былъ чинъ капитана и владимірскій крестъ; владимірскіе же кресты получили капитанъ Щербаковъ и штабсъ-капитанъ Марковъ; поручикъ Дьяковъ произведенъ въ штабсъ-капитаны; прапорщики Янковскій, Петровскій и Богаевскій награждены орденами св. Анны 3 ст., а юнкеръ Марковъ произведенъ въ офицеры. Нижнимъ чинамъ пожаловано было семь знаковъ отличія Военнаго ордена; ихъ получили: младшіе вахмистра Степанъ Емельяновъ и Иванъ Самойловъ, унтеръ-офицеры Абрамъ Кащеевъ и Григорій Тимошенко, и рядовые: Мартынъ Андрейцовъ, Федоръ Черновъ и Иванъ Бабкинъ. Рядовой (изъ разжалованныхъ) Димитрій Макаровъ произведенъ въ унтеръ-офицеры ([12]).

Пораженія, испытанныя лезгинами въ послѣдніе дни, были такимъ неслыханнымъ, почти невѣроятнымъ дѣломъ, что въ горахъ только и было рѣчей, что о драгунахъ ([13]). Царевичъ могъ убѣдиться теперь, что никто не станетъ больше рисковать изъ-за него своею головою, и началъ серьезно помышлять о побѣгѣ въ Персію. Слухи объ этомъ были такъ настойчивы, что эскадроны Нижегородскаго полка всю осень поочередно ходили за

Алазань, въ Сабуи, Кварели или въ Чеканы, чтобы перехватить царевича на самой границѣ (14). Но въ Дагестанѣ не находилось ни одного человѣка, который при тогдашнихъ обстоятельствахъ, даже за большія деньги, согласился бы сдѣлаться его проводникомъ, и царевичъ до времени долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Такъ окончился 1815-й годъ, и вмѣстѣ съ нимъ окончилось командованіе полкомъ маіора Саликова, ознаменованное блестящими дѣлами на Алазани. 10 февраля 1816 года послѣдовалъ высочайшій приказъ, которымъ командиромъ Нижегородскаго полка назначенъ былъ полковникъ Климовскій, а Саликовъ долженъ былъ возвратиться къ своей прежней должности эскадроннаго командира.

X.

До войны съ Персіей.

(1816—1826).

Климовскій, и екатерининскій духъ Нижегородскаго полка. — Назначеніе на Кавказъ Ермолова. — Главная дѣятельность его внѣ Кахетіи. — Усиленіе лезгинскихъ набѣговъ на Алазани.—Кровавое происшествіе въ самомъ Караагачѣ.—Трагическая смерть маіора Суржикова.—Бѣгство царевича Александра въ Персію.—Значеніе на Кавказѣ полковыхъ штабъ-квартиръ.—Осѣдлое устройство Караагача.—Временное командованіе князя Чавчавадзе.—Экспедиція къ Катехамъ.—Полковникъ Шабельскій.—Приказъ его по полку.—Обманутыя ожиданія.—Строгій пріемъ полка.—Опытъ кавказской жизни какъ лучшій учитель.—Пограничныя тревоги.—Кончина императора Александра и воцареніе Николая I.

Новый командиръ Нижегородскаго полка полковникъ Левъ Васильевичъ Климовскій прибылъ въ Караагачъ 11 августа 1816 года. Это былъ старый гвардейскій драгунъ, явившійся въ полкъ съ репутаціей отличнаго боевого офицера, закрѣпленною за нимъ въ наполеоновскихъ войнахъ. Но еще

болѣе счастливымъ обстоятельствомъ для нашего полка было то, что Климовскій получилъ свое назначеніе непосредственно за окончаніемъ войнъ, когда въ русской арміи только начинала еще вводиться новая система строевого обученія, далеко расходившаяся съ истинными боевыми требованіями. Къ счастію, направленіе это, которое могло печально отразиться на полку, поставленномъ въ условія вѣчной войны, осталось чуждымъ самому Климовскому, и Нижегородской полкъ подъ его командой сохранилъ свои старыя, боевыя традиціи. Заброшенный въ глухую Кахетію, стоя на рубежѣ вражеской земли, онъ былъ слишкомъ далекъ отъ реформъ, навѣянныхъ нѣмецкою школой, и какъ пришелъ на Кавказъ полкомъ екатерининскимъ, такъ имъ и остался до послѣдняго выстрѣла кавказской войны. Это былъ полкъ, лишенный внѣшняго блеска, сидѣвшій на некрасивыхъ, повидимому плохо выѣзжанныхъ, съ манежной точки зрѣнія, степнякахъ, не пріученный къ сложнымъ уставнымъ построеніямъ, но за то смѣлый, подвижный, рѣшительный, и твердый, какъ кремень.

Когда Климовскій прибылъ къ полку, три эскадрона его, подъ командой маіора Любецкаго, были въ отдѣлѣ и, по заведенному порядку, стояли на Бѣломъ Ключѣ, охраняя окрестности Тифлиса отъ турецкихъ лезгинъ (1). Это была, впрочемъ, послѣдняя командировка драгунъ въ Карталинію. Осенью эскадроны воротились въ Караагачъ (2), и для Нижегородскаго полка началась съ этихъ поръ прочная осѣдлая жизнь въ укромномъ уголкѣ Закавказья, съ зимовками въ Караагачѣ, и съ лѣтними стоянками на возвышенной мѣстности у Царскихъ Колодцевъ.

Назначеніе Климовскаго командиромъ Нижегородскаго полка совпадаетъ съ наступленіемъ для Кавказа новаго періода русскаго владычества, богатаго великими и рѣшительными послѣдствіями: во главѣ обширной страны, простирающейся по обѣимъ сторонамъ Кавказскихъ горъ, становится Ермоловъ.

Имя Ермолова, какъ мы видѣли, не было чуждо Нижегородцамъ. Но на боевую исторію полка назначеніе его главнокомандующимъ Кавказскаго края большого вліянія не имѣло. Въ то время, какъ славою знаменитаго вождя наполнялись Кабарда, Чечня, предгорія Дагестана и земли закубанскихъ народовъ, Кахетія оставалась въ томъ же положеніи, какъ и при его предмѣстникахъ. Вносить оружіе въ глубь лезгистанскихъ горъ не было ни достаточныхъ силъ, ни даже поводовъ, потому что лезгины послѣ испытанныхъ ими пораженій сдѣлались гораздо миролюбивѣе. На-

ступившая тишина изрѣдка перерывалась лишь мелкими разбоями, противъ которыхъ по условіямъ мѣстности, и по складу самой жизни кахетинскаго простолюдина, всякая предосторожность была безсильна, а военныя экспедиціи безполезны.

Эти разбои и хищничества, конечно, не миновали и нашихъ Нижегородцевъ, врываясь иногда въ ихъ мирную жизнь съ характеромъ страшно-кровавымъ и драматичнымъ. Было нѣсколько поражающихъ случаевъ, яркими красками рисующихъ воображенію мстительные и мрачные нравы обитателей горъ. Вотъ что случилось, напр., 14 апрѣля 1818 года ([3]).

На поляхъ Кахетіи лежала темная ночь, было около 10 часовъ. Въ Караагачѣ, сквозь затворенные ставни офицерскихъ домиковъ, здѣсь и тамъ мелькали огоньки. Въ это время по широкой Караагачской улицѣ шелъ какой-то татаринъ съ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ. Сторожевая цѣпь пропустила его, принявъ за грузина, и видя, что кромѣ кинжала, у него не было никакого оружія. На пустынныхъ улицахъ на встрѣчу ему тоже никто не попадался. Онъ остановился передъ низенькимъ, слабо освѣщеннымъ домикомъ и повернулъ въ сѣни. Это была швальня 4-го эскадрона, въ которой находилось въ то время семь человѣкъ драгунъ, собранныхъ для шитья мундирной одежды. Пятеро изъ нихъ уже спали, а двое работали при тускломъ свѣтѣ сальнаго огарка. Переступивъ порогъ, татаринъ вдругъ выхватилъ огромный кинжалъ и бросился на спящихъ. Двое изъ нихъ мгновенно получили смертельныя раны; но остальные, разбуженные шумомъ, и двое не спавшихъ напали на татарина; завязалась борьба. Размахивая кинжаломъ, татаринъ нанесъ смертельныя раны еще двоимъ, и только тогда былъ заколотъ штыками. Всѣ четверо раненыхъ умерли въ ту же самую ночь. А за смертію самаго виновника этой ночной драмы осталось неизвѣстнымъ, что послужило причиной дикаго, фанатическаго поступка.

Тревога между тѣмъ подняла на ноги весь Караагачъ. Подозрѣвая, что вблизи должна была скрываться какая-нибудь партія, полковникъ Климовскій тотчасъ извѣстилъ объ этомъ сосѣдніе посты, и одинъ изъ нихъ, казачій, скоро увидѣлъ пѣшихъ лезгинъ, которые при его приближеніи бросились въ лѣсистую балку. Казаки, опасаясь засады, остановились. На выстрѣлы подоспѣлъ между тѣмъ драгунскій разъѣздъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, вошелъ въ лѣсъ, захватилъ восемь человѣкъ и привелъ ихъ въ Караагачъ. На допросѣ лезгины показали, что они мирные, пріѣз-

жали за нефтью и, зарывъ бурдюки въ землю около нефтяныхъ колодцевъ, пошли въ бараній кошъ, гдѣ оставили своихъ лошадей. Казаки, замѣтившіе ихъ, стали стрѣлять, и они, опасаясь быть убитыми, скрылись, но сами не стрѣляли. Все это было вѣрно: драгуны нашли и зарытые въ землю бурдюки съ нефтью, и лошадей, ходившихъ при отарахъ; но тѣмъ не менѣе ихъ задержали до окончанія слѣдствія, которое, впрочемъ, ничего не открыло ([4]).

Хроника маленькихъ кровавыхъ происшествій въ этомъ году въ Кахетіи была вообще довольно велика. Вотъ еще нѣсколько случаевъ, о которыхъ уцѣлѣли свѣдѣнія: 5 мая шайка конныхъ лезгинъ ночью подъѣхала къ драгунскому пикету, дала залпъ, ранила одного драгуна и скрылась ([5]). Въ другой разъ повторилось то же самое. Лѣто также было тревожное. Слухи о намѣреніи царевича пробраться въ Персію до того становились настойчивы, что Ермоловъ приказалъ Нижегородскому полку занять всѣ броды по Алазани, а полтораста пѣшихъ драгунъ отправить въ Кварель для усиленія за-алазанскихъ постовъ. Нижегородцы прибыли на Алазань какъ разъ въ то время, когда случилось нападеніе на Сабуи. 500 человѣкъ лезгинъ внезапно кинулись на это селеніе, и, конечно, уничтожили бы его до тла, если бы наши войска не стояли наготовѣ. По первой тревогѣ на помощь къ жителямъ съ одной стороны подоспѣлъ Грузинскій батальонъ, а съ другой — прискакалъ Климовскій съ своими драгунами, и лезгины поспѣшно отступили въ горы ([6]). Все лѣто провели Нижегородцы сторожа царевича, но тотъ, какъ извѣстно, переправился черезъ Куру въ Демурчасалахъ, и, пользуясь оплошностью донскихъ казаковъ, пробрался черезъ Карталинію. На Алазани сторожить больше было некого, и драгуны отпущены были въ свою штабъ-квартиру. Здѣсь новое происшествіе. Въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ Караагача послана была небольшая команда въ лѣсъ, за дровами. День былъ теплый, люди сбросили съ себя шинели, и, приставивъ къ нимъ часового, принялись за работу. Вдругъ изъ кустовъ выскочили лезгины, схватили шинели и моментально скрылись. Часовой выстрѣлилъ; команда, бросившись преслѣдовать бѣгущихъ, столпилась на берегу Алазани, какъ вдругъ съ той стороны грянулъ залпъ—и рядовой Исаевъ упалъ съ простреленною ногою ([7]).

Все это были случаи, говоря вообще, довольно обыкновенные, повторявшіеся тогда не въ одной Кахетіи. Такъ, жертвою этихъ же мелкихъ разбоевъ сдѣлался въ концѣ 1819 года и одинъ изъ старѣйшихъ офи-

церовъ Нижегородскаго полка маіоръ Сурживовъ, погибшій на Кавказской линіи, далеко отъ Кахетіи.

Сурживовъ былъ въ отпуску. 20 декабря онъ ѣхалъ изъ Моздока въ Екатериноградъ къ своему семейству и везъ съ собою значительную сумму денегъ. Размѣнивая въ Моздокѣ червонцы, онъ неосторожно вынималъ ихъ при осетинахъ, и это-то послужило, какъ оказалось впослѣдствіи, главнѣйшимъ соблазномъ для нападающихъ. Время тогда стояло тревожное, путь былъ опасенъ. Сурживову предлагали взять съ собой казачій конвой, но онъ отказался, понадѣявшись на русское авось, да на свою богатырскую силу. Въ лунную ночь ѣхалъ онъ въ открытыхъ саняхъ, на парѣ собственныхъ бойкихъ лошадокъ, которыми правилъ денщикъ. Верстахъ въ пяти за Павлодольской станицею дорога повернула къ Тереку, а за рѣкой показался аулъ, одинъ изъ тѣхъ мирныхъ ауловъ, про которые давно уже ходила недобрая слава. Въ этомъ-то мѣстѣ передъ нашими путниками внезапно выросли четыре всадника въ буркахъ и въ башлыкахъ, которыми окутаны были ихъ лица. Поодаль стоялъ пятый, высматривавшій, не ѣдетъ ли гдѣ казачій разъѣздъ. Дремавшій Сурживовъ при громкомъ окрикѣ «стой!» схватился за ружье; но не успѣлъ онъ его вскинуть къ плечу, какъ грянулъ выстрѣлъ, и пуля положила его на мѣстѣ. Денщикъ погналъ лошадей, но былъ настигнутъ и изрубленъ. Проѣзжавшіе черезъ полчаса по этой же дорогѣ казаки нашли опрокинутыя сани безъ лошадей, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ два трупа: одинъ въ солдатской шинели, другой съ огромными усами, спускавшимися на самую грудь, безъ шубы и сюртука; только по синимъ рейтузамъ съ широкимъ лампасомъ и можно было признать въ немъ драгунскаго офицера. Казаки тотчасъ дали знать на Чарноярскій постъ. Разъѣздъ, посланный оттуда, скоро напалъ на сакму, которая и привела его къ осетинскому аулу. Старшины и нѣкоторые изъ вліятельныхъ стариковъ были арестованы и привезены въ Екатериноградъ. Началось слѣдствіе, и тутъ-то выяснилось, что два осетина, видѣвшіе какъ Сурживовъ мѣнялъ червонцы, сообщили объ этомъ еще двумъ своимъ односельцамъ, а на бѣду въ аулѣ скрывался въ то время извѣстный разбойникъ Галуевъ, бѣжавшій изъ екатериноградской тюрьмы, который и подбилъ всѣхъ четверыхъ отправиться съ нимъ за Терекъ. Разбойники привезли съ собою болѣе пяти тысячъ рублей, и успѣли уже передать ихъ въ десятыя руки, когда Ермоловъ потребовалъ выдачи преступниковъ, угрожая въ

противномъ случаѣ повѣсить старшинъ. Арестъ почетныхъ людей, быстрые розыски и ермоловская угроза сдѣлали то, что ни одинъ изъ участвовавшихъ въ грабежѣ не ушелъ отъ правосудія, но денегъ все-таки не нашли, и взыскали ихъ съ цѣлаго аула (8).

Среди такихъ тревогъ проходили дни Нижегородцевъ; но собственно серьезныхъ военныхъ дѣйствій не было во все время командованія Климовскаго. За то во внутренней жизни полка при немъ совершилась одна перемѣна, оказавшая глубокое вліяніе не только на полкъ, но и на нѣкоторыя стороны жизни цѣлаго края. Это было устройство прочной полковой штабъ-квартиры, превратившей Караагачъ изъ военнаго лагеря въ осѣдлый и населенный пунктъ. Теперь это было уже не укрѣпленіе, не тотъ «камень, брошенный въ полѣ, который снесутъ вѣтры и смоютъ дожди»—а «растеніе», которое, какъ говаривали горцы, «впивается въ землю корнями и понемногу застилаетъ и захватываетъ все поле». Мысль объ учрежденіи такихъ штабъ-квартиръ принадлежала Ртищеву, но она была проведена и развита съ замѣчательною послѣдовательностью и въ широкихъ размѣрахъ только Ермоловымъ. Это было нѣчто въ родѣ основанія для солдатъ полуосѣдлаго, полуказацкаго быта, который, собственно говоря, только одинъ и могъ придать непреодолимую крѣпость русскимъ границамъ. Въ этомъ тревожномъ азіятскомъ уголкѣ, спокон вѣковъ служившемъ цѣлью всяческихъ нашествій, ежеминутно можно было ожидать набѣга и вторженія. Вольный лезгинъ, персидскій курдъ и турецкій качагъ не ждали объявленія войны, да и среди нашихъ татарскихъ племенъ, отличавшихся наѣздничествомъ, всегда находились охотники совершить кровавое дѣло, лишь бы для этого представился благопріятный случай. Угрожающая сила, слѣдовательно, нужна была и противъ нихъ. И вотъ этою-то угрожающею силой и является собственно боевой элементъ штабъ-квартиры, а представителемъ ея осѣдлости, культуры—служила слободка. Послѣдняя населялась исключительно женатыми нижними чинами, на которыхъ и возлагалась обязанность вести, развивать и послѣдовательно улучшать полковое хозяйство. Невозможно исчислить всѣхъ благъ, принесенныхъ этимъ нововведеніемъ въ жизнь кавказскаго солдата. Выступая въ походъ, онъ оставлялъ за собою почти родной уголъ, подъ присмотромъ внимательнаго женскаго глаза, и подъ крѣпкою защитою хорошо вооруженнаго товарища, такъ какъ женатые нижніе чины въ походъ не ходили. Кончился походъ,—и онъ возвращался опять въ тотъ же уголокъ, домой, гдѣ

у него давно завязались крѣпкія нравственныя связи. Караагачъ и Царскіе Колодцы и были первыми штабъ-квартирами на Кавказѣ.

Скромный Караагачскій постъ, состоявшій до того изъ нѣсколькихъ землянокъ, въ командованіе Климовскаго значительно обстроился, и въ 1820 году, по словамъ извѣстнаго путешественника Гамбы, уже представлялъ собою чистенькій, хорошо устроенный, хотя и небольшой городокъ (9). Послѣ грузинскихъ мазанокъ и татарскихъ саклей глазъ съ удовольствіемъ останавливался на укромныхъ русскихъ избахъ, весело смотрѣвшихъ своими большими свѣтлыми окнами. Вытянувшись въ одну широкую улицу, уютные домики эти съ черепичными кровлями, съ дверями и рамами изъ чистаго орѣха, расписаннаго самою природой красивыми и прихотливыми узорами, прятались въ тѣни роскошныхъ южныхъ садовъ, и ясно говорили о довольствѣ и привольной жизни своихъ обитателей. И, дѣйствительно, драгуны держали въ Караагачѣ богатыя пасѣки, разводили прекрасные огороды, устраивали конскіе заводы, а слободка хвалилась еще и рогатымъ скотомъ крупной талышинской породы. Это были громадныхъ размѣровъ быки, имѣвшіе, подобно бизонамъ, горбъ между плечами и густую гриву, которая придавала имъ необычайно суровый, даже свирѣпый видъ (10). Не забывались и духовныя стороны жизни: подъ наблюденіемъ Сталя, Климовскій много содѣйствовалъ развитію школы, учрежденной при полку еще въ 1808 году для обученія грамотѣ нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, готовившихся къ унтеръ-офицерскому званію,—фактъ, не лишенный глубокаго интереса при характеристикѣ тогдашней эпохи, уже сознававшей потребность въ болѣе развитыхъ и образованныхъ людяхъ (11).

Въ тѣ времена, о которыхъ ведется разсказъ, между Караагачемъ и Царскими Колодцами тянулся сплошной дремучій лѣсъ, въ самой чащѣ котораго, на уединенномъ пикѣ, стояли живописныя развалины замка, представлявшаго собой одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій старой Кахетіи. Онъ господствовалъ надъ всей Алазанской долиной, и нѣкогда, если вѣрить преданіямъ, служилъ любимымъ мѣстопребываніемъ Тамары, которая подолгу живала здѣсь лѣтомъ, и въ знойные дни заставляла лезгинъ привозить себѣ ледъ съ самыхъ вершинъ снѣгового Кавказа.

Въ окрестностяхъ этого-то чуднаго замка, на возвышенномъ плато, въ пяти верстахъ отъ Царскихъ Колодцевъ, драгуны устроили свой лѣтній лагерь, «лѣтовку», обративъ дикій и суровый лѣсъ въ расчи-

щенныя прекрасныя рощи, гдѣ вѣяло вѣчной прохладой, тогда какъ внизу, у Караагача, страшный зной губилъ всякую растительность. Въ 1814 году драгуны въ первый разъ вышли сюда въ лагерь, и съ тѣхъ поръ, до конца своей стоянки въ Кахетіи, уже никогда не измѣняли своимъ «лѣтовкамъ». И зимою и лѣтомъ, Нижегородскій полкъ, покрывавшій, какъ сѣтью, своими покосами, табунами, лѣсопильными заводами всю Алазанскую долину отъ Караагача до самой Муганлынской переправы, служилъ надежнымъ прикрытіемъ Кахетіи, и самымъ удобнымъ подвижнымъ резервомъ для войскъ передовой линіи.

Климовскій, которому полкъ въ значительной степени обязанъ былъ всѣмъ этимъ благосостояніемъ, сошелъ со сцены слишкомъ рано, не успѣвъ довершить начатаго дѣла: 21 января 1821 года онъ умеръ скоропостижно ([12]).

Мѣсто Климовскаго, по приказанію Ермолова, занялъ старшій штабъ-офицеръ Нижегородскаго полка полковникъ князь Александръ Чавчавадзе, личность, получившая впослѣдствіи большое историческое значеніе.

Александъ Герсевановичъ Чавчавадзе былъ сынъ знаменитаго князя Герсевана, и родился въ Петербургѣ въ 1783 году, въ то время, когда отецъ его находился тамъ полномочнымъ министромъ грузинскаго царя Ираклія; воспріемницею его отъ купели была сама императрица Екатерина.

Получивъ образованіе въ одномъ изъ лучшимъ пансіоновъ столицы и затѣмъ докончивъ его въ Тифлисѣ, подъ руководствомъ отца, не щадившаго ничего на его воспитаніе, молодой Чавчавадзе не избѣгнулъ, однако, ни ошибокъ, ни увлеченій молодости. Въ первые годы русскаго правленія, когда Грузія была еще переполнена партіями, молодой 15-лѣтній князь скоро опутанъ былъ тонкими сѣтями интригъ, и до того увлекся идеею возстановленія древняго могущества Иверіи, что въ 1804 году тайно бѣжалъ къ царевичу Парнаозу, стоявшему тогда подъ Анануромъ. Царевичъ, какъ извѣстно, въ томъ же году былъ разбитъ, и во время бѣгства захваченъ въ плѣнъ со всею своею свитой, въ числѣ которой былъ и молодой Чавчавадзе. Заслуги отца спасли его отъ неизбѣжной кары, и императоръ не только благодушно простилъ увлеченіе юноши, но вызвалъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ въ Пажескій корпусъ. Здѣсь князь Чавчавадзе докончилъ свое образованіе, былъ выпущенъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, и въ 1811 году снова вернулся на родину, но уже адъютантомъ русскаго главнокомандующаго маркиза Паулуччи.

Съ Паулуччи онъ находился при усмиреніи Кахетинскаго бунта, былъ раненъ пулею въ ногу въ дѣлѣ подъ Велисцихе, и вмѣстѣ съ Паулуччи же выѣхалъ изъ Грузіи, чтобы принять участіе въ великихъ событіяхъ отечественной войны. Походы въ Германію и Францію не прошли безслѣдно для любознательнаго молодого офицера и были для него практической образовательною школой. И когда въ 1817 г., уже въ чинѣ полковника, онъ снова вернулся на Кавказъ, переведенный изъ лейбъ-гусаръ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ родной ему Кахетіи, то явился уже личностію, далеко выдвигавшеюся изъ общаго уровня своихъ соотечественниковъ.

Кратковременное командованіе его полкомъ ознаменовалось экспедиціею въ Джарскую область, гдѣ возникли большія волненія, вслѣдствіе распространившагося слуха о неизбѣжной войнѣ между Россіей и Турціей, по поводу греческихъ дѣлъ; князь Эристовъ, командовавшій тогда войсками въ Кахетіи, быстро собралъ въ Караагачѣ значительный отрядъ, въ составъ котораго вошелъ дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ личной командой князя Чавчавадзе, и 23 февраля 1822 года внезапно подошелъ къ Закаталамъ. Застигнутые врасплохъ, жители изъявили покорность, но коноводы движенія, успѣвшіе перебѣжать въ Катехи, прислали сказать, что не нуждаются въ великодушіи, и что съумѣютъ отстоять свою свободу оружіемъ. Примѣръ этотъ могъ вызвать общій взрывъ по всей Джаро-Бѣлоканской области,—и Эристовъ 3 марта двинулся къ Катехамъ.

Вступая въ ущелье, Нижегородскій дивизіонъ, слѣдовавшій въ авангардѣ, былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ, но, бросившись въ сабли, разсѣялъ непріятеля. Отсюда дорога, однакоже, становилась непроходимой для кавалеріи, и драгуны, спѣшившись, продолжали наступленіе вмѣстѣ съ пѣхотой. Большой завалъ, преграждавшій путь къ деревнѣ, взятъ былъ штурмомъ, и Чавчавадзе съ своими эскадронами, разсыпанными въ цѣпь, долго преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля. Невдалекѣ отъ завала онъ миновалъ балаганы, въ которыхъ недавно укрывались семейства катехцевъ; балаганы были пусты; жители успѣли бѣжать, но имущество было брошено и забрано пѣхотой. Далѣе войскамъ стали попадаться овцы, коровы, быки, и, наконецъ, дѣти, которыхъ матери бросали на произволъ судьбы. Ночью въ горахъ выпалъ глубокій снѣгъ, и положеніе бѣдныхъ семействъ стало еще ужаснѣе. Катехцы просили пощады. Эристовъ поз-

волилъ имъ спуститься съ горъ, но тѣмъ не менѣе деревни и всѣ окрестные хутора ихъ были преданы пламени (13).

Нижегородцы потеряли въ этотъ день только двухъ рядовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ, а другой раненъ (14). Въ числѣ же отличившихся показанъ, между прочимъ, рядовой (изъ разжалованныхъ) Григорій Нечволовъ (15), которому въ будущемъ предстояла крупная роль во внутренней исторіи полка. Штурмъ катехскаго завала въ третій разъ доставилъ ему офицерскіе эполеты, и Нечволодовъ въ третій разъ началъ свою военную карьеру.

Вернувшись въ Караагачъ, Нижегородцы узнали о назначеніи къ нимъ новаго полкового командира полковника Шабельскаго. Это было для всѣхъ, и тѣмъ болѣе для самого Чавчавадзе, полною неожиданностью. Оказалось, что Ермоловъ, донося въ Петербургъ о смерти Климовскаго, писалъ, «что не имѣетъ въ кавалеріи коротко знакомыхъ ему штабъ-офицеровъ, которыхъ могъ бы рекомендовать на означенную должность», и прибавлялъ, что «командующій полкомъ въ настоящее время князь Чавчавадзе, хотя и обладаетъ отлично хорошими способностями и знаніемъ службы, но молодъ лѣтами, чтобы командовать кавалерійскимъ полкомъ»(16).

Въ Петербургѣ заявленіе это поняли почему-то нѣсколько своеобразно, и назначили командиромъ полка—Шабельскаго, который былъ моложе Чавчавадзе не только лѣтами, но и службой. Обиженный Чавчавадзе тотчасъ перешелъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ, и затѣмъ, оставивъ строевую службу, поселился въ Тифлисѣ (17). Нижегородцы съ грустію простились съ своимъ достойнымъ товарищемъ, о которомъ память жила въ полку до позднѣйшаго времени.

Новый полковой командиръ Нижегородцевъ Иванъ Петровичъ Шабельскій,—впослѣдствіи командиръ драгунскаго корпуса, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ кавалерійскихъ генераловъ царствованія императора Николая Павловича,—получилъ образованіе въ корпусѣ путей сообщенія. Выпущенный въ офицеры во время отечественной войны, онъ исполнялъ при графѣ Витгенштейнѣ обязанности то инженера, то офицера генеральнаго штаба, и своею дѣятельностью настолько выдвинулся изъ круга сверстниковъ, что на 17-мъ году отъ роду былъ уже капитаномъ, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ. Военныя способности его скоро были замѣчены. Разсказываютъ, что во время Бауценскаго сраженія, когда французскіе кирасиры атаковали нашъ центръ и были отбиты,

Шабельскій, быстро оцѣнивъ выгоды мѣстности, предложилъ начальнику штаба генералу Довре скрытно провести Чугуевскій уланскій полкъ въ тылъ непріятеля. Осторожный Довре болѣе чѣмъ недовѣрчиво отнесся къ словамъ 18-лѣтняго капитана. Между тѣмъ разговоръ услышалъ прусскій король, и, подъѣхавъ, спросилъ, о чемъ идетъ рѣчь. Довре объяснилъ ему предложеніе Шабельскаго. «А знаете», сказалъ король, «этотъ молодой человѣкъ обладаетъ вѣрнымъ тактическимъ взглядомъ. Это будетъ очень хорошо». Къ сожалѣнію, пока шли разговоры, французы отступили, и чугуевцамъ, которыхъ повелъ Шабельскій, удалось уничтожить только часть аррьергарда. На другой день король вспомнилъ о молодомъ офицерѣ и прислалъ ему орденъ «Pour le mérite». Окончивъ войну въ стѣнахъ Парижа, Шабельскій былъ представленъ въ полковники. Замѣчательно, что девятнадцатилѣтній капитанъ, подавивъ въ себѣ честолюбіе, просилъ остановить производство, и послѣ многихъ хлопотъ добился того, что чинъ былъ замѣненъ для него алмазными знаками ордена св. Анны 2 ст. и золотою саблей.

Производство Шабельскаго въ полковники состоялось спустя три года послѣ войны, съ переводомъ его изъ корпуса путей сообщенія въ Дерптскій конно-егерскій полкъ. Это было время, когда въ кавалеріи вводились новые уставы, новая посадка, новая манежная ѣзда, и трудную школу эту Шабельскій прошелъ въ Варшавѣ подъ личнымъ руководствомъ цесаревича Константина Павловича. Тамъ же, въ Варшавѣ, состоялось и назначеніе его на новую должность 18-го декабря 1821 года ([18]).

Зная Нижегородскій полкъ по реляціямъ еще въ Петербургѣ, Шабельскій, проѣздомъ въ Караагачъ, слышалъ самые восторженные отзывы о немъ и по всему Кавказу. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ прибылъ въ штабъ-квартиру 1 іюля 1822 года, и отдалъ слѣдующій приказъ по полку:

«Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю себѣ изъяснить новымъ моимъ сотоварищамъ, сколь лестно для меня командовать полкомъ, ознаменовавшимъ себя даже въ самой древности достопамятными дѣлами мужества, рвеніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей, строжайшею дисциплиной и всегдашнею готовностью къ безропотному перенесенію всѣхъ тяжестей войны и трудностей, сопряженныхъ со службою въ здѣшнемъ краѣ. Такъ относятся къ вамъ всѣ, и самъ главнокомандующій генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ. Чрезмѣрно пріятно слышать таковыя похвалы, и я вмѣ-

-няю себѣ за особенное счастіе командовать столь славнымъ и храбрымъ полкомъ, потщась заслужить его любовь и довѣріе, заставивъ забыть всѣ непріятности службы въ странѣ, отдаленной не только отъ родины, но и отъ всѣхъ жизненныхъ удовольствій. Увѣренъ, что и новые мои сотоварищи употребятъ всѣ силы, чтобы стремиться къ той, свойственной имъ славѣ и усердію къ службѣ, которыя доставятъ мнѣ святую обязанность быть предстателемъ заслугъ всѣхъ и каждаго, чтобы доставить должное должному» ([19]).

Ближайшее знакомство съ матеріальною частью полка, однако, охладило Шабельскаго. Молодой офицеръ, едва начинавшій свою кавалерійскую карьеру, притомъ вышедшій изъ суровой школы цесаревича, Шабельскій, слыша повсюду восторженные отзывы о Нижегородцахъ, приготовился увидѣть блестящіе эскадроны, грозные, стройные, моментально разрѣшающіе самыя сложныя кавалерійскія эволюціи,—и увидѣлъ пѣшій полкъ, лошади котораго, маленькія, невзрачныя, изрѣдка только видавшія скребницу и щетку, гуляли табунами по всей широкой степи; только однѣ дежурныя части и держали коней около себя на приколахъ. Солдатская одежда, аммуниція, сѣдла—все это представлялось старшимъ штабъ-офицеромъ полка подполковникомъ Саликовымъ, героемъ хевсурскаго похода, но въ такомъ видѣ, который въ Россіи, съ точки зрѣнія парадовъ, былъ просто немыслимъ. Изъ полкового ученья также ничего не вышло. Команды въ родѣ: «Деплояда анъ-эшикье!» *)—оставались, конечно, въ полку безъ исполненія, при гробовомъ молчаніи фронта. Не только о деплоядѣ «анъ-эшикье», но ни о какихъ вообще сложныхъ эволюціяхъ и контръ-маршахъ, ни о какихъ иностранныхъ словахъ: «траверсъ», «ранверсъ», «тротъ», «редопъ», «курцъ-галопъ» и тому подобныхъ, никто изъ Нижегородцевъ никогда не слыхалъ, и не имѣлъ о нихъ никакого понятія, — въ азіятской войнѣ, да, пожалуй, и во всякой, онѣ были излишней, и даже неумѣстной роскошью ([21]). Шабельскому пришлось ограничиться простѣйшими построеніями эскадронныхъ колоннъ, развертываніемъ ихъ, да при одиночной ѣздѣ любоваться быстрою скачкой, какой онъ никогда не видѣлъ. Но и скачка не удовлетворила его: лошади были непріемисты, и

---

*) «Деплояда анъ-эшикье» обозначала построеніе изъ сомкнутой эскадронной колонны фронта въ двѣ линіи, при чемъ прибавлялась еще команда: «Деплояда безъ контръ-марша», или «съ контръ-маршемъ по такому-то эскадрону» ([20]).

хотя скакали чѣмъ дальше, тѣмъ шибче, и могли тянуть на десятки верстъ, но не брали съ мѣста, какъ требовалось, красивою «лансадою». Все, что встрѣчалъ здѣсь Шабельскій, поражало его своей оригинальностью, и онъ писалъ Ермолову, что нашелъ Нижегородскій полкъ, послѣ командованія Климовскаго, «не только разстроеннымъ, но въ матеріальномъ отношеніи и уничтоженнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова». «Сѣделъ въ полку»,—доносилъ онъ:—«нѣтъ и, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, полку, въ полномъ составѣ, выѣхать не на чемъ, ибо нельзя считать сѣдлами перегорѣлые ремни, и ленчики, поломанные и кое-какъ скрѣпленные желѣзомъ». Изъ 864 лошадей — семьсотъ, по мнѣнію Шабельскаго, были негодны. Ермоловъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы могла существовать такая кавалерійская часть, которой не на чемъ было бы ѣздить, тѣмъ болѣе, что только за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ капитанъ Санановъ привелъ въ полкъ 152 молодыя лошади, которыя всѣ до одной, по свидѣтельству наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ полка, оказались высокихъ качествъ, далеко даже превышавшихъ требованія, предъявляемыя къ ремонтной лошади. Ермоловъ помнилъ, что Сананову была объявлена имъ даже благодарность по корпусу. Онъ недоумѣвалъ теперь: куда же дѣвались эти лошади?—и когда разъяснилось, что лошади въ полку,—то приписалъ требовательность Шабельскаго если «не корыстнымъ видамъ», то, по меньшей мѣрѣ, его крайней неопытности (22). Въ послѣднемъ, дѣйствительно, и заключался секретъ. Тяжелая постовая служба, разъѣзды, аванпостныя дѣла, словомъ, та ежедневная мелкая борьба, которая выпала на долю Нижегородцевъ со дня прихода ихъ въ Грузію, исключала всякую возможность тратить время и средства на безполезное щегольство, до котораго и достигнуть-то было нельзя, особенно при замедленіи казенныхъ отпусковъ, которые затягивались иногда по цѣлымъ годамъ. Нижегородцы явились на смотръ къ Шабельскому, по крайней мѣрѣ, въ сапогахъ, а кабардинцы не разъ вступали въ Тифлисъ и проходили мимо Ермолова совсѣмъ безъ сапогъ, въ лаптяхъ и опоркахъ, что не мѣшало, однакоже, носить имъ знаменитое имя «десятаго легіона». Недостатки, найденные Шабельскимъ въ Нижегородскомъ полку, были долгое время присущи всей геройской кавказской арміи, и поправить ихъ нельзя было по произволу одного человѣка: это было дѣломъ многихъ лѣтъ, и болѣе обстоятельствъ, нежели людей. Что бы подумалъ Шабельскій, если бы тогда ему сказали, что пройдетъ еще сорокъ лѣтъ, и Нижегородскій полкъ, покрытый уже

славою многихъ побѣдоносныхъ битвъ, явится на царскій смотръ безъ мундштуковъ и вальтраповъ.

Дѣло представилось бы Шабельскому нѣсколько иначе, если бы онъ взглянулъ на него проще, глазами боевого кавказскаго офицера. Есть свѣдѣнія, которыя подтверждаютъ это предположеніе. Не задолго до смерти Климовскаго, Караагачъ посѣтилъ извѣстный французскій путешественникъ Гамба, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, поручикомъ французской кавалеріи, и на обоихъ ихъ Нижегородскій полкъ произвелъ весьма внушительное впечатлѣніе. «Мы видѣли ученье одного эскадрона», пишетъ Гамба, «и любовались необычайною быстротою эволюцій. Лошади въ полку всѣ кабардинской породы, съ тонкими ногами, очень красивы, полны огня и неутомимы. Онѣ заплочены по 200 рублей, хотя казенный отпускъ не превышаетъ 120,—остальныя добавляетъ отъ себя командиръ полка, страстный любитель кавалерійскаго дѣла» ([23]).

Такъ или иначе, но Шабельскій дѣятельно принялся за переустройство хозяйственной и фронтовой части полка. Однакоже, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, съ тою суровою школой, которую представляла кавказская жизнь, ему пришлось отказаться отъ многаго. Мало того, въ погонѣ за наружнымъ блескомъ имъ было упущено много существеннаго, много такого, что составляло насущную потребность кавказскаго солдата. Былъ, напр., объявленъ выговоръ Шабельскому за пренебреженіе имъ санитарною частью, составляющей на Кавказѣ основу благосостоянія войскъ. Да и фронтовая часть при немъ подвинулась впередъ очень мало. По крайней мѣрѣ, Паскевичъ наканунѣ Елизаветпольскаго сраженія, слѣдовательно уже въ 1826 году, писалъ государю, что вынужденъ былъ учить все тотъ же, Нижегородскій полкъ дѣлать самыя обыкновенныя кавалерійскія построенія. Но это, какъ увидимъ, не помѣшало полку быть крупнымъ дѣятелемъ въ день Елизаветпольскаго сраженія ([24]).

Къ счастію, опытъ оказался лучшимъ учителемъ, и Шабельскій, въ концѣ концовъ отказавшись отъ несбыточныхъ требованій, обратилъ все свое вниманіе только на матеріальную часть и довелъ ее до замѣчательной исправности. Въ этомъ отношеніи полкъ безспорно обязанъ ему тѣмъ, что такъ легко выдержалъ подъ-рядъ двѣ большія войны—персидскую и турецкую.

Серьезныхъ военныхъ дѣйствій на лезгинской линіи не было и въ командованіе Шабельскаго; войска пользовались отдыхомъ, хотя, конечно, это былъ отдыхъ съ ружьемъ у ноги, и съ ногою у стремени, такъ какъ

разбои никогда не прекращались въ этой безпокойной странѣ. Нижегородцамъ и случалось нерѣдко выступать на тревоги. Такъ, партія лезгинъ, человѣкъ въ 50, напала однажды на десять артиллерійскихъ солдатъ, ночевавшихъ на Алазани, у брода Урдо; трехъ изъ нихъ она изрубила, но остальныхъ спасла темная ночь, да дремучій лѣсъ, куда лезгины не посмѣли за ними погнаться ([25]). Въ другой разъ, 14 іюня 1823 года, ночью, всѣ Царскіе Колодцы подняты были на ноги сильной ружейной пальбой, происходившей отъ нихъ верстахъ въ шести, не болѣе. Оказалось, что партія лезгинъ, человѣкъ въ 300, напала на грузинъ, ѣхавшихъ съ товарами. Дежурный эскадронъ, маіора Скалона, тотчасъ поскакалъ на тревогу, но на мѣстѣ схватки нашелъ только тѣла побитыхъ грузинъ, пустыя арбы, да разбитые вьюки. Тогда князь Эристовъ взялъ два эскадрона драгунъ и кинулся къ горамъ, чтобы отрѣзать лезгинамъ отступленіе, но партія успѣла опередить его и была уже за переваломъ ([26]).

По мѣрѣ того, какъ обострялись наши отношенія съ Персіей, тревожнѣе и безпокойнѣй становилось и на алазанской линіи. Лѣто 1825 года было особенно хлопотливое. Нижегородскій полкъ, охранявшій долину между Алазанью и Іорой, день и ночь стоялъ въ боевой готовности, и если кругомъ его было тихо, то этимъ онъ былъ обязанъ только своимъ боевымъ кунакамъ, грузинцамъ, которые, чтобы лучше стеречь передовую линію, забрались на самую высокую, заоблачную гору Кодоръ, и оттуда, какъ горные орлы, налетали на партіи, стремившіяся въ наши предѣлы. Персидское золото было, однако, сильнѣе страха пораженій, и по слѣдамъ погибшихъ шли новыя и новыя шайки. Пограничныя деревни Гремы, Напареулъ и Сабуи лежали въ развалинахъ ([27]).

Посреди такихъ-то тревожныхъ событій, 17-го декабря 1825 года, утромъ, въ полку получено было извѣстіе о кончинѣ императора Александра I. Въ тотъ же день полкъ въ полномъ составѣ, со штандартами, выстроился на караагачской площади и, передъ отверстыми дверями полкового храма, принесъ присягу императору Константину Павловичу ([28]). Въ дѣлахъ полка сохранился подлинный присяжный листъ, подписанный полковникомъ Шабельскимъ, сорока тремя штабъ и оберъ-офицерами, и священникомъ Семіономъ Лещинскимъ. Надо полагать, что листъ этотъ не былъ отправленъ, когда пришло извѣстіе о воцареніи императора Николая Павловича и о роковыхъ событіяхъ 14-го декабря. Присяга новому императору принесена въ Караагачѣ 13 января

1826 года ([29]) и прошла спокойно; да и событія 14 декабря отразились на полку только тѣмъ, что въ числѣ заговорщиковъ оказался одинъ изъ носившихъ Нижегородскій мундиръ, капитанъ Якубовичъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ. Прискорбно это было полку тѣмъ болѣе, что съ именемъ Якубовича нераздѣльно сливалось понятіе о безоглядной отвагѣ, извѣстной цѣлому Кавказу.

Такъ встрѣтили Нижегородцы 1826 годъ, когда всѣ мелкія обстоятельства борьбы на алазанской линіи должны были поблѣднѣть передъ крупными событіями персидской войны.

XI.

Бытъ и типы Нижегородцевъ.

Полковое общество при Сталѣ, Саликовѣ и Климовскомъ.—Переворотъ въ немъ, внесенный княземъ Александромъ Чавчавадзе.—Сближеніе съ грузинскимъ обществомъ.—Поѣздки въ грузинскія помѣстья.—Веселые нравы, пиры и застольныя пѣсни грузинъ.—Домашній бытъ въ Караагачѣ.—Широкая жизнь молодежи.—Борьба съ армянами-духанщиками.—Любопытный типъ Нижегородца.—Привязанность Нижегородцевъ къ полковому очагу.—Характерные элементы Нижегородскаго полка: Зассъ, Якубовичъ, Ванъ-Галенъ, Нечволодовъ, Розенъ.—Вліяніе ихъ на жизнь и духъ полка.

Нѣсколько лѣтъ сравнительно мирныхъ, которыя провелъ Нижегородскій полкъ на постоянныхъ квартирахъ подъ южнымъ, вѣчно улыбающимся небомъ Кахетіи, не могли не отразиться на образѣ его жизни. Въ полку слагается и крѣпнетъ живой привлекательный бытъ съ ориги-

нальными обычаями, возникаетъ своеобразная нравственная атмосфера, попадая въ которую новый человѣкъ быстро привязывался къ полку и проникался весь его духомъ.

Вступая въ Закавказскій край, Нижегородцы принесли уже съ собою добрыя начала дружескихъ, какъ бы семейныхъ отношеній, которыя были заложены въ ихъ средѣ еще гостепріимнымъ Глазенапомъ. Начала эти естественно держались прочно во все командованія Сталя, а Сталя смѣнилъ Саликовъ, коренной Нижегородецъ, самъ издавна сроднившійся съ заведенными порядками. Послѣдующій рядъ командировъ: Климовскій, князь Чавчавадзе и Шабельскій, какъ по своимъ общительнымъ характерамъ, такъ и по условіямъ все той же глухой караагачской жизни, являлись не разрушителями сложившагося быта, а напротивъ, способствовали его дальнѣйшему развитію и укрѣпленію. Дружной, веселой и разумной семьей жили офицеры, а подъ ихъ вліяніемъ слагалась и жизнь солдата.

О Климовскомъ современники говорятъ, какъ о лихомъ командирѣ и объ отличномъ товарищѣ (1). Н. Н. Муравьевъ (Карскій), познакомившійся съ нимъ во время наполеоновскихъ войнъ, называетъ его въ своихъ запискахъ «горланомъ» и говоритъ, что командуя, впослѣдствіи, Нижегородскимъ полкомъ, «онъ отличался мотовствомъ и пьянствомъ» (2). Но отзывъ этотъ, какъ вообще всѣ отзывы Муравьева о лицахъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, грѣшатъ рѣзкостью и преувеличеніемъ. Климовскій никогда не былъ пьяницей или мотомъ въ дурномъ значеніи этихъ словъ. Онъ былъ только типичный кавалеристъ своей эпохи, любившій веселыя товарищескія сборища и кутежи, при которыхъ нерѣдко пускалась ребромъ послѣдняя копѣйка. На Кавказѣ онъ велъ тотъ же образъ жизни, къ которому привыкъ и въ гвардейскихъ драгунахъ.

Случилось, что именно въ его командованіе среди Нижегородцевъ, въ роли старшаго штабъ-офицера полка, появился князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе, а съ нимъ и возможность сближенія съ грузинскимъ обществомъ, чего такъ должны были желать удаленные отъ родины и заброшенные въ чуждый имъ край русскіе офицеры. «Изъ всѣхъ національностей, вошедшихъ въ кругъ нашего отечества», говоритъ одинъ военный писатель, «не найти нигдѣ русскому человѣку столь искренней и братской дружбы, какъ въ молодецкомъ сердцѣ грузина. И Русь, и Грузія подружились еще въ дни общей скорби, когда съ поникшимъ челомъ

носили яссакъ въ Золотую орду. А дружба, завязанная въ общемъ несчастіи, глубока и несокрушима, какъ братство (3). Нависли было надъ Грузіей черныя тучи братоубійственной вражды съ Россіей, но то былъ тяжелый мимолетный сонъ, и, какъ сонъ, разсѣялся отъ перваго прикосновенія къ дѣйствительности. «Люблю я», продолжаетъ тотъ же писатель, «сравненіе прекрасной Иверіи съ виноградною лозою, крѣпко обвивавшей свою тычину. Буря бьетъ въ нее со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, тычина колеблется, и лоза гнется то въ ту, то въ другую сторону, но не ломается. Сколько разъ прилегала она къ землѣ, сколько отъ нея отломилось вѣтокъ, но все-таки не отдѣлилась она отъ корня, и пережила свои бури. Наступила наконецъ тишина, прояснилось надъ нею небо, и народъ Иверіи увидѣлъ счастливые дни за дружественною гранью русскихъ штыковъ» (4)...

Замѣчательно, что никакія политическія бури не могли измѣнить добраго и веселаго характера картвели. Какъ былъ онъ, такъ и остался человѣкомъ, умѣющимъ наслаждаться жизнію безъ лишнихъ затѣй. Лоскутъ зеленаго лужка, край голубого неба, пучокъ какой-нибудь зелени, маленькая форелька, посредственной величины азарпеша, да поэтическая пѣснь сазандара, приправленная веселою шуткой, и звонкій смѣхъ—вотъ все, что нужно сыну Иверіи для высшаго наслажденія. Избалованный роскошною природой, воздухомъ, напоеннымъ ароматомъ цвѣтовъ, онъ выбираетъ мѣсто для пира, гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ, въ обширныхъ садахъ, подъ сплошною тѣнью фруктовыхъ деревъ, или въ виноградныхъ бесѣдкахъ, построенныхъ надъ водою. Съ прибытіемъ въ полкъ Чавчавадзе, среди этого дружелюбнаго грузинскаго общества, на незатѣйливыхъ, но радушныхъ пирахъ его начали появляться и наши Нижегородцы. Они были тѣмъ болѣе желанными гостями, что ихъ первый полковой командиръ въ Караагачѣ генералъ-маіоръ Сталь пользовался огромною популярностью съ тѣхъ поръ, какъ въ острые моменты недавнихъ недоразумѣній, онъ приходилъ къ нимъ съ братскими и мирными рѣчами, умѣя предотвращать кровавыя столкновенія. Теперь связующимъ звеномъ между ними становился грузинъ, и въ то же время Нижегородецъ, тотъ самый князь Чавчавадзе, котораго почитала вся Грузія, какъ представителя знатнаго рода, какъ одного изъ своихъ доблестнѣйшихъ воиновъ, и, самое главное, какъ своего великаго поэта, неимѣющаго понынѣ соперниковъ въ родной литературѣ. Поэтическій талантъ Чавчавадзе грузинская критика ставитъ необыкновенно высоко, и въ этомъ отношеніи двухъ

20

мнѣній не существуетъ. По своимъ мотивамъ муза его, соединявшая въ себѣ обширное европейское образованіе съ духомъ истаго грузина, поражаетъ большимъ разнообразіемъ: она одинаково сроднилась и съ скептицизмомъ Вольтера, и съ сентиментальностію персидскихъ поэтовъ, и съ удалью грузинскихъ народныхъ бардовъ. Но особенно хороши его анакреонтическія пѣсни, чрезвычайно популярныя среди грузинъ, и даже перешедшія въ уста народныхъ пѣвцовъ—сазандаровъ: онѣ такъ распространены въ грузинскомъ народѣ, что выдаются обыкновенно за продуктъ народнаго творчества. Поэтическая сила таланта Чавчавадзе и заключается въ особенномъ сочетаніи чрезвычайной глубины чувства съ удивительною легкостію стиха и богатствомъ метафоръ.

Естественно, что первые шаги сближенія Нижегородцевъ съ грузинами и сдѣланы были въ домѣ того же Чавчавадзе, въ знаменитомъ имѣніи его Цинондалахъ, находящихся верстахъ въ семи отъ Телава. Княжескій домъ стоитъ на крутомъ берегу рѣчки Чебохури, и съ его балкона открывается вся долина Алазани, съ ея безчисленными садами и селами; вдали бѣлѣютъ стѣны и домики стараго Телава, встаетъ величавый своею древностію Аллавердынскій монастырь, а на самомъ горизонтѣ безконечною линіею тянутся снѣговыя горы.

На этомъ балконѣ, передъ картинами чудной природы, можно было видѣть и нашихъ Нижегородцевъ среди толпы веселыхъ гостей, навѣщавшихъ радушнаго хозяина. Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчались тѣ старо-грузинскіе типы, которые теперь, къ сожалѣнію, исчезаютъ все болѣе и болѣе подъ чуждой европейской одеждой. Смотря на стараго грузина, когда онъ съ своимъ большимъ характернымъ носомъ и энергическими чертами лица, въ остроконечномъ, заломленномъ на затылокъ папахѣ, въ чухѣ, съ загнутыми назадъ рукавами, въ шелковомъ бешметѣ и въ такихъ же шароварахъ,—стоялъ, молодецки держась одною рукой за большой серебряный кинжалъ, а другой покручивая черный, спускающійся къ низу усъ,—нельзя было не залюбоваться его красивою, типичною фигурой.

Невольно приходитъ на память стихотвореніе, такъ прекрасно обрисовывающее и край, и людей, среди которыхъ жили Нижегородцы:

Я знаю, тамъ, за вашими горами,
По старинѣ, въ саду, въ тѣни кудрявыхъ лозъ,
Ты любишь пить съ веселыми гостями
И уставлять ковры нобатами изъ розъ.

И весело тебѣ, когда рабы сбираютъ
Вашъ виноградъ, когда по цѣлымъ днямъ
Въ давильняхъ толкотня,—и мутныя стекаютъ
Струи вина, журча по длиннымъ желобамъ.
Ты любишь пулями встрѣчать гостей незваныхъ,
Лезгинъ, изъ ближнихъ горъ забравшихся въ сады,
Ты любишь гарцовать, когда толпой на рьяныхъ
Коняхъ спѣшите вы на пиръ въ Алла-Верды,
И весело тебѣ, что твой кинжалъ съ насѣчкой,
Что мѣткое ружье въ оправѣ дорогой,
И что твой конь звенитъ серебряной уздечкой,
Когда онъ ржетъ и пляшетъ подъ тобой (5)...

Сойдясь и сблизясь съ новымъ обществомъ, драгуны стали посѣщать сосѣднихъ помѣщиковъ, и передъ ними развернулась во всей своей полнотѣ и чарующей свѣжести оригинальная, простая жизнь грузина.

Князь Александръ Чавчавадзе едва ли не одинъ въ цѣлой Грузіи жилъ тогда по-европейски. Дома остальныхъ князей были не богаты убранствомъ, и даже у знатнѣйшихъ изъ нихъ поражало отсутствіе комфорта и самой необходимой мебели. Представьте себѣ обширную и пустынную залу, съ пылающимъ костромъ въ каминѣ. На стѣнахъ—ни зеркала, ни картины. Отъ одного угла до другого тянутся непрерывныя тахты, убранныя пестрыми коврами и длинными, туго набитыми подушками—ястаками. Если прибавить къ этому узорчатые войлоки, раскинутые по полу, нѣсколько низенькихъ столиковъ, употребляемыхъ обыкновенно для обѣда, развѣшанное по стѣнамъ оружіе хозяина, да турьи рога, кулы, азарпеши, и другую, причудливую и оригинальную посуду—то вотъ вамъ и вся обстановка грузинскаго жилища. Но за то сколько было въ этомъ жилищѣ патріархальной простоты, радушія и гостепріимства!

Самое веселое время въ Грузіи—это сборъ винограда, послѣ чего достаточные грузины цѣлыми компаніями по нѣскольку дней гостятъ другъ у друга. Охота, турниры и шумные пиры составляютъ необходимую принадлежность этихъ собраній и служатъ предисловіемъ къ праздной зимней жизни туземцевъ, которые любятъ уничтожить зимою то, чѣмъ запасаются лѣтомъ.

Нижегородцы въ свободное время отъ службы принимали живое участіе во всѣхъ этихъ поѣздкахъ. Какъ часто на широкомъ, всегда чисто прибранномъ дворѣ цинондальскаго дома, гости съѣзжались цѣлыми кавалькадами, щеголяя другъ передъ другомъ красивымъ уборомъ своихъ

20*

лошадей. Тогда въ цѣлой Грузіи не было ни одного экипажа, если не считать арбы, на которой разъѣзжали женщины. Грузинъ съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на колеса, и его носили стремена. Нижегородцы также не держали ничего, кромѣ верховыхъ коней, и, какъ ученики знаменитыхъ адигскихъ наѣздниковъ, не уступали грузинамъ въ удали и лихости.

Какъ только, бывало, съѣдутся гости, такъ и начнется у нихъ на обширномъ, какъ степь, цинондальскомъ дворѣ джигитовка, скачка, стрѣльба изъ винтовокъ и пистолетовъ. Въ пестрой толпѣ этихъ всадниковъ, драгуны бросались въ глаза простотой европейской одежды, а грузины—оригинальной красотою своихъ восточныхъ костюмовъ; но оружіемъ, какъ тѣ, такъ и другіе, щеголяли уже одинаково: Нижегородцы давно отрѣшились отъ своихъ тяжелыхъ кавалерійскихъ сабель, и замѣнили ихъ въ домашнемъ быту легкими черкесскими шашками; многіе носили кинжалы, а пистолетъ за поясомъ, и ружье за спиной—имѣлись почти у каждаго. Соперничали противники между собою также и добротой своихъ коней, но и здѣсь трудно было отдать преимущество той или другой сторонѣ: дорогіе карабагскіе жерёбцы грузинъ, подъ большими роскошными персидскими чепраками, увѣшанные золочеными бляхами, брянчавшими на нихъ при каждомъ движеніи, и добрые кабардинскіе кони Нижегородцевъ, подъ легкими черкесскими сѣдлами, ступавшіе неслышно, какъ тѣни,—одинаково служили образцомъ изящества и вкуса, каждый въ своемъ родѣ. Сѣдые старики, стоя на балконѣ, любовались веселой молодежью, и, вспоминая свои минувшіе годы, поощряли ее на новыя и новыя состязанія (6).

Натѣшившись вдоволь и стрѣльбой и джигитовкой, общество собиралось къ обѣду, принимавшему нерѣдко характеръ такого пиршества, о которомъ трудно дать понятіе тѣмъ, кто самъ его не видѣлъ. И питье, и ѣда, все было въ размѣрахъ героевъ Иліады. Сначала ходила по рукамъ азарпеша — серебряный ковшъ съ длинной рукояткой, приспособленной такъ, чтобы его можно было возить за поясомъ вмѣстѣ съ пистолетомъ; азарпешу смѣняла кула — круглый, наглухо закрытый жбанчикъ, изъ котораго русскіе пили прямо, обхвативъ горлышко губами, какъ чубукъ, а грузинъ подниметъ посуду высоко-высоко, и оттуда пуститъ струю въ раскрытый ротъ, не боясь промахнуться и окатить усовъ,—а кула, между тѣмъ, издаетъ при подъемѣ мелодичные звуки,—точно воркуетъ горлинка. Но самымъ замѣчательнымъ кубкомъ грузина служитъ турій рогъ, вмѣщающій въ себѣ цѣлую тунгу, отъ трехъ до

пяти бутылокъ кахетинскаго. Изъ азарпеши, какъ изъ простого ковша, можетъ пить всякій; изъ кулы не многіе, а изъ турьяго рога—теперь уже рѣдко кто. Это чара старыхъ богатырей, о которыхъ остались только преданія.

Какъ бы ни былъ продолжителенъ грузинскій веселый пиръ, онъ, однако, никогда не перейдетъ у нихъ въ безобразную попойку. Этому мѣшаетъ и привычка грузинъ къ вину, и самый ихъ этикетъ, создавшій прекрасный обычай избирать на пирахъ, какъ дѣлали и древніе греки,—тулумбаша, т. е. предсѣдателя пира, пользующагося диктаторскою властію. Вотъ почему лучшею приправою грузинскихъ пировъ служитъ всегда искренній смѣхъ, остроумная, веселая бесѣда, и пѣніе. Восклицанія: «алла верды!» и «якши іолъ!» смѣняются хоровымъ пѣніемъ «мрамолжаміеръ», «мадло-бели-варъ», а иногда и застольною пѣснею. Одна изъ этихъ пѣсенъ, принадлежащая перу князя Чавчавадзе и распѣвавшаяся чаще другихъ, только въ недавнее время переведена на нашъ родной русскій языкъ (7):

За здравіе всѣхъ насъ, кутилъ!
Нашъ праздникъ теперь наступилъ!
Въ давильнѣ—осенній божокъ—въ права свои Бахусъ вступилъ.

* * *

Пусть будетъ зима холодна;
Воронъ пусть морозитъ она;
Коль бродитъ вино въ головѣ—суровость зимы не страшна.

* * *

Всѣхъ лѣтомъ томитъ здѣсь жара;
И даже ночная пора
Прохлады и сна не даетъ; а пьяные—спятъ до утра.

* * *

Пусть жажду вино утолитъ;
Самъ батюшка пить разрѣшитъ:
Потопъ доказалъ, что вода для тѣхъ создана, кто грѣшитъ.

* * *

Какъ только изволилъ самъ Ной
Отвѣдать сокъ, данный лозой,
Онъ слабость къ вину возымѣлъ, оставивъ скотамъ водопой.

* * *

Давайте-жъ, ребята, кутнемъ!
Вино какъ врага разобьемъ!..
Оно обратится намъ въ кровь,—а кровь ту въ бою мы прольемъ

* *
*

Какъ только война закипитъ
Всѣмъ трезвымъ погибель грозитъ;
А пьяный въ задорѣ своемъ —умереть, иль врага побѣдитъ!

* *
*

Не мудрствуй лукаво мудрецъ,
Иль будешь плохой ты боецъ;
Ты духъ свой убьешь до войны, предвидя печальный конецъ.

* *
*

Попрячемте книги въ карманъ;
Научитъ насъ лучше стаканъ:
О смерти твердитъ—кто ученъ, побѣдою бредитъ,—кто пьянъ!

* *
*

Эй, докторъ, прими мой совѣтъ:
Когда излѣченія нѣтъ,—
Вино помогаетъ и тамъ, гдѣ твой безполезенъ ланцетъ.

* *
*

Святоши должны подтвердить,
Что долгъ христіанскій—кутить:
Вино Магометъ запретилъ,—на зло ему будемте пить!

* *
*

Восторгъ наслажденій земныхъ
Не купишь за горсть золотыхъ:
Есть много богатыхъ людей,—а есть ли въ томъ польза для нихъ!

* *
*

Такъ лучше ужь мы за виномъ,
Пируя, всю жизнь проведемъ,
На днѣ мы кувшина съ виномъ веселье навѣрно найдемъ.

* *
*

Весною въ честь радужныхъ грезъ
Прибѣгнемъ мы къ соку изъ лозъ,
И пусть соловей ужь одинъ упьется дыханіемъ розъ.

* *
*

Не тотъ покоряетъ сердца,
Кто только грустить безъ конца...
А вслушайтесь въ пѣснь молодца, который отвѣдалъ винца!..

Извѣстная способность русскаго человѣка заимствовать отъ сосѣдей все, что ему придется по нраву, была какъ нельзя болѣе примѣнима къ Нижегородцамъ,—и большинство ихъ, если не бойко, то все же маракувало по-грузински настолько, чтобы принимать участіе въ хоровомъ пѣніи, безъ котораго грузину и обѣдъ не въ обѣдъ.

Послѣ ряда веселыхъ кутежей, различныхъ удовольствій, наконецъ охотъ съ ястребами, офицеры возвращались домой и погружались опять въ свою штабъ-квартирную жизнь.

Жизнь эта была не затѣйлива, но характерною чертою и ея были опять-таки то же радушіе, и то же хлѣбосольство. Жили офицеры, вообще говоря, довольно широко, а духанщики, державшіе въ своихъ рукахъ торговлю, пользовались этимъ и наживались такъ, что Климовскій вынужденъ былъ наконецъ наложить на нихъ узду и установить таксу на всѣ жизненные продукты. Жадные торговцы покорились необходимости, но за то перенесли свою изобрѣтательность на другіе предметы, дававшіе барыши больше чѣмъ любая торговля. Въ полку, какъ на всемъ Кавказѣ, любили «переметнуться въ картишки», и хотя старшіе офицеры старались сдерживать черезчуръ размашистыя молодыя натуры, — но проигрыши все-таки случались, и иногда довольно крупные. Вотъ этими-то «тѣсными обстоятельствами» и пользовались «восточные человѣки», чтобы уловить простодушную жертву въ свои крѣпкія сѣти. Они охотно ссужали нуждающихся деньгами, но непремѣнно подъ тройной вексель, да по 10, а не то по 12 процентовъ въ мѣсяцъ. А случись офицеру переписать вексель, то переписывался уже онъ «съ сопричтеніемъ процентовъ на проценты»—и сторублевый долгъ быстро выросталъ въ тысячный.

Въ крайнихъ случаяхъ на помощь къ подобной жертвѣ восточной изобрѣтательности являлось цѣлое полковое общество, и дѣло принимало иной разъ оборотъ комическій. Извѣстный разсказъ: «Въ очеркахъ кавалерійской жизни» Вс. Вл. Крестовскаго, «Башибузукъ»,—не вымыселъ, а дѣйствительный случай, записанный съ той художественною простотой, которая свойственна нашему талантливому писателю.

Накопилось у героя этого разсказа долговъ по дутымъ векселямъ тысячъ на десять; средствъ уплатить нѣтъ никакихъ, а армяне не даютъ

покоя. И вдругъ, въ это-то трудное время ему случилось выиграть цѣлыя три тысячи у интенданта, пріѣхавшаго открывать цѣны и заведшаго, какъ водится, большую игру. Товарищи тотчасъ же взяли его капиталъ подъ свою опеку и рѣшили уплатить всѣ долги «башибузука», конечно, не дутые, а настоящіе, которыхъ болѣе трехъ тысячъ и не было. Но кредиторы не захотѣли и слышать. «Пусть, говорятъ, три тысячи, что вчера выигралъ, заплатитъ, а мы новые векселя согласны ему переписать, и подождемъ». Вышли бы опять тѣ же десять тысячъ.

— Ну, другъ любезный,—говорятъ ему товарищи,—ничего не подѣлаемъ; теперь тебѣ только и остается одно—умереть.

Герой, конечно, не соглашается.

— Что это вы выдумали, братцы? Да неужто жь мнѣ изъ-за всѣхъ этихъ Карапетокъ и Шмулекъ пулю себѣ въ лобъ пустить?

— Ахъ, голова, голова,—корятъ его товарищи,—неужели же не понимаешь? Не о смерти, о жизни тутъ дѣло идетъ!.. Надо тебѣ умереть самою естественною смертью, на законномъ основаніи, какъ слѣдуетъ всякому честному и благородному человѣку... А потомъ кто жь тебѣ воспретитъ воскреснуть, какъ только твой послѣдній вексель будетъ возвращенъ и разорванъ.

— Н-да,—призадумывается герой:—только вѣдь это, братцы, не хорошо, обманъ выходитъ.

— Зачѣмъ обманъ? Какъ это можно обманъ?!. Развѣ у тебя не могла быть летаргія? Летаргія—дѣло весьма возможное. Доктора даже рады будутъ, такой интересный случай въ наукѣ! Къ тому же, весь свой долгъ ты выплачиваешь честно, даже съ большими процентами.

И вотъ нашъ герой ложится въ постель, доктора начинаютъ ходить по два раза въ день; по Караагачу и Царскимъ Колодцамъ слухъ пошелъ, что боленъ опасно. Кредиторы, конечно, встревожились. Самъ полковой командиръ, встрѣтившись съ докторомъ, освѣдомился: правда ли, что болѣзнь серьезна? Хочу, молъ, самъ навѣстить больного. «Нѣтъ, полковникъ,—говоритъ докторъ,—не безпокойтесь. Болѣзнь сама по себѣ вовсе не опасная, «morbus creditoris» называется».

На третій день утромъ герой умираетъ. Положили его на столъ, простынею накрыли, а на лицо набросили кисейку, неравно муха на носъ сядетъ, такъ чтобы усомъ не пошевелилъ; у стола зажгли большія церковныя свѣчи, ладаномъ покурили, все какъ слѣдуетъ. Пришли кредиторы,

стоятъ съ кислыми рожами въ прихожей, да заглядываютъ въ полуоткрытую дверь. Лежитъ нашъ герой, не шелохнется, и только думаетъ себѣ: «что жь это будетъ, если мнѣ теперь вдругъ чихнуть захочется». Между тѣмъ товарищи приглашаютъ кредиторовъ въ комнату.

— Вы, что жь это, братцы,—говорятъ имъ,—зачѣмъ пожаловали? Покойнику поклониться? Поклонитесь, дѣло хорошее. Жаль бѣднаго, такъ неожиданно умеръ, и ничего вѣдь не оставилъ, кромѣ платья носильнаго, да сѣдельнаго прибора. Не много же вамъ въ разверстку-то придется.

Взмолились кредиторы, нельзя ли какъ-нибудь на тѣхъ трехъ тысячахъ покончить. Поговорили, поторговались, и наконецъ покончили, векселя разорвали. На другой день встрѣчаютъ кредиторы башибузука на гуляньѣ, идетъ здоровый, да такой веселый, какимъ его никогда и не видали. «Ну,—говорятъ ему,—больше мы вамъ ни одной копѣйки не повѣримъ». И отлично сдѣлаете,—отвѣчаетъ онъ:—поблагодаримте-ка лучше другъ друга за науку, а я уже ни за чѣмъ не обращусь къ вамъ.

Своеобразная жизнь создавала и своеобразные, въ высокой степени оригинальные типы. Тѣ изъ офицеровъ, которые не имѣли прочныхъ связей во внутренней Россіи, всѣми силами души привязывались къ полку, который становился для нихъ второю родиною. И выходилъ ли истый, коренной Нижегородецъ въ отставку, онъ душою и сердцемъ оставался навѣки въ кругу своихъ старыхъ ратныхъ товарищей. Вотъ именно такой-то типъ и выведенъ В. В. Крестовскимъ въ его «Башибузукѣ».

«Весь свой вѣкъ прослужилъ я на Кавказѣ, — разсказываетъ этотъ безшабашный башибузукъ,— и преимущественно въ Нижегородскомъ драгунскомъ. Впрочемъ, служилъ и въ пѣхотѣ, не по своей охотѣ. Но бѣда въ томъ, что мой роковой предѣлъ—чинъ капитана. Какъ дойду до этого чина, сейчасъ по шапкѣ, и разжалуютъ «по сентенціи» въ солдаты-съ. И не подумайте, чтобы за что нибудь этакое неблагородное, марающее честь мундира, — Боже избави! А все только по своей необузданности, или, вѣрнѣе сказать, по роковымъ стеченіямъ обстоятельствъ. Разъ, напримѣръ, не въ мѣру строго съ начальствомъ обошелся; другой разъ, будучи дежурнымъ по карауламъ, приказалъ молоденькому караульному прапорщику подъ мою отвѣтственность благороднаго арестанта выпустить на честное слово, ради ночного свиданія съ дамой его сердца, а тотъ, каналья, возьми да удери... А въ третій разъ... Ей-Богу, я ужь и самъ не знаю, какъ, за что, и почему это въ третій разъ угодилъ я въ солдаты! Думаю,

просто потому что судьба такая, — ничего не подѣлаешь!.. Счастье — глюкъ, говоритъ, надо клюкъ, говоритъ»... И вотъ, дослужившись наконецъ въ четвертый разъ до капитана, онъ сейчасъ же подалъ рапортъ о болѣзни съ прошеніемъ объ увольненіи въ чистую... «И перехитрилъ-таки свою судьбу-злодѣйку — остался на этотъ разъ въ капитанскомъ чинѣ». Съ тѣхъ поръ нигдѣ осѣдлаго угла онъ не имѣлъ, а странствовалъ изъ полка въ полкъ, гостилъ то у того, то у другого офицера, которыхъ называлъ кунаками, а такихъ кунаковъ у него было множество; онъ справедливо говорилъ:

Мнѣ Царь Бѣлый Отецъ,
И Россія мнѣ мать,
И въ родствѣ наконецъ
Вся россійская рать...

Надоѣстъ ему сидѣть на одномъ мѣстѣ, товарищи возьмутъ ему билетъ по чугункѣ до ближайшихъ сосѣдей; оттуда онъ проѣдетъ дальше, потомъ еще дальше, и опять, рано или поздно, вернется къ старымъ кунакамъ, всегда неожиданно, какъ снѣгъ на голову. «И ничего себѣ», говаривалъ онъ, «живу, не ропщу на Создателя... «Можно жить, не тужить, и Царя благодарить»... Могу сказать даже — счастливъ и доволенъ, потому что сердце чисто, духъ мой ясенъ, умъ и крѣпокъ и покоенъ»... Его любили всѣ, потому что онъ былъ «душа-человѣкъ», любилъ побалагурить, и все съ прибауткой, съ пословицей, и непремѣнно со стишкомъ изъ кавказскихъ пѣсенъ. Въ особенности онъ любилъ разсказывать про Нижегородскій полкъ, про его бытъ, его боевые подвиги,— и въ эти минуты одушевлялся искренно и непремѣнно цитировалъ Нижегородскую пѣсню:

Старый полкъ нашъ двѣсти лѣтъ
Ходитъ въ бой,
Много знаетъ онъ побѣдъ
За собой.

Попросятъ его къ водкѣ и закускѣ—онъ нальетъ рюмку, и сейчасъ же стишокъ:

Знать, драгуны таковы,
Свой законъ не позабудутъ,
Могутъ быть безъ головы,
А безъ славы ужь не будутъ...

И все въ этомъ родѣ. Потрепалъ онъ какъ-то двухъ жидковъ за какую-то мошенническую продѣлку. Тѣ—жаловаться. Выходитъ, разумѣется, исторія, изъ которой надо выручать башибузука... «И зачѣмъ ты рукамъ волю даешь», корятъ его товарищи.

— А что жь? говоритъ: мы, братъ, кавказцы, мы таковы:

Въ дѣло, будто на охоту,
Съ радостью идемъ,
И черкесскую когорту
Словно зайцевъ бьемъ...

Да вѣдь это—возражаютъ ему—не черкесы, а жиды.

— Жиды?! Тѣмъ паче:

Ужь Шамилевой фалангѣ
Мы потачки не дадимъ,
И у насъ, на лѣвомъ флангѣ,
Мало пользы будетъ имъ!

Имъ-то, разумѣется, мало, потому что взять съ тебя нечего, но и тебѣ не много—говорятъ товарищи. Нарвешься когда-нибудь такъ, что и на казенную квартиру засадятъ.

— Кого?.. Меня!.. Никогда!

Съ нами Богъ, и Фрейтагъ съ нами!
Кто жь насъ можетъ устрашить?

Махнутъ товарищи, бывало, рукой, и непремѣнно башибузука выручатъ. Имущества у него не было никакого. Черкеска съ георгіевскимъ солдатскимъ крестомъ, бурка, папаха, кинжалъ, шашка, да ручной сакъвояжъ, въ которомъ помѣщалась одна смѣна бѣлья—вотъ и все, съ чѣмъ онъ путешествовалъ по матушкѣ Россіи. «Живъ Богъ, жива душа моя!» восклицалъ онъ, прибавляя, что на святой Руси никто не умиралъ еще съ голода. Но въ простомъ сердцѣ этого бѣдняка жила совѣсть и прямая честь. Вздумали однажды пріятели снабдить его бѣльемъ въ полной мѣрѣ, такъ, чтобы всѣхъ принадлежностей было у него по полдюжинѣ. Башибузукъ отказался. «Нѣтъ, господа! Куда мнѣ съ этимъ возиться! Мое правило такое: одна смѣна у прачки, другая на себѣ—и все тутъ. Износится, пріятель дастъ новую. А эти полдюжины,—вѣдь это уже цѣлое имущество, подъ него и чемоданъ нуженъ, и счетъ вести надо,—

заботиться надо. Нѣтъ, ужъ Богъ съ нимъ, а вамъ—сердечное спасибо». Такъ и не согласился принять подарка.

На груди онъ носилъ всегда сумку, въ которой хранились указъ объ отставкѣ и духовное завѣщаніе; послѣднее замѣчательно было по той сердечной теплотѣ, которою былъ проникнутъ этотъ, уже одинъ изъ послѣднихъ могикановъ стараго боевого Кавказа. Въ этомъ завѣщаніи онъ просилъ друзей своихъ похоронить его въ томъ полку, гдѣ застанетъ его смерть; драгоцѣнное боевое оружіе свое, базалаевскій кинжалъ и шашку, отказывалъ тому изъ хоронившихъ его друзей, кому они достанутся по жребію. «Носильное же платье мое», прибавлялъ онъ, «раздать на поминъ грѣшной души моей нищимъ, однимъ изъ коихъ и самъ я весь вѣкъ мой странствовалъ въ мірѣ».

Въ «Башибузукѣ», лицѣ, какъ сказано, дѣйствительно существовавшемъ, отразились типичныя черты, возникшія подъ вліяніемъ оригинальнаго быта Нижегородцевъ на далекой, тревожной окраинѣ, въ постоянной близости къ смерти; черты эти доведены въ немъ только до крайности, пожалуй, до уродливости, не исключающей однако глубокой симпатичности. Лица же выдающагося ума и характера, проходя черезъ ту же суровую школу Нижегородскаго полка, закалялись въ ней, и вырабатывали изъ себя замѣчательныхъ дѣятелей кавказской войны.

Здѣсь, на первомъ планѣ стоитъ капитанъ Григорій Христофоровичъ Зассъ, оставившій послѣ себя на Кавказѣ легендарную славу. Въ полкъ онъ поступилъ въ 1820-мъ году изъ штабсъ-ротмистровъ Псковскаго кирасирскаго полка, командовалъ 6-мъ эскадрономъ, и въ 26-мъ году перешелъ въ 43-й егерскій полкъ, расположенный на Сунжѣ, въ крѣпости Грозной, гдѣ арена военныхъ дѣйствій была гораздо шире, нежели въ Кахетіи. Скоро онъ получилъ въ командованіе линейный казачій полкъ,—и съ этихъ поръ имя его получаетъ историческую извѣстность. Даже горцы слагали о немъ пѣсни,—а такія пѣсни нерѣдко переживаютъ самые народы.

Изъ другихъ выдающихся офицеровъ можно назвать Васмунда и Вирзилина, перешедшихъ въ полкъ изъ Александрійскихъ гусаръ. Оба они командовали позже также казачьими полками, а Вирзилинъ былъ и первымъ наказнымъ атаманомъ линейнаго казачьяго войска.

Въ то же самое время, какъ внутренняя жизнь Нижегородскаго полка слагалась столь своеобразно, въ него приходили случайные, новые эле-

менты, люди исключительные по энергіи, а часто и по силѣ ума. Полкъ успѣвалъ накладывать на нихъ свои оригинальныя черты, но и они въ свою очередь оставляли въ полку глубокія и долгія воспоминанія. Въ описываемую эпоху черезъ полкъ прошелъ цѣлый рядъ такихъ личностей, изъ которыхъ нѣкоторые оставили свои имена не только въ исторіи полка, но и въ исторіи всей русской общественной жизни.

Въ 1817 году среди Нижегородцевъ появляется въ высокой степени характерная фигура Якубовича. Онъ сосланъ былъ на Кавказъ изъ корнетовъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка за извѣстную дуэль между Завадовскимъ и Шереметевымъ, при которой былъ секундантомъ. Въ Тифлисѣ. проѣздомъ въ Караагачъ, онъ стрѣлялся съ Грибоѣдовымъ и ранилъ его въ руку. Это были старые счеты по той же шереметевской дуэли, но замѣчательно, что эта случайная рана, спустя 11 лѣтъ, только и помогла отыскать тѣло несчастнаго Грибоѣдова, изуродованное до неузнаваемости тегеранскою чернію.

Желая доставить Якубовичу возможность «заслужить вину своей безразсудной молодости», Ермоловъ командировалъ его въ Дагестанъ, гдѣ онъ, при покореніи Казикумыкскаго ханства, командовалъ въ отрядѣ князя Мадатова всею мусульманскою конницею. «Якубовичъ», доносилъ Ермоловъ, «отличилъ себя при этомъ поистинѣ блестящею храбростію, и если не достоинъ воспользоваться милосердіемъ Императора для перевода обратно въ гвардію, то прошу для него орденъ св. Владиміра 4-й степени, ибо онъ по справедливости офицеръ отличный» (8). Эта экспедиція послужила началомъ боевой извѣстности Якубовича. Изъ Казикумыка онъ перешелъ въ Кабарду, потомъ на правый флангъ и, можно сказать, четыре года не слѣзалъ съ коня, командуя казачьими резервами то на Малкѣ, то на Баксанѣ и Чегемѣ, то на Кубани. Съ своими отважными линейцами онъ часто углублялся въ нѣдра вражескихъ горъ и внезапными набѣгами разрушалъ замыслы хищниковъ. Разсказываютъ, что въ 1823 году, на Святой недѣлѣ, онъ зашелъ съ своею ватагой такъ далеко, что очутился подъ Эльборусомъ, гдѣ русскіе никогда не бывали. Его казаки слышали въ горахъ колокольный звонъ, дивились, и предполагали, не живутъ ли за Карачаевцами русскіе старообрядцы. Только чрезмѣрныя опасности жестокой горной зимы, да пропасти, заваленныя снѣгомъ, не дали тогда предпріимчивому Якубовичу добраться по колокольному звону, дѣйствительно, быть можетъ, до нашихъ соотечественниковъ. Онъ успѣлъ,

однако, съ своими 15-ю удальцами, на обратномъ пути, напасть изъ-за засады на большую толпу черкесъ, ѣхавшихъ на русскую сторону, и лично изрубилъ въ бою, одинъ на одинъ, предводителя партіи; остальные бѣжали и разсѣялись по горнымъ трущобамъ. Было что-то легендарное въ этихъ набѣгахъ Якубовича и, дѣйствительно, нерѣдко одного слуха о появленіи его въ горахъ, съ двумя-тремя пѣшими казаками, было достаточно, чтобы разсѣять собравшуюся партію.

Разсказы о Якубовичѣ ходили тогда по цѣлому Кавказу. Отважнѣйшіе черкесскіе князья, и даже самый знаменитый въ то время Джембулатъ Болотоковъ, искали его дружбы и гордились быть его кунаками. Они цѣнили въ немъ великодушіе, вѣрность данному слову, и рыцарское обращеніе съ плѣнными, особенно женщинами. Послѣднихъ Якубовичъ отпускалъ всегда безъ выкупа. Одну красавицу княгиню онъ даже отвезъ въ горы самъ и лично передалъ мужу. Признательный князь отпустилъ тогда съ Якубовичемъ всѣхъ бывшихъ у него русскихъ плѣнныхъ.

Якубовичъ такъ сроднился съ обычаями горцевъ и съ образомъ войны ихъ, что походилъ на черкеса гораздо болѣе, чѣмъ многіе кабардинцы. Солдаты и казаки боготворили его за справедливость и безкорыстіе. Преданность казаковъ и спасла его однажды отъ неминуемой смерти. Случай этотъ былъ въ томъ же 1823 году, во время экспедиціи за Кубань генерала Вельяминова. Оставленный съ своими охотниками для прикрытія отступленія, Якубовичъ былъ отрѣзанъ горцами. Отбивая ихъ нападенія, онъ стоялъ за деревомъ и не замѣтилъ, какъ два черкеса подползли къ нему сзади. Не изъ тѣхъ людей былъ Якубовичъ, чтобы потеряться: онъ быстро повернулся къ противникамъ, одного срубилъ шашкой, но другой выстрѣлилъ въ упоръ, и пуля, ударивъ въ лобъ, прошла надъ правымъ глазомъ черезъ весь черепъ. Казаки быстро схватили его на руки, пробились сквозь непріятеля и, кинувшись въ рѣчку, благополучно доставили его на противоположный берегъ.

Въ лагерѣ Якубовича считали раненымъ смертельно; лучшіе доктора давали ему нѣсколько часовъ жизни. Но желѣзная натура его все превозмогла, и черезъ сутки, блѣдный, съ повязанною головою, онъ уже ѣхалъ верхомъ передъ своими линейцами. Горцы стали считать его заколдованнымъ. Самая наружность Якубовича представлялась необычайно типичною: высокій ростъ, большіе, черные глаза, густыя, сросшіяся брови, усы, висѣвшіе книзу, и это высокое чело, пробитое у самаго виска

черкесскою пулею,—производили невольное впечатлѣніе. Черная повязка на лбу съ тѣхъ поръ сопровождала Якубовича всюду — и въ рудники, и въ снѣжныя равнины Енисейска; рана не заживала до самой его смерти.

Блестящая военная карьера Якубовича была перервана самымъ трагическимъ образомъ. Осенью 1824 года онъ уѣхалъ въ Петербургъ лѣчиться отъ раны, былъ вовлеченъ тамъ въ обширный заговоръ, и погибъ навсегда для Кавказа и Россіи. 14 декабря его видѣли на Сенатской площади, затѣмъ онъ былъ арестованъ, и по приговору верховнаго суда сосланъ въ каторжныя работы. О дальнѣйшей судьбѣ его Розенъ, одинъ изъ товарищей его по несчастію, разсказываетъ слѣдующее. Отбывъ урочный срокъ на работахъ, онъ былъ поселенъ въ Енисейскѣ, основалъ тамъ школу, устроилъ мыловаренный заводъ, и жилъ настолько безбѣдно, что помогалъ даже и другимъ безпомощнымъ товарищамъ. Онъ умеръ въ Енисейскѣ въ 1845 году (9).

Почти одновременно съ Якубовичемъ въ Нижегородскомъ полку появляется нѣкто Ванъ-Галенъ, испанецъ, трагическая судьба котораго должна была глубоко заинтересовать офицерское общество. Ванъ-Галенъ доживалъ на Кавказѣ свою эпоху тяжкихъ испытаній, которыми судьба не поскупилась на его долю. Сынъ перемѣнчивой эпохи владычества Наполеона и реставрацій, онъ вынесъ на себѣ весь гнетъ переворотовъ, происходившихъ въ его отечествѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка: вмѣстѣ съ гверильясами сражался онъ противъ Наполеона, потомъ присягнулъ королю Іосифу Бонапарту, и когда династія Наполеона была низложена, и на испанскій престолъ вернулся король Фердинандъ VII, Ванъ-Галенъ, какъ человѣкъ близкій къ старому королю, былъ одною изъ первыхъ жертвъ начавшихся тогда гоненій. Арестованный, онъ пережилъ много тяжелыхъ дней, зная, что король подписалъ указъ о его разстрѣляніи. И если онъ не былъ разстрѣленъ, то лишь благодаря графу Монтихо, имѣвшему смѣлость остановить указъ и разъяснить королю неосновательность приговора. Тѣмъ не менѣе, все пережитое Ванъ-Галеномъ склонило его присоединиться къ одному изъ многочисленныхъ въ тѣ времена тайныхъ обществъ въ Испаніи. Онъ былъ арестованъ вторично, и на этотъ разъ не избѣжалъ всѣхъ ужасовъ инквизиціи и даже пытокъ, оставившихъ неизгладимыя черты на его здоровьѣ. Съ помощію одной великодушной дѣвушки, дочери тюремщика, ему удалось бѣжать изъ тюрьмы и, при содѣйствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, пробраться въ Англію.

Очутившись на чужбинѣ безъ всякихъ средствъ къ жизни, Ванъ-Галенъ видѣлъ для себя одинъ исходъ—искать военной службы въ такой странѣ, интересы которой не могли бы столкнуться съ интересами Испаніи,—и мысль его естественно обратилась къ далекой Россіи. Тамъ шла на Кавказѣ война, тамъ нужны были храбрые офицеры,—и Ванъ-Галенъ, какъ подполковникъ испанской кавалеріи, зачисленъ былъ маіоромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Первое знакомство съ Кавказомъ онъ свелъ осенью 1819 года въ лагерѣ подъ крѣпостью Внезапной, гдѣ тогда находился Ермоловъ. Отсюда онъ проѣхалъ въ Тифлисъ, а зиму съ 19-го на 20-й годъ провелъ уже въ Караагачѣ, среди Нижегородцевъ. Симпатичный характеръ Ванъ-Галена пріобрѣлъ ему въ полку много добрыхъ друзей; но естественно, что образованнаго, пытливаго иностранца, стремившагося видѣть и величественную природу горнаго Кавказа, и его обитателей, не могла удовлетворить глухая стоянка въ Караагачѣ. Ермоловъ понималъ это, и, вмѣстѣ съ Якубовичемъ, послалъ его въ Дагестанъ, гдѣ готовилась большая экспедиція въ Казикумыкское ханство, назначивъ его состоять при Мадатовѣ.

Когда войска подошли къ Хозреку, и пѣхота съ барабаннымъ боемъ пошла на приступъ, Мадатовъ, какъ всегда спокойный и веселый, ѣхалъ впереди, осыпаемый горскими пулями. Напрасно окружающіе просили его отъѣхать, чтобы не подвергаться опасности. «А если я уѣду, то кто же возьметъ Хозрекъ?» возразилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ.

— «Мы возьмемъ его, ваше сіятельство!» отвѣчалъ подполковникъ Сагиновъ, и съ батальономъ Апшеронскаго полка кинулся на приступъ. Онъ, и маіоръ Ванъ-Галенъ, первые вскочили на городскую стѣну—и оба были ранены. Солдаты по ихъ слѣдамъ ворвались въ городъ, и Хозрекъ былъ взятъ. Ермоловъ просилъ о награжденіи Ванъ-Галена орденомъ св. Владиміра 4 степени. Но вмѣсто награды полученъ былъ высочайшій приказъ объ исключеніи Ванъ-Галена изъ русской службы и о высылкѣ его за границу. Причиною такого распоряженія были, какъ оказалось впослѣдствіи, политическія бури, разразившіяся тогда надъ Испаніей и приведшія къ паденію короля Фердинанда VII. Ермоловъ принялъ въ судьбѣ Ванъ-Галена сердечное участіе, позаботился о его матеріальныхъ средствахъ, и на прощанье подарилъ ему отличную бѣлую бурку, прося сохранить ее на память, какъ произведеніе страны, въ которой онъ находился на службѣ.

Впослѣдствіи Ванъ-Галенъ, по приглашенію королевы Христины, опять поступилъ въ испанскую армію, былъ генераломъ и командовалъ кавалерійскою дивизіей.

Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Лондонѣ появились его интересныя записки, въ которыхъ не мало отведено имъ мѣста Кавказу. Это было первое живое слово, сказанное о немъ иностранцемъ, котораго судьба сдѣлала очевидцемъ значительныхъ событій въ краѣ,—и надо сказать, что Ванъ-Галенъ представилъ Европѣ эту страну и русское въ ней вліяніе въ ихъ настоящемъ свѣтѣ ([10]).

Прошелъ черезъ ряды Нижегородскаго полка въ тѣ же памятные годы и замѣчательный превратностію своей судьбы Григорій Ивановичъ Нечволодовъ, появившійся въ Караагачѣ рядовымъ въ 1822 году, когда ему было уже за сорокъ лѣтъ отъ роду. Жизнь этого человѣка была полна приключеній. Родился онъ въ 1781 году, въ пограничной полосѣ около Изюма, лишился рано отца и росъ среди тогдашнихъ пограничныхъ тревогъ безъ всякаго призора, веселымъ, но нѣсколько буйнымъ и своенравнымъ ребенкомъ. Когда ему было 14 лѣтъ, черезъ ихъ деревню проходилъ 6-й егерскій полкъ, которымъ командовалъ дядя Нечволодова по матери. Онъ взялъ его съ собою къ великой радости сосѣдей, не имѣвшихъ отъ него покоя, а черезъ четыре года Нечволодовъ уже офицеромъ участвовалъ въ итальянскомъ походѣ Суворова. Однажды, при защитѣ крѣпости Бресчіа, онъ помѣстился въ амбразурѣ и, какъ отличный стрѣлокъ, билъ оттуда французовъ на выборъ; но вдругъ ядро, пущенное съ непріятельской батареи, сбило амбразуру; ветхая каменная стѣна не выдержала этого сотрясенія, рухнула и придавила собой Нечволодова; его вытащили полураздавленнаго и едва живого. Это были первыя раны, и первыя увѣчья, которымъ впослѣдствіи онъ потерялъ счетъ, и о внесеніи которыхъ въ формулярный списокъ никогда не заботился.

Въ Италіи Нечволодовъ участвовалъ съ Суворовымъ въ сраженіяхъ при Нови и Требіи, переходилъ съ нимъ черезъ Альпы и Чортовъ мостъ, и не разъ получалъ благодарность изъ самыхъ устъ знаменитаго полководца. Окончилъ онъ войну поручикомъ, и съ брилліантовыми знаками Анны 2-й степени на шеѣ, награда въ его чинѣ—исключительная.

Казалось, передъ Нечволодовымъ развертывалась блестящая военная карьера. Но тутъ случилось обстоятельство, которое сразу разрушило всѣ его честолюбивыя надежды. Что это были за обстоятельства — остается

неизвѣстнымъ; формуляръ его ничего не говоритъ объ этой порѣ его жизни; въ современныхъ запискахъ и бумагахъ тоже нѣтъ на нихъ никакого намека, а самъ Нечволодовъ никогда не вспоминалъ объ этомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто вскорѣ по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Италіи. Семейныя преданія смутно передаютъ только, что это была какая-то роковая дуэль, чуть ли не съ роднымъ братомъ, окончившаяся тѣмъ, что Нечволодовъ получилъ двѣ тяжкія сабельныя раны въ голову, а противникъ его былъ изрубленъ. Нечволодова лишили чиновъ, орденовъ и сослали въ далекій и пустынный городъ Колу. Жизнь въ этомъ городѣ, гдѣ цѣлые полъ-года не прекращается день, а другіе полъ-года царитъ безразсвѣтная глухая ночь, не полюбилась Нечволодову; онъ бѣжалъ на какомъ-то кораблѣ въ Гановеръ, оттуда перебрался въ Англію и, не имѣя средствъ къ жизни, нанялся волонтеромъ въ англійскія войска, готовившіяся къ отплытію въ Индію. Военныя дѣйствія въ этой волшебной классической странѣ манили Нечволодова; но планъ его не осуществился. Слухъ о его похожденіяхъ дошелъ до графа С. Р. Воронцова, бывшаго тогда русскимъ полномочнымъ министромъ при англійскомъ дворѣ,—и онъ потребовалъ Нечволодова къ себѣ. Воронцовъ съумѣлъ оцѣнить умъ, таланты, даже пылкость нрава молодого несчастливца, уговорилъ его отказаться отъ своихъ мечтаній, взялъ съ собою въ Россію и выпросилъ ему у императора Александра полное помилованіе. Случай, послужившій причиною къ разжалованію, не внесенъ даже въ послужной списокъ, въ которомъ только и значится, что въ 1803 году Нечволодовъ «вновь опредѣленъ въ 20-й егерскій полкъ прежнимъ поручичьимъ чиномъ». Ордена, однакоже, возвращены ему не были, и ихъ пришлось заслуживать ему вторично.

Къ этому времени относится первая его романическая женитьба на одной изъ польскихъ магнатокъ графинѣ Тышкевичъ. Гордая и богатая родня невѣсты не соглашалась на бракъ съ московскимъ схизматикомъ, но Нечволодовъ при помощи товарищей увезъ графиню изъ ея великолѣпнаго замка и перевѣнчался съ нею въ бѣдной деревенской церкви. Пока шло богослуженіе, церковныя двери были заперты наглухо и, на случай погони за бѣглянкой, стояли у нихъ на стражѣ офицеры-товарищи.

Затѣмъ наступаютъ опять безпрерывные военные походы,—и рядъ новыхъ сраженій ведетъ за собою рядъ новыхъ отличій, ранъ и контузій для Нечволодова. Онъ раненъ два раза подъ Прейсишъ-Эйлау и

Гейдельсбергомъ, возвратилъ себѣ старые суворовскіе ордена, произведенъ въ капитаны; но по окончаніи войны долженъ былъ выйти въ отставку за ранами, которыя помѣшали ему участвовать и въ отечественной кампаніи. Только оправившись отъ нихъ, онъ снова поступилъ на службу въ 1813 году маіоромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, входившій тогда въ составъ летучаго корпуса Платова. Здѣсь-то между Нечволодовымъ и Платовымъ завязалась тѣсная дружба, не прекращавшаяся уже до самой смерти знаменитаго атамана. Кампанія не обошлась для Нечволодова безъ новыхъ ранъ и увѣчій. Подъ Лейпцигомъ, 6 октября, командуя 6-мъ эскадрономъ Павлоградскаго полка, онъ произвелъ нѣсколько блестящихъ атакъ; но въ одной изъ нихъ ему не посчастливилось: онъ былъ окруженъ французами, сбитъ съ лошади тупымъ концомъ пики, и черезъ него пронесся цѣлый уланскій полкъ; каждый французъ считалъ своимъ долгомъ кольнуть его пикой или ударить саблей. Ударовъ этихъ было такъ много, что Нечволодовъ былъ превращенъ, можно сказать, въ кусокъ битаго мяса. Но при быстрой скачкѣ французовъ ни одинъ ударъ не былъ смертельнымъ; Нечволодовъ догадался надвинуть на голову киверъ, и этимъ, быть можетъ, обязанъ спасеніемъ своей жизни. Черезъ нѣсколько дней, несмотря на раны, онъ съ лихвой отплатилъ французамъ у Франкфурта. Вотъ какъ описываетъ Платовъ это блестящее кавалерійское дѣло. «Когда французскій кирасирскій полкъ повелъ атаку на нашу батарею, два эскадрона павлоградскихъ гусаръ, стоявшіе, подъ командой маіора Нечволодова, на лѣвомъ флангѣ, чрезвычайно искусно воспользовались запальчивостью французовъ. Храбрый Нечволодовъ далъ доскакать имъ почти до самой батареи, и затѣмъ, на моихъ глазахъ, кинувшись въ тылъ, положилъ лоскомъ четыре непріятельскіе эскадрона: 230 человѣкъ были изрублены, а 180 нижнихъ чиновъ, два штабъ-офицера, и самъ полковой командиръ захвачены имъ въ плѣнъ»... Нечволодовъ получилъ за это орденъ св. Владиміра 4 ст.; тотъ же орденъ вторично, вмѣстѣ съ чиномъ подполковника, пожалованъ былъ ему за Фершампенуазъ, за взятіе Нимура, гдѣ спѣшенные павлоградцы дрались вмѣстѣ съ платовскими казаками, за партизанскіе набѣги и, наконецъ, за бой 18 марта подъ стѣнами Парижа ([11]).

Странная судьба опять вмѣшивается тутъ въ блестящую карьеру Нечволодова. По возвращеніи изъ Франціи онъ былъ переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ, гдѣ и случилась съ нимъ одна исторія весьма

непріятнаго свойства: онъ проигралъ 17 тысячъ казенныхъ денегъ. Его опять разжаловали въ рядовые. Императоръ Александръ, цѣня, однако, безчисленныя раны и молодецкую боевую службу Нечволодова, приказалъ перевесть его на Кавказъ, въ Нижегородскій полкъ, чтобы дать ему случай новыми подвигами заслужить прощеніе. Сообщая объ этомъ Ермолову, военный министръ прибавлялъ: «желательно, однако, чтобы Ночволодова не такъ скоро производили въ чины»... ([12]).

Въ Караагачѣ, въ качествѣ простого драгуна, Нечволодовъ тотчасъ принялъ участіе въ джарской экспедиціи князя Эристова, и Ермоловъ просилъ о полномъ и безусловномъ его помилованіи ([13]). Нечволодова, однако, произвели только въ прапорщики. Тогда Ермоловъ послалъ его на Кубань, прикомандировавъ къ линейнымъ казакамъ. Тамъ Нечволодовъ пробылъ четыре года, и передъ самою персидскою кампаніею возвратился въ полкъ уже маіоромъ, и съ тѣми орденами, которые заслужилъ когда-то съ Суворовымъ въ Италіи, и съ Платовымъ во Франціи. Съ этою личностью, имѣвшею, впослѣдствіи, глубокое и благотворное вліяніе на общество Нижегородскаго полка, мы еще встрѣтимся въ послѣдующихъ разсказахъ.

Былъ въ ту же ермоловскую эпоху въ Нижегородскомъ полку и еще одинъ изъ разжалованныхъ, баронъ Розенъ, присланный въ Караагачъ изъ корнетовъ Кавалергардскато полка рядовымъ, за какую-то дерзость противъ начальства. Ермоловъ также доставилъ ему случай участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, и тамъ, при заложеніи Внезапной, Розенъ раненъ былъ пулею въ голову. Цѣлымъ рядомъ отличій и кровью, онъ вернулъ чины, всѣ ордена, заслуженные имъ въ наполеоновскихъ войнахъ, и черезъ четыре года перешелъ обратно штабсъ-ротмистромъ въ лейбъ-гвардіи Кирасирскій полкъ.

Пребываніе подобныхъ личностей въ Нижегородскомъ полку было болѣе или менѣе кратковременно, но оно всегда оставляло въ немъ свои значительные слѣды. Нижегородцы, слыша о ихъ подвигахъ, связывали съ ихъ именами имя своего полка, невольно подчинялись обаянію ихъ славы, съ гордостію говорили о нихъ, дѣлали ихъ предметомъ полковыхъ преданій.

Вся жизнь полка, всѣ обстоятельства, такимъ образомъ, слагались въ высшей степени благопріятно для развитія въ немъ военнаго духа, который преемственно и передавался позднѣйшимъ поколѣніямъ. Нужно сказать, что къ началу персидской войны изъ старыхъ Нижегородцевъ,

пришедшихъ съ полкомъ въ Грузію въ 1809 году, не оставалось уже ни одного человѣка; послѣднимъ выбылъ подполковникъ Саликовъ, вышедшій въ 1824 году въ отставку (14).

Но всѣ эти перемѣны, сравнительно довольно значительныя, совсѣмъ не отражались на полку въ смыслѣ духовнаго строя его жизни; перемѣнялись люди, а бытъ, нравы, чувства воинской чести и доблесть оставались тѣ же. И когда, съ открытіемъ персидской войны, Нижегородскому полку представилась болѣе широкая арена дѣятельности, онъ вышелъ на нее уже съ тѣми могучими силами, которыя неудержимо и повели его по пути славныхъ дѣлъ и безсмертныхъ подвиговъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА I.

	Томъ II стр.
1) Рапортъ Суворова къ Потемкину 25 августа 1783 г. № 302	2
2) Исторія Суворова, Петрашевскаго	3
3) Воен. Учен. Ар. Глав. Шт. 1 отд. № 190	—
4) Тамъ же	—
5) Изъ рукописной Исторіи Кавалеріи В. В. Крестовскаго	4
6) Тамъ же.	—
7) Полковой Журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ за 1787 г.	—
8) Тоже за 1786 г.	5
9) Изъ рукописной Исторіи Кавалеріи В. В. Крестовскаго	—
10) Изъ бумагъ графа А. А. Бобринскаго	—
11) Ордеръ Текелли Нижегородскому полку отъ 5 февраля 1787 г. № 317. Полковой журналъ 1787 г.	—
12) Полковой журналъ 1787 г. января 19	6
13) Формулярный списокъ князя Щербатова. Изъ полковыхъ бумагъ	—
14) Журналъ 1787 г. Секрет. ордеръ генерала Розена 15 апрѣля	—
15) Предписаніе Розена отъ 25 августа 1787 г. № 92 и секрет. предписаніе его отъ того же числа за № 99	—
16) Матеріалами для исторіи Второй Турецкой войны служили: «Реляціи турецкой войны въ царствованіе Екатерины II» и «Собраніе всѣхъ помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ съ 1787 по 1791 года реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей Россійской Имперіи». Импер. Публич. Библ.	7
17) Приказъ по полку 27 февраля 1787 г.	—
18) Полковой журналъ 26 февраля 1788 г.	—
19) Тоже. Предписаніе Текелли 7 ноября 1787 г. № 319 и генерала Загряжскаго отъ 15 ноября № 39	—
20) Приказъ по полку 9 апрѣля 1788 г. и предписаніе Текелли 18 февраля № 188 .	8

ПРИМѢЧАНІЯ.	Томъ II стр.
[21]) Библіот. Импер. Акад. Наукъ. № 33 Бутковъ. «Матеріалы для новой исторіи Кавказа». Рукопись	8
[22]) Приказъ по полку 14 октября 1788 г.	9
[23]) Библіотека Импер. Акад. Наукъ № 33. Рукопись Буткова	—
[24]) Приказы по полку 17, 23 и 25 октября 1788 г.	—
[25]) Приказъ по полку 20 декабря 1788 г.	—
[26]) Реляціи Турецкой войны и квартирн. росп. войскъ на 1788 г.	10
[27]) Изъ бумагъ графа А. А. Бобринскаго. Ордеръ Потемкина 15 января 1790 г. № 150	—
[28]) Сынъ Отечества 1824 г. № 30, Буткова и «Реляціи турец. войны въ царств. Екатерины II». Имп. Пуб. Библ.	11
[29]) Собраніе всѣхъ помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей Россійской Имперіи. Импер. Публ. Библ.	12
[30]) Тамъ же	—
[31]) Тамъ же	—
[32]) Полковой журналъ 1790 года	—
[33]) Жизнь Пишчевича, имъ самимъ описанная 1764—1805 г. Чтеніе въ Импер. обществѣ Ист. и Древ. 1885 г., кн. 1-я и 2-я	13
[34]) Бутковъ. Матеріалы для новой Исторіи Кавказа. Взятіе Анапы въ 1791 г. Отечеств. Зап. 1828 г. №№ 85, 86, 87, 91 и прибавленіе къ № 18. Реляціи	—
[35]) Тамъ же. Полковой журналъ 1791 г. Наградный листъ секундъ-маіора Ланге	14
[36]) Жизнь Пишчевича. Чтенія въ общ. Ист. и древности 1885 г., кн. 1 и 2	—
[37]) Тамъ же	15
[38]) Рукопись Буткова. Въ числѣ отличившихся въ колоннѣ Загряжскаго поименованы слѣдующіе офицеры: премьеръ-маіоръ Лобановъ, капитаны: Шебашевъ, Соколовъ, Похвисневъ, полковой квартермистръ Потлогъ 1-й и прапорщикъ Нагальскій	—
[39]) Тамъ же	—
[40]) Полковой журналъ 1791 г. Наградные списки офицеровъ, отличившихся на штурмѣ Анапы, и Рукопись Импер. Акад. Наукъ. Бутковъ: листы 218—224	16
[41]) Полковой журналъ входящихъ бумагъ за 1792 г.	—

ГЛАВА II.

[1]) Полковой журналъ за 1792 г.	18
[2]) Тамъ же	—
[3]) Тамъ же	—
[4]) Тамъ же	19
[5]) Тамъ же	—
[6]) Книга приказовъ по полку за 1792 г.	—
[7]) Тамъ же	—
[8]) Полковой журналъ за 1792 г.	—

Примѣчаніе	Томъ II стр.
9) Путешествіе Саввы Текелли. Рус. Ар. 1878 г. № 12	20
10) Приказы по полку за 1792 г.	—
11) Жизнь Пишчевича. Чтеніе въ Импер. общ. Исторіи и древн. 1885 г., кн. 1 и 2	—
12) Приказы по полку за 1792 г.	21
13) Воен. Уч. Ар. Глав. Шт. Копіи съ дѣлъ Георгіевскаго Архива	—
14) Приказы по полку за 1792 г.	—
15) Біографія Раевскаго. Замѣчанія на некрологію Раевскаго, Д. Давыдова	22
16) Полковой журналъ за 1792 г.	—
17) Приказы по полку за 1792 г.	—
18) Воен. Уч. Ар. Главн. Шт. Копіи съ дѣлъ Георгіевскаго архива	—
19) Приказы по полку за 1792 г.	23
20) Графъ Петръ Петровичъ фонъ-деръ-Паленъ и его время. Богдановичъ	—
21) Матеріалами при описаніи персидскаго похода служили: Воен. Уч. Ар. Глав. Шт. д. № 1258 (б) отд. 2. Походъ графа Зубова въ Персію въ 1796 году. Дубровина. Воен. Сбор. 1874 г. № 2—6. Записки о походѣ 1796 г. Отеч. Зап. 1827 г., ч. 31	24
22) Персидскій походъ 1796 г. Воспоминаніе Бакуниной (переводъ съ франц.) Рус. Ст. 1887 г. т. 53	—
23) Тамъ же	—
24) Тамъ же	25
25) Тамъ же	26
26) Тамъ же	—
27) Тамъ же	27
28) Тамъ же	—
29) Тамъ же	—
30) Тамъ же	29
31) Тамъ же	—
32) Полковыя бумаги. Вѣдомость о числѣ войскъ, состоявшихъ подъ ружьемъ къ 1 декабря 1796 года. Отношеніе графа Зубова команд. войсками на Кавказской линіи генералу Исленьеву	—
33) Записки Бакуниной	—
34) Тамъ же	30
35) Тамъ же	—
36) Воен. Уч. Ар. Глав. Шт. д. № 3872, 2 отд.	31
37) Погодина. Матеріалы для біографіи А. П. Ермолова	—
38) Приказы по полку за 1797 годъ. Предписаніе графа Салтыкова Гудовичу № 338	32

ГЛАВА III.

Примѣчаніе	Томъ II стр.
1) Преобразователи Русскаго войска въ царствованіе Павла. Лебедева. Рус. Ст. 1877 г. № 2	34
2) Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ. Висковатова	35

	Томъ II стр.
3) Преобразователи русскаго войска. Лебедева. Рус. Ст. 1877 г. № 4	35
4) Тамъ же	36
5) Тамъ же	—
6) Тамъ же	—
7) Тамъ же	—
8) Донесеніе Щербатова. Воен. Уч. Ар. Гл. Шт. д. № 3872	—
9) Полковой журналъ за 1797 годъ	37
10) Тамъ же	—
11) Тамъ же	38
12) Полковыя дѣла. Предписаніе Г.-Ад. Ростопчина генералу Исленьеву 10 іюня 1797 г. и рапортъ Исленьева Гудовичу отъ 21 іюля 1797 г	39
13) Приказы по полку за 1797 г.	—
14) Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ. Висковатова	—
15) Тамъ же. Оранжевый прикладъ вмѣсто чернаго Высочайше утвержденъ 29 мая 1798 г.	—
16) Полковой журналъ за 1797 г.	40
17) Тамъ же	—
18) Полковое дѣло. Прибыль и убыль офицеровъ за 1797, 1798, 1799 и 1800 года	—
19) Полковыя дѣла. Донесеніе Грушецкаго Военной Коллегіи отъ 5 августа 1799 года № 798	41
20) Полковыя дѣла съ 1796 по 1800 г.	—
21) Газета «Кавказъ» 1847 г. и 1867 г. № 67 и 69. Сбор. газеты «Кавказъ» т. 1	—
22) Преобразователи русскаго войска. Лебедевъ. Рус. Ст. 1877 г. № 4	42
23) Изъ дѣлъ полка	43
24) Полковой журналъ за 1798 г.	—
25) Тамъ же	—
26) Тамъ же	44
27) Хроника Россійско-Императорской арміи	—
28) Одежда и вооруженіе русскихъ войскъ. Висковатова	—
29) Всеподданнѣйшее донесеніе Кнорринга отъ 25 іюля 1800 г. № 66 и записка его же отъ 5 августа 1801 года	45
30) Акты Кав. Арх. Ком. т. II	46

ГЛАВА IV.

1) Одежда и вооруженіе русскихъ войскъ. Висковатова	48
2) Тамъ же	49
3) Неизданныя записки князя Ив. Мих. Андроникова	—
4) Одежда и вооруженіе русскихъ войскъ. Висковатова	—
5) «Кавказцы», изд. Новоселова. Біографія Глазенапа	50

[6]) Тамъ же 50
[7]) Записки Броневскаго. Отдѣлъ рукописей Импер. Публич. библ. . . . . . . —
[8]) Тамъ же 51
[9]) Тамъ же . . . . —
[10]) Тамъ же 53
[11]) Тамъ же . . . . —
[12]) Книга приказовъ по полку за 1803 годъ 59
[13]) Самсонъ-Ханъ. Рус. Ст. 1876 г. т. XV 60
[14]) Полковыя дѣла. Формуляръ Сталя . . . . —
[15]) Изъ записокъ Броневскаго. Отдѣлъ рукописей Имп. Публ. библ. 61
[16]) Тамъ же и біографія Глазенапа. Изд. Новоселова 62
[17]) Изъ записокъ Броневскаго . . . . —
[18]) Всеподданнѣйшая записка Кнорринга отъ 5 августа 1801 г. . . . . —
[19]) Письмо Глазанапа. Славянинъ 1827, 1828 и 1829 годовъ . . . . —
[20]) Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ. Висковатова . . . . —
[21]) Изъ записокъ Броневскаго 63
[22]) Приказъ по полку 3 іюня 1803 г. Съ эскадрономъ переведены изъ полка: подполковникъ Куликовскій, маіоръ Шубинъ, капитанъ Турбинъ, штабсъ-капитанъ Кашинцевъ, поручики Еремѣевъ и Аладьинъ и прапорщики Золотаревы 1-й и 2-й . . . . . —
[23]) Книга приказовъ по полку за 1803 годъ 64

ГЛАВА V.

[1]) Архивъ Окруж. Шт. Кав. В. округа. Дѣла Георгіевскаго архива 66
[2]) Ар. Глав. Шт. д. № 3878, отд. 2 . . . . —
[3]) Рук. отд. Импер. Публ. биб. Записки Броневскаго и донесеніе Глазенапа кн. Циціанову 10 мая 1804 г. № 167. Воен. Уч. Ар. Гл. Шт. д. № 3878 67
[4]) Записка Броневскаго. Рукоп. отд. Импер. Пуб. библ. 69
[5]) Донесеніе Глазенапа князю Циціанову 18 мая 1804 г. № 171 и 26 іюня № 258 . —
[6]) Тамъ же . . . . —
[7]) Рапор. Дехтярева 15 іюня 1804 г. № 111 и 17 іюня № 112. Донесеніе Глазенапа 26 іюня № 258 70
[8]) Тамъ же 71
[9]) Рапортъ Глазенапа 30 іюня 1804 г. № 261 . . . . —
[10]) Тамъ же 72
[11]) Рапортъ Глазенапа 8 марта 1805 г. № 131 . . . . —
[12]) Архивъ Окр. Шт. Кав. Воен. Окр. Наградные списки . . . . —
[13]) Біографія Глазенапа. «Кавказцы», изд. Новоселова 73
[14]) Ар. Окр. Шт. Кав. Воен. Окр. Наградные списки . . . . —
[15]) Воен. Уч. Ар. Гл. Шт. 2 отд. № 3872 . . . . —
[16]) Изъ дѣлъ Тиф. Окр. Шт. Журналъ Гудовича за 1806 г. Біографія Глазенапа. «Кавказцы» 75

	Томъ II стр.
17) Записки Броневскаго. Импер. Публ. библ.	76
18) Арх. Тиф. Окруж. Штаба. Дѣло Георгіевскаго архива	77
19) Біографія Глазенапа. «Кавказцы», изд. Новоселова	78
20) Записки Броневскаго. Импер. Пуб. библ.	79
21) Изъ дѣлъ Георгіевскаго архива	—
22) Записки Броневскаго. Импер. Пуб. библ.	—
23) Тамъ же	80

ГЛАВА VI.

1) Рапортъ Булгакова 13 февраля 1807 г. № 188	82
2) Книга приказовъ по полку за 1807 г.	—
3) Донесеніе Булгакова 27 февраля 1807 г. № 247	83
4) Тамъ же	84
5) Тамъ же	—
6) Приложеніе къ рапорту Булгакова за № 247	—
7) Рапортъ генер. отъ кавалеріи Апраксина Гудовичу 21 октября 1806 г. № 740. Всеподданнѣйшее донесеніе Гудовича 10 марта 1807 г. № 48. Съ эскадрономъ выбыли изъ полка: подполковникъ Потлогъ и прапорщики Кампфеталь, Янкевичъ, Пащенко, Бережневъ и Полидаевъ. Книга приказовъ по полку за 1807 г.	—
8) Записки Броневскаго. Импер. Публ. библ.	85
9) Тамъ же. Полковыя дѣла: Донесеніе Сталю маіора Албанскаго	91
10) Біографія Глазенапа. Кавказцы	94
11) Тамъ же	—
12) Изъ записокъ Броневскаго	95
13) Акты Кав. Арх. Ком. т. IV	—
14) Тиф. Арх. Окр. Штаба. Изъ дѣлъ Георгіевскаго архива	—

ГЛАВА VII.

1) Росписаніе расположенія войскъ на Кавказской линіи и въ Грузіи въ апрѣлѣ 1809 года. Рапортъ Сталя 8 апрѣля № 310	98
2) Рапортъ Сталя 8 мая 1809 г. № 434, и 12 мая № 440	99
3) Рапортъ Сталя 16 мая № 444	—
4) Донесеніе Тормасова 9 мая за № 15	—
5) Изъ дѣлъ Тифлисскаго Окружнаго Штаба	100
6) Донесеніе Тормасова Воен. Министру 10 сентября № 104	—
7) Тоже отъ 21 сентября № 111	101
8) Тамъ же	—
9) Воен. Уч. Ар. Главн. Шт. д. № 3873	—

	Томъ II стр.
[10]) Іосселіани. Древніе города въ Грузіи	101
[11]) Письмо Тормасова Воен. Министру 4 мая 1810 г. № 64	102
[12]) Тоже отъ 26 мая № 76	—
[13]) Акты Кав. Археогр. Комиссіи	103
[14]) Наградные списки. Приложеніе къ донесенію Паулуччи. Изъ дѣлъ Тифлисскаго Окружнаго Штаба	—
[15]) Изъ дѣлъ Тифлисскаго Окружнаго Штаба	104
[16]) Донесеніе Тормасова Военному Министру 16 декабря 1810 года № 216. Акты Кавк. Археогр. Комиссіи. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. № 3887	105
[17]) Тамъ же	106
[18]) Изъ дѣлъ Тифлисскаго Окружнаго Штаба	—
[19]) Тамъ же	—
[20]) Описаніе турецкой экспедиціи 1810 года. Составилъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба шт.-кап. Ермоловъ	—
[21]) Тамъ же	—
[22]) Квартирное росписаніе войскъ на Кавказской линіи и въ Грузіи. Изъ дѣлъ Тифлисскаго Округ. Штаба	—
[23]) Тамъ же. Журн. Маркиза Паулуччи за 1811 годъ «Всеподдан. донес. Паулуччи 6 января 1812 г.»	107
[24]) Тамъ же. Квартирное росписаніе войскъ на 1811 годъ	—
[25]) Приказъ по полку 12 апрѣля 1812 г. Полковыя дѣла	108
[26]) Донесеніе Сталя Ртищеву 9 іюня 1812 г. № 272	—

ГЛАВА VIII.

[1]) Акты Кав. Арх. Ком. т. V	110
[2]) Тамъ же	—
[3]) Арх. Тиф. Окр. Штаба. Дѣла за 1818 г. № 159	111
[4]) Русскій Вѣстникъ 1841 г. Путешествіе по Кахетіи Зубарева	—
[5]) Тамъ же	—
[6]) Донесеніе Сталя отъ 21 мая 1812 г. № 121	—
[7]) Тамъ же	—
[8]) Рапортъ Сталя отъ 21 марта 1812 г. и Всеподдан. ходатайство Паулуччи отъ 26 марта № 60	112
[9]) Изъ дѣлъ Тиф. Окружн. штаба о Кахетинскомъ бунтѣ	—
[10]) Рапортъ Сталя отъ 29 марта № 161 и 13 апрѣля № 298	113
[11]) Предписаніе Воен. Министра по 1 отд. Общей канцеляріи Воен. Министерства отъ 27 апрѣля 1812 г. № 1035	—
[12]) Ар. Тиф. Окр. Штаба. Донесеніе Сталя отъ 26 апрѣля № 311	—
[13]) Рапортъ ген.-м. кн. Орбеліани 30 мая № 45 и 46 и рапорты Сталя отъ 19 мая № 30 и 31 мая № 50	114

	Томъ II стр.
[14]) Изъ дѣлъ архива Тиф. Окруж. Шт. за 1812 годъ	114
[15]) Тамъ же	—
[16]) Предписаніе Ртищева Сталю 15 октября 1812 г. № 844	—
[17]) Приказы по полку за 1812 г.	116
[18]) Тоже	—
[19]) Изъ записокъ Яневича	—
[20]) Тифл. Окруж. Штабъ. Предписаніе Ртищева Сталю отъ 13 мая 1813 г. № 89. Воен. Уч. Ар. Глав. Штаба дѣло № 3873	117
[21]) Наградные списки, приложеніе къ рапорту Симонича отъ 17 іюня 1813 г.	118
[22]) Донесеніе Сталя 27 мая № 331. Арх. Тиф. Окр. Штаба	—
[23]) Тамъ же	119
[24]) Акты Кав. Арх. Ком. т. V	—
[25]) Наградные списки, приложенные къ рапорту генерала Симонича отъ 17 іюня 1813 г.	120
[26]) Акты Кав. Арх. Ком. т. V	—
[27]) Тамъ же	121
[28]) Наградные списки при рапортѣ Симонича	—
[29]) Тамъ же	—
[30]) Вѣдомость о числѣ войскъ, бывшихъ въ Хевсурскомъ походѣ, приложенная къ всеподданнѣйшему донесенію Ртищева	—
[31]) Рапортъ Сталя 13 ноября 1813 г. № 729	122

ГЛАВА IX.

[1]) Іосселіани. Описаніе древнихъ городовъ Грузіи	124
[2]) Рапортъ Сталя 13 ноября 1813 г. № 729	125
[3]) Тоже отъ 26 ноября за № 769	—
[4]) Тоже отъ 25 мая 1814 г. № 166	126
[5]) Тоже 13 октября 1814 г. № 464	—
[6]) Акты Кав. Археогр. Комиссіи т. VI	127
[7]) Изъ путевыхъ замѣтокъ по Кавказу. Сѣвер. Ар. 1823 г.	128
[8]) Штатная вѣдомость Высочайше утвержденная 3 января 1813 г.	—
[9]) Описаніе одежды и вооруженія русск. войскъ. Висковатова	—
[10]) Донесеніе Саликова Сталю 29 апрѣля 1815 г. № 403	—
[11]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Донесеніе Сталя 24 іюля 1815 г. № 115	133
[12]) Наградной списокъ къ донесенію Сталя за № 115	—
[13]) Изъ разсказовъ, записанныхъ мною со словъ старыхъ лезгинъ	—
[14]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Донесеніе Г. М. Загорскаго отъ 9 августа 1815 г. № 1315	134

ГЛАВА X.

	Томъ II стр.
[1]) Донесеніе маіора Любецкаго 9 іюня 1816 г. № 8 и 23 іюня № 100	136
[2]) Донесеніе маіора Любецкаго 21 сентября 1816 г. № 179	—
[3]) Рапортъ Климовскаго Сталю 15 апрѣля 1818 г. № 231 и дон. г.-м. кн. Эристова 18 апрѣля № 114	137
[4]) Тамъ же	138
[5]) Рапортъ Климовскаго 3 мая 1818 г. № 204	—
[6]) Акты Кав. Археогр. Комиссіи	—
[7]) Рапортъ Климовскаго 24 октября 1818 г. № 742	—
[8]) Донесеніе Сталя 29 декабря 1819 г. № 6598; рапортъ его же 12 августа 1820 г. № 982 съ выпискою изъ двухъ слѣдственныхъ дѣлъ объ убійствѣ маіора Суржикова и резолюція генерала Вельяминова 23 ноября 1820 г.	140
[9]) Имп. Публ. Библ. Записки путешественника Гамба (на французскомъ языкѣ)	141
[10]) Тамъ же	—
[11]) Тамъ же	—
[12]) Акты Кав. Арх. Ком. т. VI	142
[13]) Донесеніе князя Эристова Ермолову 1822 г. 23 февраля № 48 и 27-го № 54, 4 марта № 58, 7-го № 60, 9-го № 64 и 65, и 16-го № 73	144
[14]) Тамъ же	—
[15]) Тамъ же	—
[16]) Рапортъ Ермолова Нач. главн. шт. князю Волконскому 14 іюля 21 г. № 80. Акты Кав. Арх. Ком.	—
[17]) Формулярный списокъ князя Чавчавадзе	—
[18]) Біографія Шабельскаго. Георгіевскіе кавалеры. Изданіе Малышева	145
[19]) Книга приказовъ по полку за 1822 годъ	146
[20]) Планъ воинскаго устава о строевой кавалерійск. службѣ. Изд. 1819 г.	Примѣч. на стр. 146
[21]) Изъ записокъ Яневича	—
[22]) Георгіевскіе кавалеры. Изд. Малышева. Біографія Шабельскаго	147
[23]) Импер. Публ. Библ. Записки путешественника Гамба	148
[24]) Собственный журн. Паскевича съ сентября по ноябрь 1826 г.	—
[25]) Рапортъ кн. Эристова 1 іюня 1822 г. Ак. Кав. Арх. Ком.	149
[26]) Рапортъ кн. Эристова 20 іюля 1823 г. № 191	—
[27]) Рапорты кн. Эристова 11 іюня 1825 г. № 78 и 24 іюля 1825 г. № 124 и Акты Кав. Археогр. Комиссіи т. VI	—
[28]) Полковыя дѣла. Присяжный листъ и рапортъ полковника Шабельскаго 17 декабря 1825 г. № 1113	—
[29]) Книга приказовъ по полку за 1826 г.	150

Томъ II стр.

ГЛАВА XI.

